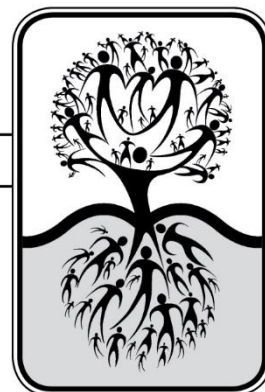

Живая ПСИХОЛОГИЯ

ISSN 2413-6522

Том 11
№1, 2024

Russian Journal
of Humanistic Psychology

- » Журнал издается с 2014 года
- » Издание рекомендовано для публикации результатов научных исследований, согласно паспорту специальностей Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Министерстве науки и высшего образования РФ
- » Входит в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

РОСТОВ-НА-ДОНУ

Научно-практический рецензируемый журнал ЖИВАЯ ПСИХОЛОГИЯ создан в 2014г., ставит своей целью стать экспертным и информационным центром в области практической психологии в рамках гуманистического подхода. В журнале публикуются материалы различного характера из следующих научных разделов психологии: клиническая психология, спортивная психология, социальная, семейная и прикладная психология, педагогическая психология, медицинская психология, психология труда. Приоритетное внимание в журнале уделяется вопросам психологии развития и исследованиям в области образа жизни человека и его жизненных ориентиров. Рассматриваются методологические вопросы, касающиеся технология построения концепции педагогической деятельности, учебно-воспитательного процесса, его практической концепции, а также методика обучения и воспитания и ее применения в науке.

Основное содержание журнала составляют результаты исследований и аналитические обзоры. В журнале также публикуются дополнительные материалы, включающие в себя анонсы мероприятий, рецензии, письма и подборки практических рекомендаций по применению.

Согласно паспорту Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, журнал рекомендован для публикации результатов научных исследований, выполняющихся в рамках подготовки диссертационных работ по следующим специальностям:

3.2.5. «Медицинская психология» (медицинские науки);

5.3.1. «Общая психология, психология личности, история психологии» (психологические науки);

5.3.3. «Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика» (психологические науки);

5.3.4. «Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред» (психологические науки);

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки);

5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования).

Язык издания: русский, английский.

Количество статей в выпуске: до 25

Периодичность выхода: восемь выпусков в год.

Международный стандартный сериальный номер (ISSN): 2413-6522 (печатная версия).

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: серия ПИ № ФС77-83669 от 05 августа 2022г.

Учредитель и издатель журнала: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Манускрипт" (ОГРН 1226100004679).

Адрес редакции: 344114, РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ, Г.О. ГОРОД РОСТОВ-НА-ДОНУ, Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ, УЛ БОРЯНА, Д. 20, 24.

Сайт издательства: <https://naukavak.ru>, **E-mail:** VAK-info@yandex.ru

**ОБРАЩЕНИЕ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
К АВТОРАМ И ЧИТАТЕЛЯМ НАУЧНОГО ИЗДАНИЯ
«ЖИВАЯ ПСИХОЛОГИЯ»**

Дорогие друзья!

Научная деятельность в наши дни предполагает обязательную вовлеченность ученого в международный информационный обмен, свободную ориентацию в актуальной проблематике избранной предметной области, тщательный выбор медиаплощадки для презентации результатов своей работы.

Научно-практический журнал «Живая психология» относится к разряду качественной научной периодики. Издание выходит в свет с 2014 года, выступая трибуной и одновременно экспертным медиаресурсом как для молодых ученых – представителей вузовских научных школ, так и для независимых исследователей. На страницах журнала традиционно размещаются статьи, раскрывающие отдельные аспекты истории психологии, теории и практики медицинской психологии, психологии личности, акмеологии, инженерной психологии, педагогической психологии и др.

Авторские материалы, представляющие собой оригинальный научный труд исследователя, проходят процедуру предварительного рецензирования и проверки на уникальность. Тщательный отбор редакционной коллегией рукописей, составляющих редакционный портфель журнала, выступают залогом высокого научного уровня журнала. Особый статус журнала «Живая психология» отражен в решении Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации рекомендовать наше издание для публикации результатов диссертационных исследований по ряду специальностей психологического профиля.

«Живая психология» имеет давние партнерские отношения со многими российскими вузами, научными школами и зарубежными образовательными центрами, что доказывает исключительную эффективность избранного курса редакционной политики, который выражается в формате работы с авторами и способах подачи научной информации.

Мы постоянно совершенствуем наши издательские технологии, стремясь сделать сотрудничество с «Живой психологией» максимально комфортным для научного сообщества.

Надеемся, что усилия, предпринимаемые коллективом нашего издания, будут по достоинству оценены нашими коллегами и благодарной читательской аудиторией.

С Уважением,
главный редактор научно-практического журнала «Живая психология»,
Осипова Алла Анатольевна.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

ОСИПОВА Алла Анатольевна – доктор психологических наук, профессор кафедры общей и педагогической психологии, Академии психологии и педагогики, Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Южный федеральный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АВАНЕСЯН Грант Михайлович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии Ереванского государственного университета

АГАПОВ Валерий Сергеевич – доктор психологических наук, профессор кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

АНИСИМОВ Олег Сергеевич – доктор психологических наук, профессор, Академик Международной академии акмеологических наук, Российской экологической академии, Академии социальных технологий и местного самоуправления, Академии социальных и педагогических наук, Международной академии наук, профессор кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

БУТОВ Александр Юрьевич – доктор педагогических наук, Академик Международной академии наук высшей школы

ВОЛКОВ Александр Кузьмич – доктор медицинских наук, профессор, директор Научно-образовательного медико-технологического центра МГТУ им. Н. Э. Баумана

ГИЛЕВ Геннадий Андреевич – доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник физической культуры РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, Мастер спорта СССР, академик МАНПО, Московский педагогический государственный университет, профессор кафедры Спортивных дисциплин и методики их преподавания

ГОРДЕЕВ Михаил Николаевич – доктор медицинских наук, кандидат психологических наук, профессор, Ректор института психотерапии и клинической психологии

ГУЗНЕНКОВ Владимир Николаевич – доктор педагогических наук, профессор кафедры «Инженерная графика» ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)», академик Российской Академии Естествознания

ДЖАНЕРЬЯН Светлана Тиграновна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности и консультативной психологии Академии психологии и педагогики, Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Южный федеральный университет»

ДЖИГА Надежда Дмитриевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии и педагогики экономико-правового факультета «БИП – Институт правоведения», Республика Беларусь

Кагермазова Лаура Цраевна – Доктор психол. наук, доцент, профессор РАО, академик РАЕН, "Заслуженный деятель науки и образования". Чеченский государственный педагогический университет

- КОЛЕСОВ Владимир Иванович** – доктор педагогических наук, кандидат экономических наук, профессор, Лужский институт (филиал) кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, заслуженный деятель науки и образования РАЕ, академик РАЕ, магистр образования
- КРУГ Владимир Михайлович** – доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник учебно-методического центра «Здоровьесберегающие технологии и профилактика наркомании в молодежной среде» МГТУ им. Н. Э. Баумана
- ЛЮБОВ Евгений Борисович** – доктор медицинских наук, профессор, заведующий отделом суицидологии Московского научно-исследовательского института психиатрии – филиала Федерального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии имени В. П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации
- ПОЛЫНСКАЯ Ирина Николаевна** – доктор педагогических наук профессор кафедры изобразительного искусства, доцент, ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет», Член Международного союза педагогов-художников, член-корреспондент Российской Академии Естествознания
- РЮМШИНА Любовь Ивановна** – доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии и психологии личности Академии психологии и педагогики, Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Южный федеральный университет»
- САМУСЕНКОВ Олег Иосифович** – заведующий кафедрой физвоспитания, доктор педагогических наук, профессор, РГХПУ им. С. Г. Строганова, Российский государственный художественно-промышленный университет им. С.Г. Строганова
- СВЕЧКАРЁВ Виталий Геннадьевич** – доктор педагогических наук, профессор, Майкопский государственный технологический университет
- СИНЯГИН Юрий Владимирович** – доктор психологических наук, профессор, заместитель директора Высшей школы государственного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
- СИНЯГИНА Наталья Юрьевна** – доктор психологических наук, профессор, президент Межрегиональной общественной организации содействия воспитанию «Содружество организаторов воспитательного процесса»
- ХАРЧЕНКОВА Людмила Ивановна** – доктор психологических наук, профессор, Российский гос. Гидрометеорологический университет
- ХАСАНОВ Навруз Баротович** – доктор педагогических наук, и.о. профессора кафедры «Организация работы с молодежью и развития русского языка» Кыргызского государственного технического университета имени И. Раззакова
- ЧЕРНАЯ Анна Викторовна** – доктор психологических наук, зав. кафедрой психологии развития Академии психологии и педагогики, Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Южный федеральный университет»
- ШКУНОВ Владимир Николаевич** – Российский историк, востоковед, педагог, Заслуженный учитель Российской Федерации, доктор исторических наук, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Российской Академии естествознания. Глава муниципального образования «Инзенский район», член Экспертного совета при Правительстве Российской Федерации. Автор более 30 монографий, 5 учебных пособий и 180 статей по актуальным проблемам истории педагогики и образования, сравнительной педагогики

ЮСУПОВ Владислав Викторович – доктор медицинских наук, профессор начальник
НИО (медико-психологического сопровождения) НИЦ Военно-медицинской
академии им. С.М. Кирова

EDITOR-IN-CHIEF:

OSIPOVA Alla Anatolyevna – Doctor of Psychological Sciences, Professor of the General and Pedagogical Psychology Department, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University

EDITORIAL BOARD:

AVANESYAN Grant Mikhailovich – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the General Psychology Department of Yerevan State University

AGAPOV Valery Sergeevich – Doctor of Psychological Sciences, Professor of the Acmeology and Psychology Department of Professional Activity of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

ANISIMOV Oleg Sergeevich – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Academician of the International Academy of Acmeological Sciences, the Russian Ecological Academy, the Academy of Social Technologies and Local Self-Government, the Academy of Social and Pedagogical Sciences, the International Academy of Sciences, Professor of the Acmeology and Psychology Department of Professional Activity of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

BUTOV Alexander Yurievich – Doctor of Pedagogical Sciences, Academician of the International Academy of Sciences of Higher Education

VOLKOV Alexander Kuzmich – Doctor of Medical Sciences, Professor, Director of the Scientific and Educational Medical and Technological Center of the Bauman Moscow State Technical University

GILEV Gennady Andreevich – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honored Worker of Physical Culture of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Master of USSR Sports, MANPO Academician, Moscow Pedagogical State University, Professor of the Sports Disciplines and Methods of their Teaching Department

GORDEEV Mikhail Nikolaevich – Doctor of Medical Sciences, Candidate of Psychological Sciences, Professor, Rector of the Institute of Psychotherapy and Clinical Psychology

GUZHENKOV Vladimir Nikolaevich – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Engineering Graphics Department, Bauman Moscow State Technical University (National Research University), Academician of the Russian Academy of Natural Sciences

Svetlana Tigranovna DZHANERYAN – Doctor of Psychological Sciences, Professor of the Personality Psychology and Counseling Psychology Department of the Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University

DZHIGA Nadezhda Dmitrievna – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Psychology and Pedagogy of the Faculty of Economics and Law Institute of Jurisprudence, Republic of Belarus

Kagermazova Laura Tsraevna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, "Honored Worker of Science and Education". Chechen State Pedagogical University

KOLESOV Vladimir Ivanovich – Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Economic Sciences, Professor, Luga Institute (branch) Department of Humanities and Natural Sciences, Leningrad State University named after A.S. Pushkin. Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Honored Worker of Science and Education of the RAE, Academician of the RAE, Master of Education

KRUG Vladimir Mikhailovich – Doctor of Psychological Sciences, Professor, leading researcher of the educational and methodological center "Health-saving technologies and prevention of drug addiction among young people" of the Bauman Moscow State Technical University

LYUBOV Evgeny Borisovich – Doctor of Medical Sciences, Professor, Head of the Suicidology Department of the Moscow Research Institute of Psychiatry, a branch of the V. P. Serbsky

*Federal Medical Research Center for Psychiatry and Narcology of the Russian Federation
Ministry of Health*

POLYNSKAYA Irina Nikolaevna – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Fine Arts Department, Associate Professor, Nizhnevartovsk State University, Member of the International Union of Art Teachers, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences

RYUMSHINA Lyubov Ivanovna – Doctor of Psychological Sciences, Professor of the Social Psychology and Personality Psychology Department of the Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University

SAMUSENKOV Oleg Iosifovich – Head of the Physical Education Department, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, S. G. Stroganov Russian State Art and Industrial University named after S.G. Stroganov

SVECHKAREV Vitaly Gennadievich – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Maikop State Technological University

SINYAGIN Yuri Vladimirovich – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Deputy Director of the Higher School of Public Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

SINYAGINA Natalia Yuryevna – Doctor of Psychological Sciences, Professor, President of the Interregional Public Organization for the Promotion of Education «Commonwealth of organizers of the educational process»

KHARCHENKOVA Lyudmila Ivanovna – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Russian State University. Hydrometeorological University

HASANOV Navruz Baratovich – Doctor of Pedagogical Sciences, Acting Professor of the Department "Organization of work with youth and development of the Russian language" of the Kyrgyz State Technical University named after I. Razzakov

CHERNAYA Anna Viktorovna – Doctor of Psychological Sciences, Head of the Developmental Psychology Department of the Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University

SHKUNOV Vladimir Nikolaevich – Russian historian, orientalist, teacher, Honored Teacher of the Russian Federation, Doctor of Historical Sciences, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, corresponding member of the Russian Academy of Natural Sciences. Head of the municipal formation "Inzensky district", member of the Expert Council under the Government of the Russian Federation. Author of more than 30 monographs, 5 textbooks and 180 articles on topical issues of the history of pedagogy and education, comparative pedagogy

YUSUPOV Vladislav Viktorovich – Doctor of Medical Sciences, Professor Head of the Research Institute (medical and Psychological support) SIC of the Military Medical Academy named after S.M.Kirov

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ (МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ)

Антохин Евгений Юрьевич. ИССЛЕДОВАНИЕ НЕЙРОКОГНИТИВНЫХ ФУНКЦИЙ У БОЛЬНЫХ ПЕРЕНЕСШИХ ПЕРВЫЙ ЭПИЗОД ШИЗОФРЕНИИ С УЧЕТОМ ИХ ДЕПРЕССИВНОГО СТАТУСА 15

Иванова Светлана Павловна, Алпатова Кристина Олеговна, Иванова Алина Сергеевна. ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ НАРКОЗАВИСИМЫХ ЮНОШЕЙ В СТАДИИ РЕМИССИИ И СТИЛЯ ИХ РОДИТЕЛЬСКОГО ВОСПИТАНИЯ В СЕМЬЕ 23

Крипак Андрей Олегович, Марченко Илья Викторович, Юсупов Владислав Викторович, Ятманов Алексей Николаевич. ВЛИЯНИЕ КОГНИТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ НА НЕРВНО-ПСИХИЧЕСКУЮ УСТОЙЧИВОСТЬ У ВОЕННОСЛУЖАЩИХ 35

Шишкова Кристина Валерьевна, Николаев Евгений Львович. МЕДИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ ПАЦИЕНТАМ С ОСТЕОАРТРИТОМ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ЛЕЧЕНИЯ 41

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОДИАГНОСТИКА ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

Кондрашихина Оксана Александровна, Медведева Снежанна Анатольевна. СУБЪЕКТИВНАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ КОНТРОЛЯ КАК ПРЕДИКТОР ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ СТУДЕНТОВ 49

Лукьянова Ирина Николаевна, Степанов Сергей Юрьевич. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОДУКТИВНЫХ И РЕПРОДУКТИВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ МЫШЛЕНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ 57

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Малкина Светлана Александровна. ФЕНОМЕН КОГНИТИВНЫХ ИСКАЖЕНИЙ: ОБОБЩЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ОСНОВАНИИ ШИРОКОЙ НЕКЛИНИЧЕСКОЙ ВЫБОРКИ 68

Стародубец Ольга Дмитриевна, Кора Наталия Алексеевна, Бадалян Юлия Валерьевна. СУБЪЕКТИВНОЕ ЧУВСТВО ОДИНОЧЕСТВА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ АЛКОГОЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ 76

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

Фокина Елена Сергеевна. УПРАВЛЕНИЕ ВРЕМЕННЫМИ РЕСУРСАМИ КАК ФАКТОР СНИЖЕНИЯ ЛИЧНОСТНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ 86

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

**Колесов Владимир Иванович, Архиповская Елена Петровна.
ЗНАЧИМОСТЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК СВЯЗУЮЩЕГО
ФАКТОРА В РАЗВИТИИ АВТОРИТЕТА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ**

94

CONTENTS

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

MEDICAL PSYCHOLOGY (MEDICAL SCIENCES)

Evgeny Yuryevich Antokhin. INVESTIGATION OF NEUROCOGNITIVE FUNCTIONS IN PATIENTS WHO SUFFERED THE FIRST EPISODE OF SCHIZOPHRENIA, TAKING INTO ACCOUNT THEIR DEPRESSIVE STATUS 15

Ivanova Svetlana Pavlovna, Alpatova Kristina Olegovna, Ivanova Alina Sergeevna. THE RELATIONSHIP BETWEEN THE PERSONAL CHARACTERISTICS OF DRUG-ADDICTED YOUNG MEN IN REMISSION AND THE STYLE OF THEIR PARENTING IN THE FAMILY 23

Kripak Andrey Olegovich, Marchenko Ilya Viktorovich, Yusupov Vladislav Viktorovich, Yatmanov Alexey Nikolaevich. THE INFLUENCE OF COGNITIVE ABILITIES ON NEUROPSYCHIATRIC STABILITY IN MILITARY PERSONNEL 35

Shishkova Kristina Valeryevna, Nikolaev Evgeny Lvovich. MEDICAL AND PSYCHOLOGICAL ASSISTANCE TO PATIENTS WITH OSTEOARTHRITIS AT DIFFERENT STAGES OF TREATMENT 41

EDUCATIONAL PSYCHOLOGY, PSYCHODIAGNOSTICS OF DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENTS

Kondrashikhina Oksana Alexandrovna, Medvedeva Snezhanna Anatolyevna. SUBJECTIVE LOCALIZATION OF CONTROL AS A PREDICTOR OF STUDENTS' PSYCHOEMOTIONAL STATES 49

Lukyanova Irina Nikolaevna, Stepanov Sergey Yurievich. AN EXPERIMENTAL STUDY OF PRODUCTIVE AND REPRODUCTIVE INDICATORS OF THINKING IN PRIMARY SCHOOL CHILDREN 57

GENERAL PSYCHOLOGY PERSONALITY PSYCHOLOGY HISTORY OF PSYCHOLOGY

Malkina Svetlana Alexandrovna. PHENOMENON OF COGNITIVE DISTORTIONS: A SUMMARY OF RESEARCH BASED ON A WIDE NON-CLINICAL SAMPLE 68

Starodubets Olga Dmitrievna, Kora Natalia Alekseevna, Badalyan Yulia Valeryevna. SUBJECTIVE FEELING OF LONELINESS AS A FACTOR IN THE FORMATION OF ALCOHOL DEPENDENCE 76

PSYCHOLOGY OF WORK

Fokina Elena Sergeevna. TIME RESOURCE MANAGEMENT AS A FACTOR IN REDUCING PERSONAL ANXIETY 87

PEDAGOGICAL SCIENCES

Vladimir Ivanovich Kolesov, Arkhipovskaya Elena Petrovna. THE IMPORTANCE OF EMOTIONAL INTELLIGENCE AS A CONNECTING FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF TEACHER AUTHORITY IN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ (МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ)

УДК 616.895.87, 159.972

DOI 10.58551/24136522_2024_11_1_15

ИССЛЕДОВАНИЕ НЕЙРОКОГНИТИВНЫХ ФУНКЦИЙ У БОЛЬНЫХ, ПЕРЕНЕСШИХ ПЕРВЫЙ ЭПИЗОД ШИЗОФРЕНИИ С УЧЕТОМ ИХ ДЕПРЕССИВНОГО СТАТУСА

Антохин Евгений Юрьевич

*Заведующий кафедрой клинической психологии и психотерапии, кандидат
медицинских наук, доцент,*

ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный медицинский университет»

Минздрава России, Оренбург

E-mail: antioh73@yandex.ru

Нарушения нейрокогнитивных функций рассматривается наряду с позитивной и негативной симптоматикой как обязательное для диагностики шизофрении. Цель работы – изучение нейрокогнитивного функционирования пациентов, перенесших первый эпизод шизофрении, через исследование фиксированной установки с определением различий с учетом депрессивного статуса. Материал и методы: обследовано 60 пациентов, перенесших первый психотический эпизод, которые разделены в зависимости от количества приступов (первый/второй, третий) разделены на две группы по 30 человек, использованы клиничко-психологический, клиничко-психопатологический методы с применением шкалы CDSS (выявления депрессии при шизофрении), экспериментально-психологический метод (шкала ВАС-S, методика исследования фиксированной установки Д.Н. Узнадзе), статистический метод (методы описательной статистики, параметрический критерий t-Стьюдента для независимых выборок).

Выводы: у больных, перенесших первый психотический эпизод шизофрении, наблюдается снижение основных показателей нейрокогнитивного функционирования (моторных навыков, внимания, вербальной памяти, оперативной памяти, вербальной беглости), а также специфические особенности фиксированной установки. У пациентов наблюдается либо несформированность и непрочность установки, либо ее ригидность (сформированная фиксированная установка не разрушается при многократных критических экспозициях). По типу возникающих иллюзий у большинства пациентов выявлена прочная иллюзия, т.е. при всех критических экспозициях исследуемые констатировали один вид иллюзии (либо контрастные, либо ассимилятивные иллюзии). У первично госпитализированных пациентов быстрее формируется и дольше разрушается фиксированная установка ($t = 2,066$; $p \leq 0,05$), т.е. она является более грубой (ригидной). У пациентов с депрессией снижена эффективность внимания ($t = 2,177$; $p \leq 0,05$) и моторного функционирования ($t = 3,342$; $p \leq 0,01$). Также у повторно госпитализированных пациентов с депрессией наблюдается затруднение моторного функционирования в форме снижения скорости и точности движений рук ($t = 2,960$; $p \leq 0,01$).

Ключевые слова: постпсихотическая депрессия, первый психотический эпизод, нейрокогнитивные функции.

STUDY OF NEUROCOGNITIVE FUNCTIONS IN PATIENTS WHO HAVE EXPERIENCED THE FIRST EPISODE OF SCHIZOPHRENIA, CONSIDERING THEIR DEPRESSIVE STATUS

Antokhin Evgeniy Yurievich

Head of the Department of Clinical Psychology and Psychotherapy, Candidate of Medical Sciences, Associate Professor

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education

"Orenburg State Medical University" of the Ministry of Health of Russia,

Orenburg

E-mail: antioh73@yandex.ru

Impairments of neurocognitive functions are considered, along with positive and negative symptoms, as obligatory for the diagnosis of schizophrenia. The purpose of the work is to study the neurocognitive functioning of patients who have suffered a first episode of schizophrenia through the study of a fixed set with the determination of differences taking into account depressive status. Material and methods: 60 patients who had suffered a first psychotic episode were examined; they were divided depending on the number of attacks (first/second, third), divided into two groups of 30 people, clinical-psychological, clinical-psychopathological methods were used using the CDSS scale (detection depression in schizophrenia), experimental psychological method (BAC-S scale, methodology for studying the fixed attitude of D.N. Uznadze), statistical method (methods of descriptive statistics, parametric t-Student test for independent samples).

Conclusions: Patients who have experienced a first psychotic episode of schizophrenia show a decrease in the main indicators of neurocognitive functioning (motor skills, attention, verbal memory, working memory, verbal fluency), as well as specific features of a fixed set. Patients experience either an unformed and fragile installation, or its rigidity (a formed fixed installation does not collapse during repeated critical exposures). According to the type of illusions that arise, most patients have a strong illusion, i.e. at all critical exposures, the subjects stated one type of illusion (either contrasting or assimilative illusions). In initially hospitalized patients, a fixed attitude is formed faster and destroyed longer ($t = 2.066$; $p \leq 0.05$), i.e. it is rougher (rigid). In patients with depression, the efficiency of attention ($t = 2.177$; $p \leq 0.05$) and motor functioning ($t = 3.342$; $p \leq 0.01$) was reduced. Also, in rehospitalized patients with depression, difficulty in motor functioning is observed in the form of decreased speed and accuracy of hand movements ($t = 2.960$; $p \leq 0.01$).

Keywords: *postpsychotic depression, first psychotic episode, neurocognitive functions.*

Нарушения нейрокогнитивных функций рассматривается наряду с позитивной и негативной симптоматикой как обязательное для диагностики шизофрении [3]. Оценка нейрокогнитивных функций определяется наряду с другими психологическими характеристиками как важная составляющая формирования программы реабилитации пациентов [6, 7].

Отмечается, что снижение в области когнитивной сферы предшествует психотическому эпизоду. Нейрокогнитивный дефицит нарастает в продромальный период психического расстройства вместе с анатомо-морфологическими изменениями центральной нервной системы, что способствует развитию психотического эпизода [2, 5, 9, 10].

В качестве морфологической и нейроанатомической основы когнитивных нарушений при шизофрении выделяют гипо- и гиперактивность нейромедиаторов в коре и подкорковых областях, в частности фронтальном отделе и лимбических

структурах, а также наличие поражений в префронтальной коре, височных и центральных долях, миндалине [8].

К нейрокогнитивным функциям относится фиксированная установка, описанная Д.Н. Узнадзе. *Фиксированная установка* понимается как привычная, легко возбудимая установка, образованная вследствие частого повторения или большого личностного значения и существующая в виде готовности к актуализации в случае повторения соответствующих условий. Фиксированная установка актуализируется даже в случае воздействия несоответствующего раздражителя, тем самым она может препятствовать проявлению адекватной установки. При неоднократном или более длительном предъявлении несоответствующих объективных обстоятельств фиксированная установка постепенно ослабляется и уступает место адекватной оценке действительности. Однако фиксированная установка не исчезает полностью и довольно долго сохраняет способность к повторной активации. За функционирование фиксированной установки отвечают орбитофронтальная кора и сенсорные области соответствующих анализаторных систем. Установлено, что при обширном поражении левого полушария установка не фиксируется, а при ограничении поражения только лобной долей она легко возбудима, груба и инертна [1, 4].

Согласно исследованиям Д.Н. Узнадзе и его коллег, фиксированная установка при шизофрении легко возбудима (для ее формирования достаточно 2-3 установочных опытов), константна и стабильна (длительное время не затухает), широко иррадиирована (установка в галптической сфере распространяется на оптическую сферу и наоборот) [4].

Цель работы – изучение нейрокогнитивного функционирования пациентов, перенесших первый эпизод шизофрении, через исследование фиксированной установки с определением различий с учетом депрессивного статуса.

Материал и методы исследования

Для реализации поставленной цели исследования на базе ГБУЗ «Оренбургская областная клиническая психиатрическая больница №1» (далее – ООКПБ №1) было проведено эмпирическое исследование больных, перенесших первый психотический эпизод шизофрении, в возрасте от 18 до 45 лет (средний возраст 32,98 лет; SD = 10,95). Работа с пациентами проводилась на базе отделения первого психотического эпизода смешанного типа. Было обследовано 60 пациентов с первым психотическим эпизодом шизофрении (F20), из них 30 первично госпитализированных пациентов (первый психотический приступ и 30 повторно госпитализированных пациентов (второй либо третий психотический приступ).

Критерии включения основной группы: первично госпитализированные больные с первым психотическим эпизодом шизофрении на этапе становления ремиссии, проходящие стационарное лечение в ООКПБ №1, в количестве 30 человек, в возрасте от 18 до 45 лет, соответствующие критериям первого психотического эпизода (длительность заболевания не более 5 лет, не более 3 госпитализаций);

Критерии исключения основной группы: наличие органической патологии головного мозга, приводящей к выраженному нарушению функционирования, умственная отсталость, зависимость от ПАВ.

Критерии включения группы сравнения: повторно госпитализированные больные с первым психотическим эпизодом шизофрении на этапе становления ремиссии, проходящие стационарное лечение в ООКПБ №1, в количестве 30 человек, в возрасте от 18 до 45 лет, соответствующие критериям первого психотического эпизода (длительность заболевания не более 5 лет, не более 3 госпитализаций).

Критерии исключения группы сравнения: наличие органической патологии головного мозга, приводящей к выраженному нарушению функционирования, умственная отсталость, зависимость от ПАВ.

Исследование проводилось после купирования продуктивных психопатологических симптомов, т.е. на этапе становления ремиссии. Все

исследуемые были информированы о характере и целях проводимого исследования, и дали добровольное согласие на участие в нем.

Исследуемые группы были сопоставимы по полу, возрасту, семейному положению, уровню образования.

Для достижения заявленной цели исследования нами использовались следующие *методы*: клинико-психологический метод: беседа, наблюдение, сбор анамнеза, анализ истории болезни; клинико-психопатологический метод с применением опросника Калгари для выявления депрессии при шизофрении (CDSS), экспериментально-психологический метод: «Краткая шкала исследования когнитивных функций при шизофрении» (BAC-S) Р. Кифа, методика исследования фиксированной установки Д.Н. Узнадзе; статистический метод: методы описательной статистики, параметрический критерий t-Стьюдента для независимых выборок.

Существуют различные варианты проведения данного опыта, которые затрагивают различные анализаторные системы. Нами проводился опыт исследования установки в гаптической сфере, описанный Д.Н. Узнадзе.

Испытуемому одновременно дают в руки 2 шара разных размеров – 80 см и 50 см в диаметре. С закрытыми повязкой глазами он сравнивает шары между собой и отмечает, в какой руке находится больший шар. Установка обычно возникает после того, как 15 раз больший шар помещается в одну и ту же руку (установочные, фиксирующие экспозиции). Если после этого без предупреждения поместить в руки испытуемого 2 равных шара по 30 см (критическая экспозиция), то обычно вместо адекватного восприятия равенства возникает установочная иллюзия. Возможны два вида иллюзий: контрастная (на месте большего шара равный шар воспринимается меньшим) и ассимилятивная (на месте большего шара воспринимается больший, а на месте малого – меньший). В норме после 5-8 критических экспозиций с иллюзорными ответами следует констатация равенства шаров [1].

Результаты

Фиксированная установка пациентов с первым психотическим эпизодом шизофрении имеет специфические особенности (Рисунок 1, Рисунок 2).

Прочная контрастная иллюзия объема (Рисунок 1) возникла у 30% первично госпитализированных пациентов (9 чел.) и 36,66% повторно госпитализированных пациентов (11 чел.). Прочная ассимилятивная иллюзия объема возникла у 36,67% первично госпитализированных пациентов (11 чел.) и 26,67% повторно госпитализированных пациентов (8 чел.) Итого прочная иллюзия сформировалась у 66,67% первично госпитализированных пациентов (20 чел.) и 63,33% повторно госпитализированных пациентов (19 чел.) – это означает, что при всех критических экспозициях исследуемые констатировали один вид иллюзии.

За 15 установочных экспозиций у 20% первично госпитализированных пациентов (6 чел.) и 26,67% повторно госпитализированных пациентов (8 чел.) установка не сформировалась (Рисунок 2), т.е. уже на первой критической экспозиции пациенты констатировали равенство предъявляемых шаров. У 13,33% (4 чел.) первично госпитализированных и 10% повторно госпитализированных пациентов (3 чел.) установка оказалась вариабельной, т.е. пациенты констатировали то контрастные, то ассимилятивные иллюзии.

В норме после 5-8 критических экспозиций фиксированная установка разрушается (Рисунок 2). У 23,33% первично госпитализированных пациентов (7 чел.) и 20% повторно госпитализированных пациентов (6 чел.) фиксированная установка оказалась нормативной по параметру статичности (т.е. разрушилась на 5-8 критической экспозиции).

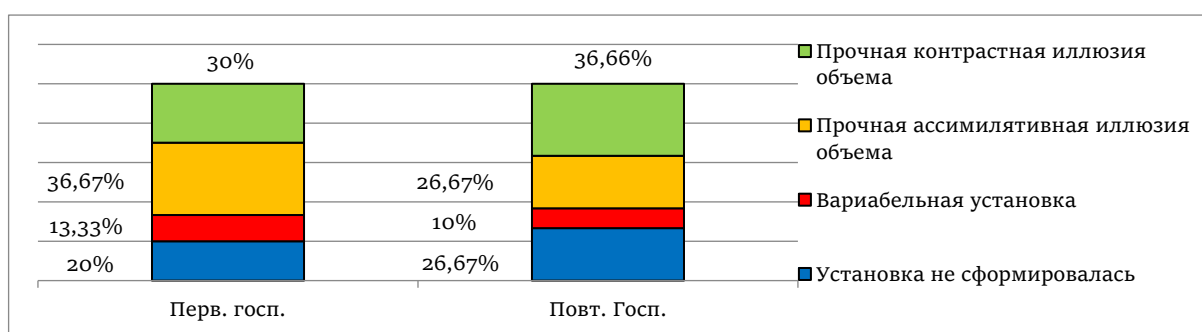

Рисунок 1 – Прочность и вариабельность установки и типы иллюзии у первично (Перв. госп.) и повторно (Повт. госп.) госпитализированных пациентов

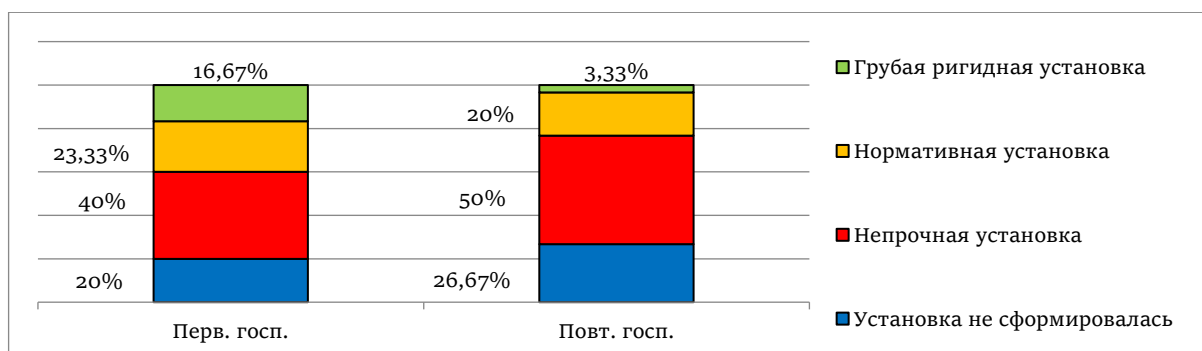

Рисунок 2 – Распределение первично (Перв. госп.) и повторно (Повт. госп.) госпитализированных пациентов по параметру статичности установки

У 16,67% первично госпитализированных пациентов (5 чел.) и 3,33% повторно госпитализированных пациентов (1 чел.) сформировалась грубая ригидная установка, которая не разрушалась при многократных (9 и более) критических экспозициях. У 40% первично госпитализированных пациентов (12 чел.) и 50% повторно госпитализированных пациентов (15 чел.) фиксированная установка оказалась непрочной и затухла на 2-4 критической экспозиции. По сравнению с повторно госпитализированными пациентами, у большего количества первично госпитализированных пациентов формируется грубая ригидная установка.

Сравнение статичности фиксированной установки (Таблица 1) показало, что для формирования фиксированной установки у первично госпитализированных пациентов достаточно 3-5 установочных экспозиций (т.е. установка формируется достаточно быстро).

Также у первично госпитализированных пациентов фиксированная установка является более статичной, и даже грубой (ригидной), т.е. сформировавшаяся фиксированная установка не разрушается длительное время (вплоть до 15 критических экспозиций), а также длительное время сохраняет готовность к повторной актуализации. Полученные данные могут объясняться, во-первых, тем, что первый приступ шизофрении сам по себе характеризуется значительной выраженностью симптоматики, а во-вторых, тем, что в основе прогрессирования шизофрении лежит псевдозащита (т.е. некие факторы и симптомы выполняют патопротективную функцию, способствуют поддержанию уже развившегося заболевания) [6,7].

Таблица 1

Сравнительный анализ особенностей фиксированной установки у первично (1) и повторно (2) госпитализированных пациентов

Критерий сравнения	$M_1 \pm \sigma$	$M_2 \pm \sigma$	Статистический критерий	p-уровень значимости
Статичность фиксированной установки	4,63 ± 3,586	3,13 ± 2,145	t = 2,066	p ≤ 0,05

Помимо этого, мы разделили всех исследуемых (60 чел.) в зависимости от наличия (30 чел.) или отсутствия депрессии (30 чел.) по шкале депрессии Калгари (Рисунок3)

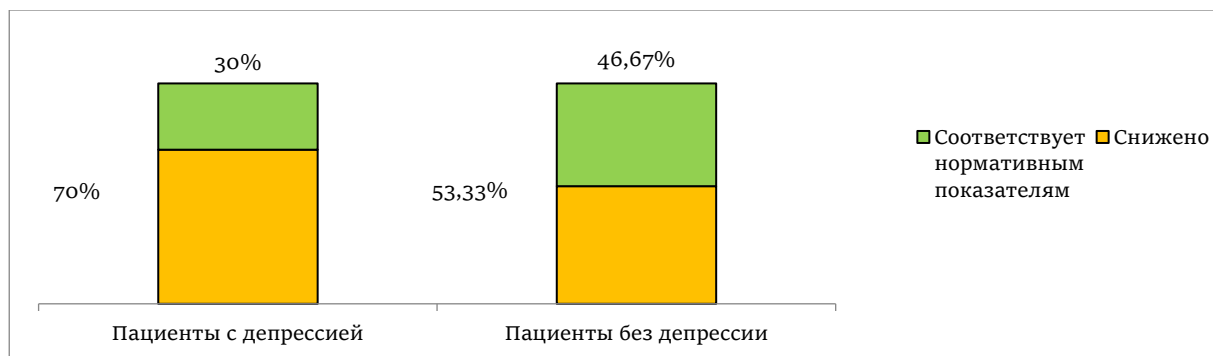

Рисунок 3 – Распределение пациентов с депрессией и без депрессии по общему уровню нейрокогнитивного функционирования

У 30% пациентов с депрессией (9 чел.) и 46,67% пациентов без депрессии (14 чел.) нейрокогнитивное функционирование соответствует нормативным показателям для здоровой выборки, остальные 70% (21 чел.) и 53,33% (16 чел.) пациентов соответственно обнаруживают снижение эффективности нейрокогнитивных функций (Рисунок 4). Т.е. у большего количества пациентов с депрессией наблюдается снижение внимания, памяти, нарушения моторного функционирования и абстрактно-логического мышления. Обнаружены статистически достоверные различия нейрокогнитивного функционирования у пациентов с депрессией и без депрессии (Таблица 2).

Таблица 2

Сравнительный анализ нейрокогнитивного функционирования у пациентов с депрессией (1) и без депрессии (2)

№ п/п	Критерий сравнения	$M_1 \pm \sigma (1)$	$M_2 \pm \sigma (2)$	р-уровень значимости
1	Вербальная память	40,03 ± 7,814	41,60 ± 9,042	$p > 0,1$
2	Моторные навыки	58,26 ± 16,143	71,00 ± 13,222	$p \leq 0,01$
3	Оперативная память	19,20 ± 3,907	20,03 ± 3,917	
4	Вербальная беглость	44,46 ± 9,608	49,30 ± 16,727	$p = 0,0005$
5	Внимание	36,03 ± 10,723	40,80 ± 11,281	
6	Мышление	17,63 ± 2,311	17,63 ± 3,468	
7	T-балл (интегральный балл по ВАС-S)	31,63 ± 14,686	36,7 ± 17,457	$P = 0,004$

У пациентов с первым психотическим эпизодом шизофрении с выявленной депрессией (Таблица 2) статистически значимо ниже показатели моторных навыков ($t = 3,342$; $p \leq 0,01$) и внимания ($t = 2,177$; $p \leq 0,05$), т.е. они испытывают затруднения в концентрации и удержании внимания, а также у них снижена скорость и точность движений рук. Это подтверждает научные данные о том, что депрессивный синдром у больных перенесших первый психотический эпизод присутствует нейрокогнитивная рассогласованность, проявляющаяся в дисгармоничности депрессивной триады [2, 3].

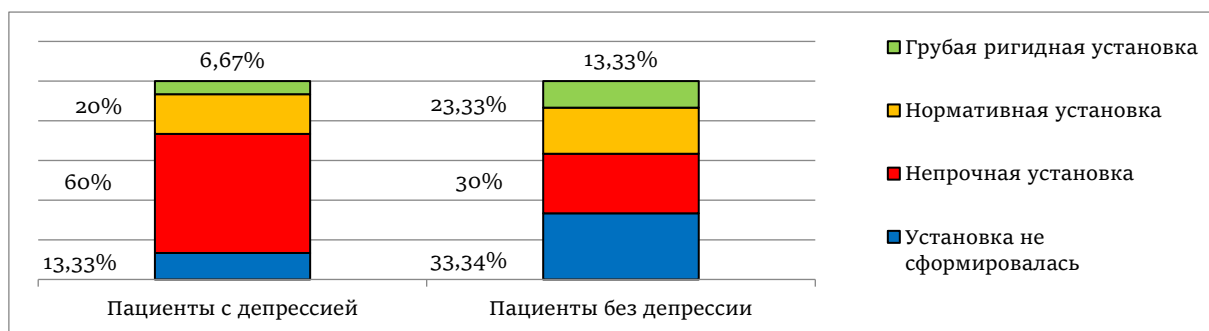

Рисунок 4 – Статичность установки у пациентов с депрессией и без депрессии

За 15 установочных экспозиций у 13,33% пациентов с депрессией (4 чел.) и 33,34% пациентов без депрессии (10 чел.) установка не сформировалась (Рисунок 4), т.е. уже на первой критической экспозиции пациенты констатировали равенство предъявляемых шаров. В норме после 5-8 критических экспозиций фиксированная установка разрушается. У 20% пациентов с депрессией (6 чел.) и 23,33% пациентов без депрессии (7 чел.) фиксированная установка оказалась нормативной по параметру статичности (т.е. разрушилась на 5-8 критической экспозиции). У 6,67% пациентов с депрессией (2 чел.) и 13,33% пациентов без депрессии (4 чел.) сформировалась грубая ригидная установка, которая не разрушалась при многократных (9 и более) критических экспозициях. У 60% пациентов с депрессией (18 чел.) и 30% пациентов без депрессии (9 чел.) фиксированная установка оказалась непрочной и затухла на 2-4 критической экспозиции. Примерно равное количество пациентов с депрессией и без депрессии демонстрируют непрочность или отсутствие формирования фиксированной установки. По сравнению с пациентами с депрессией, у большего количества пациентов без депрессии формируется грубая ригидная установка. Статистически значимых особенностей фиксированной установки у пациентов с депрессией и пациентов без депрессии не выявлено (Таблица 3).

Таблица 3

Сравнительный анализ особенностей фиксированной установки у пациентов с депрессией (1) и без депрессии (2)

Критерий сравнения	$M_1 \pm \sigma$	$M_2 \pm \sigma$	Статистический критерий	p-уровень значимости
Статичность фиксированной установки	$3,76 \pm 2,430$	$4,00 \pm 3,562$	$t = 0,296$	$p > 0,1$

Проведен сравнительный анализ нейрокогнитивного функционирования у первично госпитализированных пациентов с депрессией и без депрессии, а также повторно госпитализированных пациентов с депрессией и без депрессии. Значимых различий нейрокогнитивного функционирования у первично госпитализированных пациентов с депрессией и без депрессии не выявлено.

У повторно госпитализированных пациентов (Таблица 4) с депрессией (15 чел.) по сравнению с повторно госпитализированными пациентами без депрессии (15 чел.) наблюдается затруднение моторного функционирования в форме снижения скорости и точности движений рук ($t = 2,960$; $p \leq 0,01$), т.е. им присуща психомоторная заторможенность.

Таблица 4

Сравнительный анализ нейрокогнитивных функций у повторно госпитализированных пациентов с депрессией (1) и без депрессии (2)

Критерий сравнения	$M_1 \pm \sigma$	$M_2 \pm \sigma$	Статистический критерий	p-уровень значимости
Моторные навыки	$55,60 \pm 14,583$	$70,13 \pm 12,199$	$t = 2,960$	$p \leq 0,01$

Таким образом, у больных, перенесших первый психотический эпизод шизофрении, наблюдается снижение основных показателей нейрокогнитивного функционирования (моторных навыков, внимания, вербальной памяти, оперативной памяти, вербальной беглости), а также специфические особенности фиксированной установки. У пациентов наблюдается либо несформированность и непрочность установки, либо ее ригидность (сформированная фиксированная установка не разрушается при многократных критических экспозициях). По типу возникающих иллюзий у большинства пациентов выявлена прочная иллюзия, т.е. при всех критических экспозициях исследуемые констатировали один вид иллюзии (либо контрастные, либо ассимилятивные иллюзии). У первично госпитализированных пациентов быстрее формируется и дольше разрушается фиксированная установка ($t = 2,066$; $p \leq 0,05$), т.е. она является более грубой (ригидной), что объясняется тяжестью первого приступа шизофрении и активизацией патопротективных механизмов у пациентов со вторым и последующим приступом заболевания [6, 7]. У пациентов с депрессией снижена эффективность внимания ($t = 2,177$; $p \leq 0,05$) и моторного функционирования ($t = 3,342$; $p \leq 0,01$), т.е. у них наблюдается психомоторная заторможенность. Также у повторно госпитализированных пациентов с депрессией наблюдается затруднение моторного функционирования в форме снижения скорости и точности движений рук ($t = 2,960$; $p \leq 0,01$).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Будза В.Г. О характере и различиях фиксированной установки при болезнях Пика и Альцгеймера / В.Г. Будза // Оренбургская психиатрия на рубеже веков: Хрестоматия. Том I: Геронтопсихиатрия. Оренбург: Изд-во ОрГМА, 2014. - С. 130-139.
2. Гурович И.Я. Первые психотические приступы у больных шизофренией / И.Я. Гурович, А.Б. Шмуклер // Русский медицинский журнал. - 2004. - № 22. - С. 1272.
3. Незнанов Н.Г. Негативные и когнитивные расстройства при эндогенных психозах / Н.Г. Незнанов, М.В. Иванов. - М., 2021.
4. Узнадзе Д.Н. Общая психология. / Д.Н. Узнадзе. - СПб.: Питер, 2004. 413 с.
5. Янушко М.Г. Когнитивные нарушения при эндогенных психозах: современные представления в свете дименсионального подхода / М.Г. Янушко, М.В. Иванов, А.В. Сорокина // Социальная и клиническая психиатрия. - 2014. - Т. 24. - № 1. - С. 90-95.
6. Antokhin E.Yu. The structure of the psychological adaptation in schizophrenia patients with the first psychotic episode / E.Yu. Antokhin, V.G. Budza, E. M. Kryukova, N.E. Lazareva // European Psychiatry. - 2010. - Т. 25. - № S1. - P. 1144.
7. Antokhin E.Yu. Protect psychological mechanisms of postpsychotic depression in patients at first episode of schizophrenia / E.Yu. Antokhin // Ceska a Slovenska Psychiatrie. - 2012. - Т. 108. - № 1. - P. 217-218.
8. Chan, S.Y. Dynamic and progressive changes in thalamic functional connectivity over the first five years of psychosis / S.Y. Chan, R.O. Brady, K.E. Lewandowski [et al.] // Mol Psychiatry. - 2022. - № 27(2). - P. 1177-1183. doi: 10.1038/s41380-021-01319-3
9. Engen, M.J. Cognitive and global functioning in patients with first-episode psychosis stratified by level of negative symptoms. A 10-year follow-up study / M.J. Engen, A. Vaskinn, I. Melle [et al.] // Front Psychiatry. - 2022. - № 13. - P. 841057.
10. Kirschner, H. Transdiagnostic inflexible learning dynamics explain deficits in depression and schizophrenia / H. Kirschner, M.R. Nassar, A.G. Fischer // Brain. - 2024. - № 147(1). - P. 201-214. doi: 10.1093/brain/awad362.

УДК 159.9

DOI 10.58551/24136522_2024_11_1_23

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ НАРКОЗАВИСИМЫХ ЮНОШЕЙ В СТАДИИ РЕМИССИИ И СТИЛЯ ИХ РОДИТЕЛЬСКОГО ВОСПИТАНИЯ В СЕМЬЕ

Иванова Светлана Павловна

Доктор психологических наук, профессор кафедры психологии и сопровождения развития ребенка,

ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», г. Псков

E-mail: svetlana97551@mail.ru

Алпатова Кристина Олеговна

Магистрант кафедры психологии и сопровождения развития ребенка

ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет» г. Псков

E-mail: kristina alpatova.88@mail.ru

Иванова Алина Сергеевна

Студентка медицинского отделения «Лечебное дело.

Врач общей практики»,

ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет»,

Институт медицины и экспериментальной биологии, г. Псков

E-mail: alinaiwanova117@gmail.com

Статья посвящена анализу семейного контекста проблемы наркозависимости молодежи. В ней представлены результаты специального эмпирического исследования взаимосвязи психологических особенностей личности наркозависимых юношей в период ремиссии и родительско-детских взаимоотношений в семье. На основе анализа эмпирических данных, полученных путем анкетирования и тестирования, дана клинико-психологическая и социальная характеристика наркозависимых юношей в период ремиссии, выделены группы мотивов употребления ими наркотиков, выявлены личностные особенности наркозависимых, их смысложизненные ориентации. Кластерный анализ эмпирических данных позволил выделить три типа наркозависимых юношей в период ремиссии, по отношению к которым в дальнейшем исследовался характер родительско-детских взаимоотношений в их семьях. Определены структурно – содержательные составляющие семейных факторов зависимого поведения, и путем качественного соотнесения эмпирических данных установлена взаимосвязь между типами наркозависимых юношей в период ремиссии с семьями, реализующими неправильные стили воспитания. Полученные результаты исследования позволили прийти к заключению о необходимости разработки и внедрения специальной программы психологического сопровождения семей наркозависимых в период ремиссии.

Ключевые слова: наркозависимые юноши, личностные особенности, семейные взаимоотношения, клинико-психологическая и социальная характеристика, мотивы употребления наркотиков, смысложизненные ориентации, стиль воспитания.

INTERCONNECTION OF PERSONEL FEATURES OF NARCOTIC DEPENDENT YOUNG MEN ON THE STAGE OF REMISSION AND STYLE OF PARENTAL UPBRINGING IN THEIR FAMILIES

Ivanova Svetlana Pavlovna

Doctor of psychological sciences, professor of the Chair of psychology and accompanying of the development of the child

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Pskov's State University», Pskov

E-mail: svetlana97551@mail.ru

Alpatova Kristina Olegovna

Graduate Student of the Psychology Department

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Pskov's State University», Pskov

E-mail: kristina alpatova.88@mail.ru

Ivanova Alina Sergeevna

Student of the Medical Department 31.05.01 «Doctor of General Practice»

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education

«Pskov's State University», Institution of Medicine and Experimental Biology, Pskov

E-mail: alinaiwanova117@gmail.com

The article is devoted to the study of the problem of young men's narcotic dependence in family context. There are presented the results of the special empiric research of interconnection between personal features of the narcotic dependent young men on the stage of remission and the style of parents-children's interaction in their families. On the basis of the analysis of empiric results, which were received with the help of questionnaire and psychological tests, there is given clinic-psychological and social characterization of the narcotic dependent young men on the stage of remission, singled out motives of their narcotic using, described psychological peculiarities and sensevital orientations. Cluster analysis of the empiric data singled out three types of narcotic dependent young men on the stage of remission: with social-psychological, with personal and with pathological motives. Towards these three groups of the young men there was researched parents-children's interaction in their families. First there was determined structural-informative composition of family's factors of the dependent behavior and then with the help of the qualitative correlation of the empiric data there was established interconnection between types of narcotic dependent young men on the stage of remission and styles of upbringing in their families. The results of the research let to come to a conclusion about the need of the development a special program of psychological accompanying of narcotic dependent young men's families on the stage of remission.

Keywords: *narcotic dependent young men, personal features, stage of remission, parents-children' interaction, clinic-psychological and social charakterization, motives of the narcotic using, sensevital orientations, style of upbringing.*

Наркомания – многогранная общемировая проблема, решение которой требует не только значительных ресурсов, но и постоянно нового подхода. К сожалению, усилия зачастую не приводят к желаемому результату, – употребление наркотических веществ в целом неуклонно продолжает нарастать [8], [9], [11]. Наибольшие опасения вызывает подростковая и юношеская наркомания. Молодые люди – особая категория,

их риск столкновения с каким-либо вариантом аддиктивного поведения высок, а организм ещё формируется. К тому же молодые люди зачастую сталкиваются с недопониманием окружающих их более взрослых, иногда оказываются далеко не в самых подходящих компаниях и нередко испытывают стрессовые состояния, имеют меньше бытийного жизненного опыта и практичности, да и возможность получить реальную поддержку не всегда высока [3], [4], [5].

Анализируя подходы к лечению наркотической зависимости [12], отметим, что значительная часть специалистов, занимающихся реабилитацией, признают особую ценность семейного контекста заболевания. На сегодняшний день накоплен значительный опыт терапевтической работы не только с реабилитантами, но и системной семейной терапии самых различных направлений с их семьями, – то есть со всеми, столкнувшимися лицом к лицу с проблемой зависимости от употребления наркотических веществ [13]. В специальной литературе описывается и активно изучается опыт интеграции системной семейной терапии в программы реабилитации зависимых от употребления ПАВ [2].

Отметим, что столь важная роль родительской семьи в формировании патогенных ситуаций и, как следствие, психотравмирующих переживаний определяется тремя компонентами: 1) ключевым значением внутрисемейных взаимоотношений и неповторимым статусом семьи как уникальной социальной группы в которую включён индивид на первых, самых значимых для дальнейшего развития этапах жизни, 2) взаимной зависимостью и многогранностью внутрисемейных взаимоотношений как таковых, 3) естественной открытостью и особенной уязвимостью каждого члена семьи к различным (в том числе и травмирующим) семейным ситуациям и влиянию [14].

В.Ю. Завьялов рассматривает семью как «семейную систему», включающую в первую очередь так называемое ядро семьи, то есть родителей и детей или «нуклеарную семью». Затем предшествующие и последующие поколения, а именно родственные связи ядра семьи с их близкими и дальними родственниками. Вот именно эта семейная система выступает главным фактором формирования особого – символического – контекста будущей зависимости от наркотических веществ [6, с. 60]. От поколения к поколению внутри семьи реплицируются модели поведения, системы ценностей, «семейные ритуалы» и традиции, символизм близких взаимоотношений. До жизненного этапа социальной зрелости ребёнок воспринимает внешний, выходящий за пределы родительской семьи, мир через призму тех ценностей и неосознанно впитанных установок, что пронизывают все взаимоотношения семьи. Соответственно современное состояние проблемы требует дальнейшего систематического изучения семей наркозависимых.

Целью специального эмпирического исследования было выявление взаимосвязи между личностными особенностями наркозависимых юношей в период ремиссии, с одной стороны, и особенностями их внутрисемейных родительско-детских отношений – с другой стороны. Предполагалось, что личностные особенности и смысложизненные ориентации наркозависимых юношей в стадии ремиссии обусловлены стилем воспитания в родительской семье, а именно: низкий уровень доминантности и высокий уровень локус контроля – жизнь будет наблюдаться при высоком уровне гиперпротекции; низкий уровень контроля и высокий уровень локус контроля – Я, будет наблюдаться при высоком уровне гипопротекции; а высокий уровень социального одобрения и ориентация на процесс жизни характерны для наркозависимых юношей, выросших в семье с потворствующим стилем воспитания.

Для достижения цели исследования и проверки выдвинутой гипотезы требовалось решить следующие задачи: исследовать личностные особенности и смысложизненные ориентации у наркозависимых юношей в период ремиссии; выделить типы наркозависимых юношей в зависимости от их личностных качеств, смысложизненных ориентаций и мотивов употребления наркотиков; определить структурно – содержательные составляющие семейных факторов зависимого

поведения; исследовать внутрисемейные отношения у наркозависимых юношей и их родителей в период ремиссии; сопоставить типы наркозависимых юношей с семьями, реализующими неправильные стили воспитания. В ходе исследования были применены:

1) комплекс эмпирических методов: анкета для пациентов реабилитационных центров Н.И. Зенцовой [7, с. 159]; опросник «Мотивы употребления наркотиков» (МУН) И.В. Аксючиц [1, с. 52]; Гиссенский личностный опросник [14, с. 91]; тест «Смыслоразнонаправленные ориентации» (СЖО) Д.А. Леонтьева [10, с. 15]; опросник «Анализ семейных взаимоотношений» АСВ (Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкий) [14, с. 73];

2) методы математико-статистической обработки данных: частотный анализ; кластерный анализ; факторный анализ; качественное сопоставление.

Исследование проводилось на базе Санкт-Петербургского Государственного бюджетного учреждения здравоохранения «Городская наркологическая больница». В исследовании приняли участие 15 семей наркозависимых (n=30): родители наркозависимых (n=15) 6 отцов, 9 матерей; наркозависимые юноши (n=15) в возрасте от 18 до 20 лет, находящихся на стадии ремиссии. Стаж употребления ПАВ в среднем от 1 до 3 лет.

Результаты исследования. Для изучения клинико-психологической и социальной характеристики наркозависимых лиц применена анкета Н.И. Зенцовой, разработанная для пациентов реабилитационных центров, с помощью которой получены следующие данные. Медианный возраст начала употребления психоактивных веществ в выборке испытуемых составил 13 лет. На дату поступления в реабилитационный центр две трети реабилитантов (60%) сообщили, что употребляли ПАВ группы опиатов; пятая часть (20%) указали употребление психостимуляторов и столько же отметили употребление веществ из группы каннабиоидов. В тоже время треть реабилитантов ответили, что сочетают употребление ПАВ с алкогольными напитками.

Ответы испытуемых на анкету Н.И. Зенцовой также показывают, что 80% воспринимают употребление наркотиков как проблему, к тому же 66,7% реабилитантов считают, что началу употребления наркотических веществ способствовали жизненные обстоятельства. Половина юношей (53,3%) упомянули о противозаконных действиях из-за употребления ПАВ, тогда как абсолютное большинство (93,3%) пациентов реабилитационного центра признают, что наркотики повлияли на их социальную жизнь.

Отвечая на вопросы, посвященные социальному окружению 73,3% испытуемых указали, что осознают свою проблему и ищут того, кому смогут доверительно рассказать о ней. Половина (53,3%) наркозависимых признаются, что имеют склонность к подчинению близким, – это как повышает риск формирования созависимости, так и увеличивает возможность позитивного социального влияния. Тогда как 46,7% пациентов продолжают сохранять контакты со своим привычным кругом общения даже находясь в реабилитационном центре, будучи уверенными, что имеют достаточно сил сопротивляться патогенному влиянию нездорового взаимодействия.

Вопросы, посвященные последствиям наркозависимости, показывают, что употребление наркотиков снижает качество жизни. Большинство (80%) отмечают постоянное переживание вины, треть (33,3%) упоминают, что часто испытывают апатию и плохое настроение и 73,3% юношей считают, что им трудно быть трезвыми.

Для определения ведущих мотивов употребления наркотических веществ использовался опросник «Мотивы употребления наркотиков» И.В. Аксючиц (см. рисунок 1).

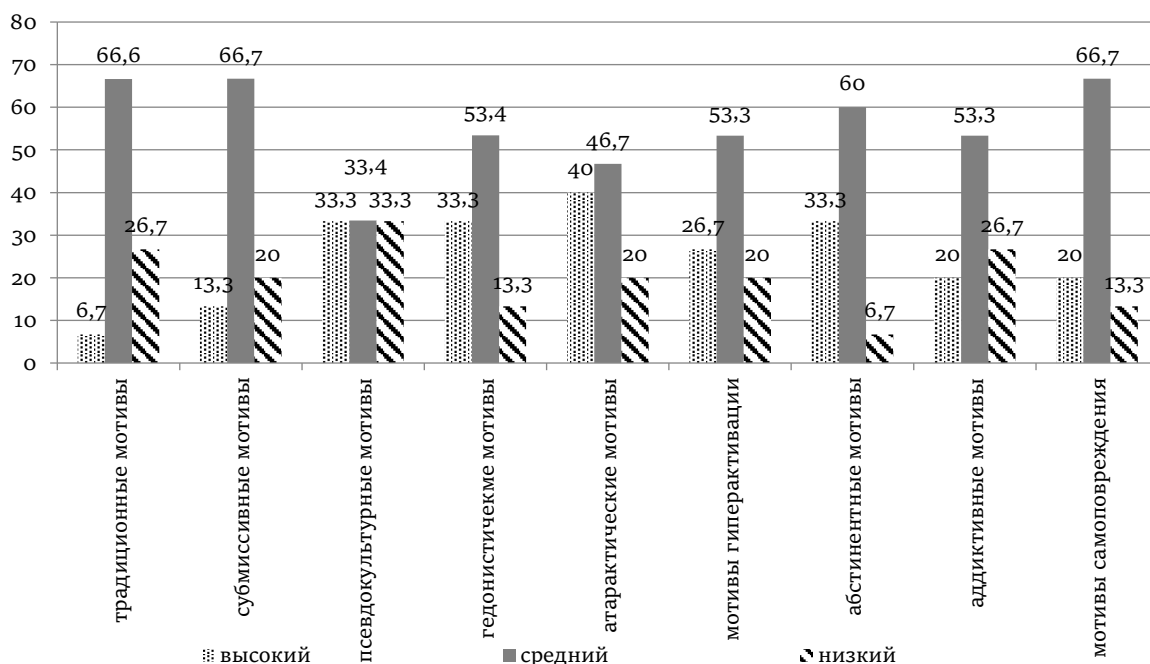

Рисунок 1 – Распределение респондентов (в%) по степени выраженности переменных опросника МУН И.В. Аксюцц

Как видно на рисунке 1, наиболее выраженным отмечен атарактический мотив, несколько менее выражен ряд мотивов – гедонистический, псевдокультурный и абстинентный. На среднем уровне регистрируется выраженность мотива гиперактивации поведения, а также аддитивных мотивов и мотивов самоповреждения. Реже всего определяются традиционные и субмиссивные мотивы. Важно отметить, что первичная мотивированность употребления ПАВ имеет важное прогностическое значение – неблагоприятными выступают абстинентный, атарактический, традиционный и псевдокультурный мотивы.

Определение личностных особенностей реабилитантов проводилось с помощью Гиссенского личностного опросника, в результате применения которого получены следующие данные. Высокий уровень социального одобрения отмечен у 13,3% юношей, эти респонденты уверены в своей позитивной репутации в глазах окружения, своей привлекательности и популярности для других. Отметим, что эта доля весьма невелика. При этом для половины опрошенных (53,4%) характерен средний уровень шкалы, то есть стремление к социальному одобрению гармоничное. Треть наркозависимых показывают низкий уровень социального одобрения, то есть обладают мнением о собственной непривлекательности в глазах окружения, о негативной репутации и непопулярности среди знакомых.

Рассмотрим показатели шкалы «доминантность». Пятая часть реабилитантов (20%) показывают высокий уровень, а значит, данных наркозависимых отличает уступчивость, послушание, подчинение и терпимость, что может формировать особую восприимчивость к зависимости. У половины (53,3%) опрошенных пациентов реабилитационного центра регистрируется средний уровень выраженности шкалы, а значит, их отличает средний уровень доминантности. У 26,7% юношей отмечен низкий уровень показателя, что характеризует их как настойчивых, давящих и несколько властолюбивых.

Шкала контроля на высоком уровне отмечена у 6,7% молодых людей, что свидетельствует об усердии и педантичности, тщательности и скрупулёзности. Тогда как остальные уровни распределились поровну: у 46,6% отмечается средний уровень показателя – и, следовательно, обычный уровень контроля. И также у 46,6% низкий, а значит их можно описать как склонных к беззаботности и легкомыслию, непостоянству поведения.

Показатель преобладающего настроения выявил высокий уровень у 60% опрошенных, что свидетельствует о гипоманиакальных чертах поведения – это лица, не скрывающие раздражения и редко переживающие подавленность. Для трети (33,3%) опрошенных характерен средний уровень, следовательно их настроение обычно довольно гармонично. У 6,7% наркозависимых юношей регистрируется низкий уровень показателя, а значит у них часто проявляется робость, зависимость, подавленность, апатия.

При этом по шкале открытости – замкнутости пятая часть испытуемых демонстрирует высокий уровень показателя. Данные реабилитанты, по собственному мнению, замкнуты и недоверчивы, отстранённые, с неудовлетворённой потребностью в любви. Половина (53,3%) юношей показывает средний уровень – обычный уровень баланса между замкнутостью и открытостью. Тогда как для четверти (26,7%) респондентов характерен низкий уровень выраженности показателя, пациенты реабилитационного центра представляют себя как доверчивых и откровенных в общении.

Анализ ответов испытуемых по шкале социальных способностей выявил 13,3% респондентов с высоким уровнем показателя, эти юноши активны, общительны, имеют богатое воображение. Две трети (66,7%) испытуемых показали средний уровень выраженности шкалы и 20% наркозависимых имеют низкий уровень социальных способностей, то есть они необщительны, мало способны к самоотдаче и длительным привязанностям.

Подводя итоги анализа данных Гиссенского личностного опросника, отметим, что большинство респондентов, по собственному мнению, средне привлекательны в глазах окружения, не особо доминантны и замкнуты, несколько беззаботны и легкомысленны, имеют средние социальные способности, не привыкли скрывать своё раздражение и редко переживают подавленность.

Для решения задачи по исследованию смысложизненных ориентаций у наркозависимых юношей в период ремиссии рассмотрим далее данные методики СЖО Д.А. Леонтьева. Шкала целей в жизни, характеризующая сформированность целей, осмысленность и целеустремлённость жизнедеятельности и структурированность временной перспективы, направленность проживания, у 13,3% юношей выражена на высоком уровне. Для большинства испытуемых (60%) свойственен средний уровень этого показателя, тогда как четверть (26,7%) респондентов имеют низкий уровень сформированности жизненных целей.

Показатель процесса жизни, трактуемый как насыщенность жизнедеятельности, её эмоциональность и наполненность смыслами, интерес и удовлетворение от проживания в целом показывает схожую динамику: для 13,3% реабилитантов характерен высокий уровень, у большинства (46,6%) показатель выражен средне, а для трети молодых людей (33,3%) свойственен низкий уровень выраженности шкалы процесса жизни. Таким образом, значительная часть пациентов реабилитационного центра весьма скромно оценивает процесс жизни.

Шкала результативности жизни, представляющая эмоциональную оценку прожитого, удовлетворённость самореализацией, продуктивность и осмысленность пройденного жизненного пути у пятой части молодых людей (20%) выражена на высоком уровне. Половина респондентов (53,3%) демонстрирует средний уровень переменной и четверть юношей (26,7%) оценивает результативность собственной жизни на низком уровне.

Показатель «Локус контроля – Я», отражающий владение собой, аккумулирующий представления о себе как о сильной личности со свободой выбора и контролем происходящего, на высоком уровне определяется у трети (33,3%) испытуемых. Ещё 40% юношей показали средний уровень – а значит, интернальность локуса контроля находится на обычном уровне, тогда как четверть (26,7%) реабилитантов имеет его низкую выраженность.

Переменная «Локус контроля – жизнь», представляющая управляемость жизни, возможность достижения целей, показала сходные результаты. По данной переменной пятая часть (20%) испытуемых обладают высоким уровнем, 46,7% респондентов характеризует средний уровень выраженности, а для 33,3% свойственен низкий уровень. То есть у трети юношей, находящихся в реабилитационном центре нет четких целей на будущее, они не в полной мере удовлетворены процессом своей жизни и считают, что их жизнь им не подчиняется. Это может повлечь дополнительные трудности в период реабилитации.

Кластерный анализ эмпирических данных выявил три типа наркозависимых юношей в зависимости от их личностных качеств, смысложизненных ориентаций и мотивов употребления наркотиков. Первый кластер составили наркозависимые юноши преимущественно с социально-психологическими мотивами употребления ПАВ, в этот кластер попала треть испытуемых (33,3%, 5 человек). Данный кластер характеризует следующее: высокий уровень субмиссивных мотивов употребления наркотиков (1,47); высокий уровень традиционных мотивов употребления наркотиков (1,34); высокий уровень псевдокультурных мотивов употребления наркотиков (0,91); высокий уровень шкалы доминантности (0,96); высокий уровень открытости – замкнутости (0,93); высокий уровень по переменной «Локус контроля - жизнь» (0,82), низкий уровень шкалы преобладающего настроения (-0,81).

При этом наркозависимых юношей с преобладающими социально-психологическими мотивами употребления наркотиков также отличает:

- склонность к подчинению и послушанию, зависимости, покладистость и терпимость, уступчивость, низкая способность к агрессивности;
- замкнутость и недоверчивость, отстранённость, желание скрывать свою выраженную потребность в любви;
- устойчивое мнение, что человек может управлять собственной жизнью, свободно принимать решения и успешно воплощать их;
- не склонных к рефлексии и состоянию подавленности, некритичных к себе, независимых и не имеющих привычки скрывать собственное раздражение.

Отмечая доминирующие мотивы употребления наркотиков в этом кластере, упомянем субмиссивные мотивы как потребность подчиниться давлению значимых близких людей, несколько менее выраженные традиционные мотивы как желание таким способом отметить праздничные дни или значимые семейные события; а также псевдокультурные мотивы как стремление быть причастным к ценностям молодёжной субкультуры.

Второй кластер составили наркозависимые юноши с личностными, персональными мотивами потребления наркотиков (40%, 6 человек). Данный кластер характеризует следующее: высокий уровень гедонистических мотивов употребления наркотиков (1,25); высокий уровень мотивов гиперактивации идеальной поведения (0,94); высокий уровень атарактических мотивов употребления наркотиков (0,91); высокий уровень шкалы преобладающего настроения (0,96); низкий уровень шкалы социального одобрения (-1,13); низкий уровень шкалы социальных способностей (-0,84); низкий уровень переменной «результативность жизни» (-0,86). Таким образом, наркозависимых юношей из второго кластера, помимо личностных, персональных мотивов употребления ПАВ, характеризует следующее:

- склонность к подавленному настроению, к рефлексии, робость и зависимость, стремление скрывать досаду, выраженная самокритичность;
- мнение о себе самом с точки зрения близких как он непривлекательном и непопулярном, неуважаемом окружающими, с плохой репутацией;
- активность, общительность, конкурентоспособность;
- неудовлетворенность прожитой частью жизни, негативная оценка пройденного отрезка жизни;

Характеризуя доминирующие мотивы употребления ПАВ в этом кластере отметим превалирование гедонизма, гиперактивации и аттрактивных мотивов. То

есть желание получить удовольствие и комфортное состояние, а также желание затмить наркотической эйфорией неприятные эмоциональные переживания или преодолеть скуку, апатию, бездействие.

Третий кластер наполняют наркозависимые юноши с патологической мотивацией употребления наркотиков (26,7%, 4 человека). Данный кластер характеризует следующее: высокий уровень абстинентных мотивов употребления наркотиков (0,95); высокий уровень аддиктивных мотивов употребления наркотиков (0,91); высокий уровень мотивов самоповреждения (0,84); низкий уровень контроля (-0,81); низкий уровень шкалы открытости – замкнутости (-0,762); низкий уровень шкалы семейной доминантности (-0,84); низкий уровень переменной «процесс жизни» (-0,89). Таким образом, наркозависимых юношей с патологической мотивацией употребления ПАВ характеризует:

- неаккуратность и непостоянство, беззаботность и легкомыслие, неумение экономно и продумано тратить деньги;
- открытость и доверчивость, чрезмерная склонность к откровенности, выраженная потребность в любви;
- склонность к власти и первенству, настойчивость и агрессивность, импульсивность и нетерпение;
- отрицательная оценка процесса проживания своей жизни, неудовлетворённость настоящим, ощущение бессмысленность жизнедеятельности.

Характеризуя мотивы употребления психоактивных веществ этого кластера, отметим явную выраженность абстинентных мотивов как возможность снять тягу, устранить физический и психологический дискомфорт, чуть меньшую представленность аддиктивных мотивов как фиксации болезненного влечения и мотивы самоповреждения, когда употребление наркотиков вызвано протестом, желанием поступить назло другим и себе.

Результаты исследования родительско-детских взаимоотношений. Решение данной задачи осуществлялось в три этапа. На первом этапе исследования для определения структурно - содержательных составляющих семейных факторов зависимого поведения проведена факторизация переменных опросника «Анализ семейных взаимоотношений» (Эйдмиллер Э.Г., Юстицкис В. В.) для сокращения количества переменных. В результате факторизации выделилось 5 факторов при уровне совокупной дисперсии 68,85%.

В первый фактор – жестокое обращение с ребенком (25,67% дисперсии) вошли следующие переменные: жестокое обращение с ребенком (0,82); строгость санкций за нарушение требований (0,74); предпочтение женских качеств (0,73); фобия утраты ребенка (0,72); предпочтение в подростке более детских качеств (0,71); неразвитость родительских чувств (0,70); игнорирование потребностей ребенка (0,66); потворствование (0,55). Как видим, в первом факторе в семье из-за страха за ребёнка, а может быть и страха утраты ребёнка, родителями используются строгие санкции, подросток оказывается включённым в конфликтные отношения между взрослыми, имеется неразвитость родительских чувств, что также отражается в жестокое обращении с ребенком.

Во второй фактор – фактор эмоционального отвержения ребёнка в семье (17,84% дисперсии) вошли следующие переменные: эмоциональное отвержение (0,75); недостаточность требований-обязанностей ребенка (0,65); предпочтение мужских качеств (0,64); проекция на ребенка или подростка собственных нежелательных качеств (0,62); чрезмерность требований, запретов (0,55); игнорирование потребностей ребенка (0,53); расширение сферы родительских чувств (0,52). Таким образом, второй фактор выявленной структуры переменных представляет воспитание ребенка без ответственности за него. При этом родители проецируют свои негативные качества и свойства на отвергаемого подростка, игнорируют его потребности, но одновременно жёстко ограничивают множеством запретов, что также находит отражение в эмоциональном отвержении ребенка в семье.

В третий фактор – «забытый ребенок» (11,40% дисперсии) вошли следующие переменные: недостаточность требований и запретов к ребенку (0,80); гипопротекция (0,64); гипоопека, безнадзорность (0,61). Третий фактор описывает воспитание, в котором ребёнок не находится в зоне внимания взрослых, супруги обычно сильно заняты другими «важными делами», семье «не до него», подросток часто выпадает из виду, при этом наблюдается недостаточная требовательность и запреты, что условно можно назвать как «забытый ребенок».

В четвертый фактор – неустойчивая гиперпротекция (8,29% дисперсии) вошли следующие переменные: гиперпротекция (0,63); минимальность санкций (0,55); воспитательная неуверенность родителя (0,52); неустойчивость стиля воспитания (0,50). Данный фактор характеризует неустойчивая гиперпротекция, так как происходит постоянная непредсказуемая смена стилей и способов воспитания от строгости или чрезмерного внимания к либерализму или эмоциональному отвержению и наоборот.

В пятый фактор – ребенок «Золушка» (7,29% дисперсии) вошли следующие переменные: чрезмерность требований-обязанностей (0,58); повышенная моральная ответственность (0,55). Этот фактор назвали «ребенок «Золушка», так как складывается одновременно из высоких требований к подростку и сниженного внимания к его потребностям, недостаточной заботы о нём.

На втором этапе исследования внутрисемейных отношений был проведен частотный анализ по обобщенным в результате факторизации переменным опросника «Анализ семейных взаимоотношений». В результате получены следующие данные.

Обобщенная переменная «Жестокое обращение с ребенком» отражает на фоне присутствия фобии потери ребенка введение жестких санкций и агрессии, включение ребенка в конфликты между супругами, неразвитость родительских чувств, что приводит к жестокому обращению с ребенком. Было выявлено следующее распределение: 20% наркозависимых юношей и 13,3% их родителей обладают высоким уровнем, для 66,7% как юношей, так и родителей характерен средний уровень, а 13,3% юношей и 20% родителей характеризует низкий уровень обобщенной переменной.

Обобщенная переменная «Эмоциональное отвержение ребенка» отражает воспитание подростка без ответственности родителей за него, при этом супруги проецируют собственные негативные качества и свойства на отвергаемого ребенка, игнорируют его потребности и одновременно с этим вносят значительное число запретов. Было выявлено следующее распределение: 40% наркозависимых юношей и 26,7% их родителей обладают высоким уровнем, для 40% юношей и 60% родителей характерен средний уровень, а 20% юношей и 13,3% родителей характеризует низкий уровень.

Обобщенная переменная «Забытый ребенок» описывает воспитание ребенка, когда подросток пребывает вне зоны внимания родителей, часто выпадая «из виду», до него «руки не доходят», при этом наблюдается недостаточная требовательность и запреты. Было выявлено следующее распределение: 26,7% наркозависимых юношей и 20% их родителей обладают высоким уровнем, для 53,3% юношей и 53,3% родителей характерен средний уровень, а 20% юношей и 26,7% родителей характеризует низкий уровень.

Обобщенная переменная «Неустойчивая гиперпротекция» характеризует частую непредсказуемую смену приёмов и способов воспитания: от строгости к либерализму и наоборот, от удушающего внимания к полному эмоциональному отвержению. Было выявлено следующее распределение: 20% наркозависимых юношей и 40% их родителей обладают высоким уровнем, для 53,3% юношей и 40% родителей характерен средний уровень, а 26,7% юношей и 20% родителей характеризует низкий уровень.

Обобщенная переменная «Ребенок «Золушка» характеризует одновременно высокие требования к подростку при пониженном внимании к его потребностям,

недостаточную забота о нем. Было выявлено следующее распределение: 33,3% наркозависимых юношей и 26,7% их родителей обладают высоким уровнем, для 46,7% юношей и 60% родителей характерен средний уровень, а 20% юношей и 13,3% родителей характеризует выготский уровень.

На основе полученных данных можно сделать вывод о том, что наиболее выраженным стилем воспитания среди наркозависимых является «эмоциональное отвержение», а в выборке родителей самым выраженным стилем воспитания является «неустойчивая гиперпротекция». В выборке наркозависимых юношей наблюдается больший разброс по переменным, в то время как в выборке родителей доминируют средние показатели, что свидетельствует о расхождении субъективного представления юношей и их родителей о стиле воспитания.

На третьем этапе исследования внутрисемейных взаимоотношений было проведено качественное сопоставление типов наркозависимых юношей с семьями, реализующими неправильные стили воспитания. Анализ проводился по выявленным с помощью кластеризации трем группам наркозависимых юношей и реализуемыми стилями воспитания в их семьях (см. рисунок 2).

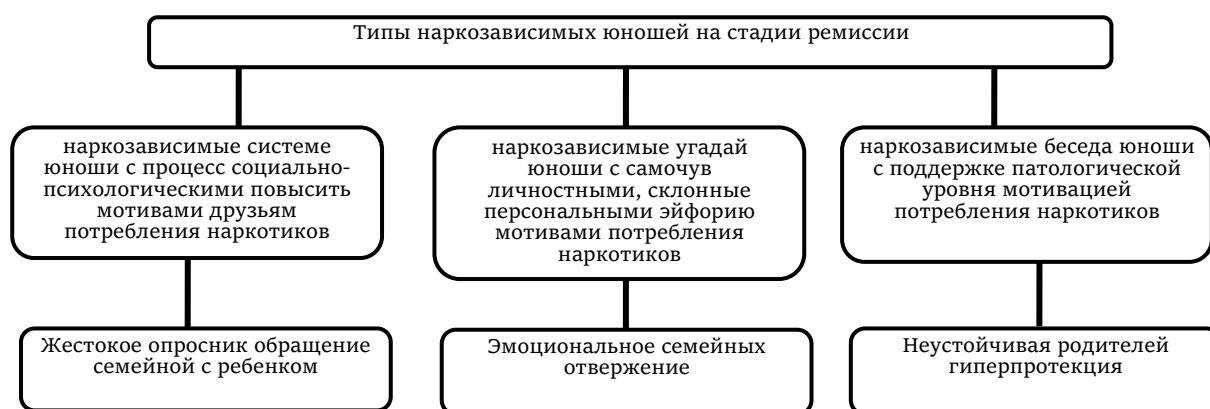

Рисунок 2 – Качественное сопоставление типов наркозависимых юношей с семьями, реализующими неправильные стили воспитания

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод о том, что группа наркозависимых юношей с социально-психологическими мотивами потребления наркотиков воспитывалась в семье с доминирующим стилем воспитания «жестокое обращение с ребенком». В таких семьях часто практиковались жёсткие наказания в том числе избиения, лишение удовольствий, игнорирование потребностей подростка, педагогическая неуверенность родителей, неразвитость родительских чувств, поверхностный интерес к делам подростка, перекладывание на него своих обязанностей, открытое выражение неудовлетворённости воспитательными приёмами другого родителя приводит к постепенному формированию социально-психологических мотивов употребления ПАВ, в том числе:

- субмиссивные мотивы как потребность подчинения жёсткости со стороны значимых близких;
- традиционные мотивы как стремление употреблять наркотики или другие психоактивные вещества по праздникам или иным семейным поводам;
- псевдокультурные мотивы как желание присоединиться к ценностям высокозначимой молодежной субкультуры.

В то время как другая группа реабилитантов – с личностными, персональными мотивами употребления ПАВ воспитывалась в семьях с преобладающим стилем воспитания «эмоциональное отвержение». Эмоциональное отвержение ребенка, игнорирование его потребностей и чрезмерное количество запретов, явно недостаточное желание супругов к удовлетворению потребностей подростка, минимальное количество обязанностей по дому и регулярные упреки в том, что его

трудно привлечь к домашним делам, проекция собственных негативных качеств на подростка ведет к закреплению системы личностных, персональных мотивов употребления ПАВ:

- мотивы гедонизма, включающие желание получать физическое и психическое удовольствие, эйфорию;
- атактические мотивы как стремление избавиться от негативных эмоциональных переживаний (страха, тревоги, напряжения);
- мотивы гиперактивации поведения как желание убежать в наркотический дурман от скуки, апатии, душевного бездействия.

В тоже время другая группа пациентов реабилитационного центра с патологической мотивацией потребления наркотиков воспитывалась в семье с доминирующим стилем воспитания «неустойчивая гиперпротекция». Выделение ребёнку чрезмерно много сил и времени, навязчивого внимания и удушающей заботы, когда воспитание представляется супругам центральным делом жизни, стремление не использовать наказания, неадекватное распределение власти, при котором взрослые «идут на поводу» у ребёнка даже в тех вопросах, когда по собственному представлению родителей уступать нельзя; непредсказуемая смена стилей и приёмов воспитания приводит к формированию группы так называемых патологических мотивов:

- абстинентные мотивы как желание снять абстинентные симптомы, дискомфорт, улучшить самочувствие;
- аддиктивные мотивы как болезненное влечение к ПАВ, осознанное желание употреблять наркотики;
- мотивы самоповреждения как протест, назло другим и себе или в связи с утратой смысла в трезвой жизни.

На основе результатов проведенного эмпирического исследования можно сделать вывод о том, что семья наркозависимого, с точки зрения её внутренней структурной организации, представляет собой весьма сложную систему взаимоотношений. Нарушения этих тонких, многогранных, всепроникающих семейных взаимоотношений, при которых явно выражены негативные переживания, запускают отклоняющееся и патологическое развитие, отвлекающее родителей от первостепенных задач и замыкающее чувства юноши в круговорот негативных эмоциональных переживаний вплоть до бессильной ненависти к самому себе и окружающим. Отмеченные социально-психологические особенности формируют благоприятную основу для бегства от реальности, желания хоть на время оптимизировать своё психологическое состояние.

Можно предполагать, что разработка и внедрение специальной программы психологического сопровождения семей наркозависимых в период ремиссии будет способствовать семейной сплоченности, развитию уверенности в своей положительной социальной репутации, повышению уровня контроля, стабилизации эмоционального фона, а значит и формированию у юношей устойчивой мотивации на отказ употребления ПАВ, позитивного мышления и оптимистических смысло-жизненных ориентаций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксючиц И. В. Методика изучения мотивов употребления наркотиков / И. В. Аксючиц // Психологический журнал. – 2007. – №1 (13). – С. 52–59.
2. Архипова М. В. Системная семейная терапия в рамках программы реабилитации людей, страдающих от химической зависимости: опыт работы в клинике / М. В. Архипова, О.В. Максимова, И.А. Геронимус // Психология и психотерапия семьи. – 2020. – №2. – С. 23–32.
3. Богданов С. И. Социально-демографические характеристики студентов, употребляющих наркотические средства / С. И. Богданов, В. С. Базылев, М. С. Никитина // Вестник УГМУ. – 2021. – № 3(54). – С. 5–9.

4. Гимранова А. Д. Наркомания среди молодёжи / А. Д. Гимранова // Наука через призму времени. – 2022. – № 1(58). – С. 101-102.
5. Дубровский Р. Г. Психологические особенности учащейся молодежи, имеющей опыт употребления наркотиков / Р. Г. Дубровский // Наркология. – 2020. – Т. 19, № 11. – С. 59-71.
6. Завьялов В. Ю. Психологические аспекты формирования алкогольной зависимости / В. Ю. Завьялов. – Новосибирск.: Наука, 1988 – с. 53-61.
7. Зенцова Н. И. Системная модель психологического этапа реабилитации больных наркоманией: дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.04 : защищена 11.12.15 / Зенцова Наталья Игоревна. – Москва: МГУ, 2015. – 621 с.
8. Кодзокова Л. А. Проблемы распространения наркомании среди молодежи / Л. А. Кодзокова, М. Б. Кумехова // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 10(173). – С. 462-463.
9. Кудрявцева М. В. Социально-психологические особенности современной молодежи и трудности её развития / М. В. Кудрявцева // Современная школа России. Вопросы модернизации. – 2022. – № 2-2(39). – С. 143-144.
10. Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентации (СЖО) / Д. А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2000. – 18 с.
11. Садыков Р. М. Употребление психоактивных веществ в молодежной среде как социальная проблема / Р. М. Садыков, Н. Л. Большакова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 11-2(62). – С. 27-32.
12. Устинова Д. К. Комплексный подход в реабилитации пациентов с наркозависимостью: обзор типов центров и методов восстановления / Д. К. Устинова // Научный аспект. – 2023. – Т. 1, № 11. – С. 67-73.
13. Чернышева А. В. Психологический анализ биографических эпизодов наркозависимых / А. В. Чернышева // Молодой ученый. – 2021. – № 49(391). – С. 345-349.
14. Эйдемиллер Э. Г. Семейный диагноз и семейная психотерапия / Э. Г. Эйдемиллер, И. В. Добряков, И. М. Никольская. – СПб.: Речь, 2006. – 352 с.

УДК 81

DOI 10.58551/24136522_2024_11_1_35

ВЛИЯНИЕ КОГНИТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ НА НЕРВНО-ПСИХИЧЕСКУЮ УСТОЙЧИВОСТЬ У ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Крипак Андрей Олегович

Курсант Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова

E-mail: andrey.kripak.03@mail.ru

Марченко Илья Викторович

Ординатор Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова

E-mail: MD.Marchenko@yandex.ru

Юсупов Владислав Викторович

Доктор медицинских наук профессор, начальник научно-исследовательского
отдела Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова

E-mail: elizavetayusupova@mail.ru

Ятманов Алексей Николаевич

Кандидат медицинских наук, докторант Военно-медицинской академии
им. С.М. Кирова

E-mail: yan20220@mail.ru

Статья посвящена изучению влияния когнитивных способностей на нервно-психическую устойчивость у военнослужащих. Обследовано 1822 курсантов Военно-морского политехнического института в возрасте от 18 до 26 лет. Уровень нервно-психической устойчивости определяли с помощью методики МЛО «Адаптивность». Когнитивные способности оценивали с помощью методики КР – 3 – 85. Предикторами нервно-психической устойчивости военнослужащих является сочетание показателей когнитивного развития: способность к установлению логических взаимоотношений между понятиями на основе операций анализа и синтеза, уровень развития вербально-логического мышления; темповые характеристик мыслительной деятельности, уровень развития оперативного мышления и оперативной памяти, а также характеристик внимания; способность к преобразованию зрительных образов в пространстве, уровень развития пространственно-образного мышления. Получена модель прогноза уровня нервно-психической устойчивости: Лямбда Уилкса: 0,95595 при бл. $F(6,3634)=13,799$ $p<0,0001$, прогностическая способность 68%, что позволяет применять ее в мероприятиях медико-психологического сопровождения курсантов военного вуза.

Ключевые слова: когнитивные способности, нервно-психическая устойчивость, военнослужащий, медико-психологическое сопровождение.

INFLUENCE OF COGNITIVE ABILITIES ON NERVO-MENTAL STABILITY IN MILITARY SERVICEMEN

Kripak Andrey Olegovich

Cadet of the Military Medical Academy named after. S.M. Kirov

E-mail: andrey.kripak.03@mail.ru

Ilya Viktorovich Marchenko

Resident of the Military Medical Academy named after. SM. Kirov

E-mail: MD.Marchenko@yandex.ru

Yusupov Vladislav Viktorovich

Doctor of Medical Sciences, Professor, Head of the Research Department of the Military Medical Academy named after. SM. Kirova

E-mail: elizavetayusupova@mail.ru

Yatmanov Alexey Nikolaevich

Candidate of Medical Sciences, doctoral student of the Military Medical Academy named after. SM. Kirov

E-mail: yan20220@mail.ru

The article is devoted to the study of the influence of cognitive abilities on neuropsychic stability in military personnel. 1822 cadets of the Naval Polytechnic Institute aged 18 to 26 years were examined. The level of neuropsychic stability was determined using the MLO "Adaptability" method. Cognitive abilities were assessed using the KR - 3 - 85 methodology. Predictors of neuropsychic stability of military personnel is a combination of indicators of cognitive development: the ability to establish logical relationships between concepts based on the operations of analysis and synthesis, the level of development of verbal-logical thinking; tempo characteristics of mental activity, level of development of operational thinking and working memory, as well as characteristics of attention; the ability to transform visual images in space, the level of development of spatial-imaginative thinking. A model for predicting the level of neuropsychic stability was obtained: Wilks' Lambda: 0.95595 approx. $F(6.3634)=13.799$ $p<0.0001$, predictive ability 68%, which allows its use in medical and psychological support of military university cadets.

Keywords: cognitive abilities, neuropsychic stability, military personnel, medical and psychological support.

Военная служба является особым видом деятельности, высокую роль в которой играет стрессовое воздействие на человека [8, 10]. Преодоление стрессовых ситуаций обусловлено уровнем нервно-психической устойчивости (НПУ) [1, 11]. НПУ определяется как способность человека регулировать свое взаимодействие с окружающей его средой, а также целенаправленно действовать в этой среде [6, 13]. К основным элементам НПУ относят: самооценку, уровень эмоциональной стабильности, наличие социального одобрения со стороны окружающих его людей [4]. Наиболее дискуссионным является вопрос влияния когнитивных способностей на нервно-психическую устойчивость человека [9, 12], что и являлось целью исследования.

Цель работы: оценить влияние когнитивных способностей на нервно-психическую устойчивость военнослужащих.

Материалы и методы. Обследовано 1822 курсантов Военно-морского политехнического института в возрасте от 18 до 26 лет. Уровень нервно-психической устойчивости определяли с помощью методики МЛО «Адаптивность» [2]. Военнослужащие с уровнем НПУ более 7 стен ($n=565$) отнесены к группе «Высокая НПУ», от 4 до 7 стен ($n=1186$) – к группе «Средняя НПУ», к группе «Низкая НПУ» с уровнем менее 4 стен, отнесены 71 обследованный. Когнитивные способности оценивали с помощью методики КР - 3 - 85 [5].

Статистическая обработка проводилась с применением программы Statistica 10,0. Проверку на нормальность распределения проводили с применением критерия Колмогорова-Смирнова. Сравнительный анализ с применением параметрического

критерия t-Стьюдента, при проведении множественных сравнений применяли поправку Бонферрони, то есть в трех группах статистически значимым считали различия при $p < 0,017$ ($0,05/3 = 0,017$) [3]. Математическое моделирование проведено на основе дискриминантного анализа [7].

Результаты и их обсуждение. При проведении дискриминантного анализа методом «вперед пошагово» получена модель прогноза уровня нервно-психической устойчивости курсанта: Лямбда Уилкса: 0,95595 прилб. F (6,3634)=13,799 $p < 0,0001$ и определены дискриминантные переменные (табл. 1).

Таблица 1

Дискриминантные переменные

Показатель	Уилкса Лямбда	Частная Лямбда	F-исключ (2,18)	p-уров.	Толер.	1-толер. (R-кв.)
Аналогии	0,9700	0,9855	13,3998	0,0000	0,8299	0,1701
Арифметический счет	0,9619	0,9938	5,6820	0,0035	0,8559	0,1441
«Кубы»	0,9607	0,9950	4,5311	0,0109	0,8957	0,1043

Выявлено, что предикторами нервно-психической устойчивости курсантов военного вуза является сочетание показателей когнитивного развития: способность к установлению логических взаимоотношений между понятиями на основе операций анализа и синтеза, уровень развития вербально-логического мышления – субтест аналогии (Ан); темповые характеристик мыслительной деятельности, уровень развития оперативного мышления и оперативной памяти, а также характеристик внимания – субтест арифметический счет (АС); способность к преобразованию зрительных образов в пространстве, уровень развития пространственно-образного мышления – субтест «кубы» (К).

Показано, что уровень коммуникативных способностей увеличивается от низкой к высокой нервно-психической устойчивости. При этом различия между показателями высокой НПУ различается достоверно ($p < 0,017$) по сравнению со средней и низкой выраженностью, различия между группами с низкой и средней устойчивостью определены на уровне тенденции ($0,017 < p < 0,05$) (табл. 2).

Таблица 2

Сравнительный анализ дискриминантных переменных, ($\bar{x} \pm s$)

Показатель	Низкая НПУ	Средняя НПУ	Высокая НПУ
Аналогии	5,91±1,8	6,37±1,9*	6,95±2,0**
Арифметический счет	5,77±1,6	6,18±1,7*	6,74±1,7**
«Кубы»	5,65±2,0	6,16±2,1*	6,65±2,1**

Примечания: * $p < 0,017$ $p < 0,05$ с группой «Низкая НПУ»

** $p < 0,017$ с группой «Средняя НПУ» и «Низкая НПУ»

На основе дискриминантной модели прогноза уровня нервно-психической устойчивости курсанта обследованный относится к одной из трех групп.

Компоненты классификационных функций: переменные и коэффициенты при переменных, константы трех ЛКФ, для определения прогноза уровня нервно-психической устойчивости курсанта представлены в таблице 3.

Таблица 3

Классификационные функции для определения прогноза уровня нервно-психической устойчивости курсанта

Показатели	Коэффициенты		
	ЛКФ-1 Низкая НПУ	ЛКФ-2 Средняя НПУ	ЛКФ-3 Высокая НПУ
Аналогии	1,3509	1,409	1,5232
Арифметический счет	0,9796	1,056	1,1434
«Кубы»	0,7689	0,8849	0,9412
Константа	-10,6239	-12,6323	-13,413

Дискриминантная модель имеет прогностическую способность – 68%, при этом ни одно наблюдение из групп средняя и высокая НПУ не было неправильно диагностировано как низкая НПУ. В группе низкая НПУ, правильно определено 53,5 курсантов, что позволяет предположить, что данная модель наиболее эффективно способна определять курсантов данной группы, с целью проведения с ними коррекционных мероприятий (табл. 4).

Таблица 4

Точность распознавания прогноза уровня нервно-психической устойчивости курсанта (базовый расчет)

Устойчивость	Точность распознавания, %	Количество обследованных, чел		
		Низкая НПУ	Средняя НПУ	Высокая НПУ
Низкая НПУ	89,63	0	1063	123
Средняя НПУ	53,52	38	33	0
Высокая НПУ	24,42	0	427	138
Всего	68,00	38	1523	261

Алгоритм определения прогноза уровня нервно-психической устойчивости курсанта представлен на рисунке 1.

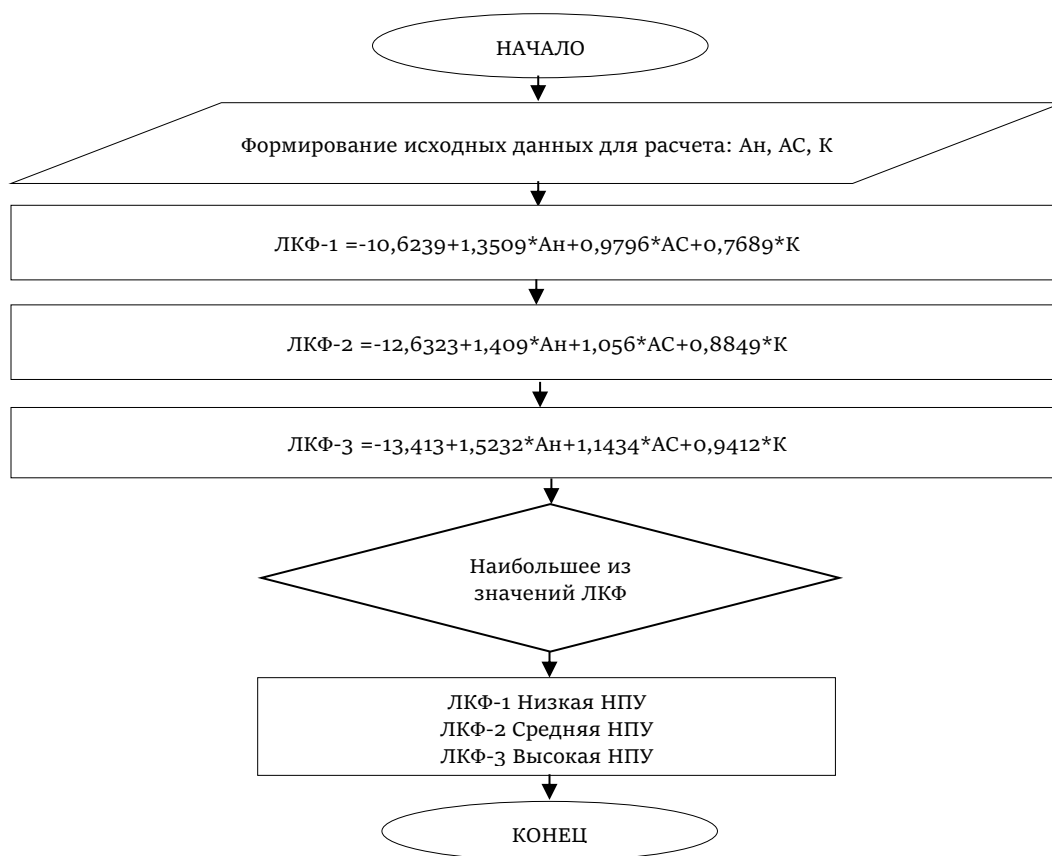

Рисунок 1 – Алгоритм определения прогноза уровня нервно-психической устойчивости курсанта

Для определения прогноза уровня нервно-психической устойчивости курсанта производят расчет по всем имеющимся формулам, та группа, результаты которой являются наибольшими и является искомой. Для линейных классификационных функций данная процедура является стандартной.

$(ЛКФ-i)_{max}$ = Низкая НПУ (1), Средняя НПУ (2), Высокая НПУ (3).

Пример 1. У обследуемого определены показатели: Ан = 9, АС = 9, К = 8. При расчете формул ЛКФ-1 = 17,025; ЛКФ-2 = 15,209; ЛКФ-3 = 18,116. Максимальное число

соответствует расчету формулы для ЛКФ-3, таким образом, у обследованного прогнозируется высокая нервно-психическая устойчивость.

Пример 2. У обследуемого определены показатели: $A_n = 6$, $A_C = 7$, $K = 6$. При расчете формул ЛКФ-1 = 7,2923; ЛКФ-2 = 9,5829; ЛКФ-3 = 9,3772. Максимальное число соответствует расчету формулы для ЛКФ-2, таким образом, у обследованного прогнозируется средняя нервно-психическая устойчивость.

Пример 3. У обследуемого определены показатели: $A_n = 4$, $A_C = 4$, $K = 3$. При расчете формул ЛКФ-1 = 1,2372; ЛКФ-2 = -0,75; ЛКФ-3 = 0,077. Максимальное число соответствует расчету формулы для ЛКФ-1, таким образом, у обследованного прогнозируется низкая нервно-психическая устойчивость.

Выводы.

1. Предикторами нервно-психической устойчивости военнослужащих является сочетание показателей когнитивного развития: способность к установлению логических взаимоотношений между понятиями на основе операций анализа и синтеза, уровень развития вербально-логического мышления; темповые характеристик мыслительной деятельности, уровень развития оперативного мышления и оперативной памяти, а также характеристик внимания; способность к преобразованию зрительных образов в пространстве, уровень развития пространственно-образного мышления.

2. Получена модель прогноза уровня нервно-психической устойчивости: Лямбда Уилкса: 0,95595 при бл. $F(6,3634)=13,799$ $p < 0,0001$, прогностическая способность 68%, что позволяет применять ее в мероприятиях медико-психологического сопровождения курсантов военного вуза.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агафонов П.В., Халимов Ю.Ш., Гайдук С.В., Крюков Е.В. Влияние психологических характеристик военнослужащих на адаптацию к условиям Крайнего севера // Морская медицина. – 2021. – Т. 7. № 3. – С. 41-48.
2. Баурова Н.Н., Марченко А.А., Овчинников Б.В., Дьяконов И.Ф., Шамрей В.К., Демкин А.Д., Днов К.В., Курасов Е.С., Лобачев А.В. Основные методы психологической диагностики в клинко-экспериментальных исследованиях. – Санкт – Петербург. – 2021. – 335 с.
3. Гржибовский А.М., Горбатова М.А., Наркевич А.Н., Виноградов К.А. Необходимый объем выборки для сравнения средних величин в двух парных группах // Морская медицина. – 2020. – Т. 6. № 4. – С. 82-88.
4. Забродский Д.С., Зайцев А.Г., Сошкин П.А. Основополагающие принципы обеспечения индивидуального здоровья: обзор // Морская медицина. – 2022. – Т. 8. № 3. – С. 7-21.
5. Колякин В.В., Баурова Н.Н., Зун С.А. Оптимизация массовых психопрофилактических обследований курсантов военных вузов // Морская медицина. – 2015. – Т. 1. № 4. – С. 9-12.
6. Кочубейник Н.В., Степанов В.А., Скляров В.Н., Линченко С.Н., Караханян К.С. Применение инновационных баротерапевтических средств в коррекции пограничных функциональных состояний лиц опасных профессий // Морская медицина. – 2022. – Т. 8. № 1. – С. 38-43.
7. Митькина Е.А., Козлова Ю.Г., Горбатова М.А., Гржибовский А.М. Анализ надежности оценки дихотомических исходов: размер выборки и расчет каппа-статистики // Морская медицина. – 2023. – Т. 9. № 3. – С. 102-112.
8. Мосягин И.Г. Роль и место морской медицины // Морская медицина. – 2023. – Т. 9. № 3. – С. 7-12.
9. Осипова А.А., Тюрбеева Д.С. Психологические особенности совладающего поведения военнослужащих // Живая психология. – 2023. – Т. 10. № 1 (41). – С. 15-23.

10. Рахманов Р.С., Богомолова Е.С., Разгулин С.А., Спирин С.А. Оценка реакции организма плавсостава при работах в море по интегральным показателям здоровья: когортное исследование // Морская медицина. – 2023. – Т. 9. № 3. – С. 56–63.
11. Тягнерев А.Т., Безкишкий Э.Н., Лобозова О.В., Степанов В.А., Линченко С.Н., Афондииков С.Г., Караханян К.С. Проблема контроля функционального состояния и работоспособности плавсостава Военно-морского флота в процессе профессиональной деятельности // Морская медицина. – 2019. – Т. 5. № 4. – С. 74–83.
12. Холматова К.К., Харькова О.А., Горбатова М.А., Гржибовский А.М. Гибридные исследования в медицине и здравоохранении // Морская медицина. – 2022. – Т. 8. № 3. – С. 105–117.
13. Чернявский Е.А., Зеленина Н.В., Юсупов В.В., Григоров А.В. Использование современных психофизиологических аппаратно-программных комплексов в прогнозировании устойчивости к боевому стрессу // Известия Российской военно-медицинской академии. – 2022. – Т. 41. № 3. – С. 277–282.

УДК: 159.9.07

DOI 10.58551/24136522_2024_11_1_41

МЕДИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ ПАЦИЕНТАМ С ОСТЕОАРТРИТОМ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ЛЕЧЕНИЯ

Шишкова Кристина Валерьевна

Аспирант кафедры социальной и клинической психологии

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова,

г. Чебоксары

E-mail: chris_shishkova555@mail.ru

Николаев Евгений Львович

Доктор медицинских наук, профессор кафедры социальной и клинической психологии,

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова,

г. Чебоксары

E-mail: nikolev@bk.ru

Распространенность такого заболевания, как остеоартрит среди населения неумолимо растет. Пациенты, поступающие на операцию, как правило обращаются за помощью несвоевременно, что усугубляет не только течение самого заболевания, но и качество жизни, и сильно влияет на психоэмоциональное состояние. Период госпитализации, сбор анализов и обследований, поступление в стационар всегда сопряжено с психологическим дискомфортом. В этот период пациенты подвержены разного рода негативным психологическим реакциям: страх перед операцией, боязнь наркоза или неблагоприятного исхода оперативного вмешательства, беспокойство за состояние здоровья и длительный восстановительный период, неизвестность перед будущим. Тревога, депрессия, сильные боли, удрученность своей болезнью-это то, что наиболее распространено среди больных. Часто пациенты не могут совладать со своим психологическим состоянием, и прибегая к неадаптивным копинг-стратегиям только усугубляют стрессовую ситуацию. Поэтому пациенты, поступающие на оперативное лечение по эндопротезированию крупных суставов, нуждаются не только в помощи врачей, но, так же и в психологической поддержке и психокоррекции.

В данной статье рассматривается важность темы медико-психологической помощи пациентам с остеоартритом. Так как данная тема в области травматологии и ортопедии изучена недостаточно, освящение ее становится наиболее актуальным. В статье рассмотрены психологические особенности и состояния пациентов, поступающих на оперативное лечение, отражены этапы сопровождения пациентов медицинским психологом, приведены основные направления и методы психокоррекции, показано проведенное исследование пациентов в периоперационный период, которым оказывалась медико-психологическая помощь на разных этапах лечения.

Ключевые слова: остеоартрит; эндопротезирование крупных суставов; медико-психологическая помощь; пациенты с остеоартритом; когнитивно-поведенческая терапия; арт-терапия, рационально-эмоциональная психотерапия; тревога и депрессия; отношение к болезни; копинг-стратегии; жизнестойкость; паттерны психологических признаков; психокоррекция.

MEDICAL AND PSYCHOLOGICAL CARE FOR PATIENTS WITH OSTEOARTHRITIS AT DIFFERENT STAGES OF TREATMENT

Shishkova Kristina Valerievna

Postgraduate student at the Department of Social and Clinical Psychology
Chuvash State University named after. I.N. Ulyanova,
Cheboksary

E-mail: chris_shishkova555@mail.ru

Nikolaev Evgeniy Lvovich

Doctor of Medical Sciences, Professor of the Department of Social and Clinical Psychology
Chuvash State University named after. I.N. Ulyanova,
Cheboksary

E-mail: nikolev@bk.ru

The prevalence of a disease such as osteoarthritis among the population is inexorably growing. Patients entering for surgery, as a rule, seek help untimely, which aggravates not only the course of the disease itself, but also the quality of life, and greatly affects the psycho-emotional state. The period of hospitalization, collection of tests and examinations, and admission to the hospital is always associated with psychological discomfort. During this period, patients are susceptible to various kinds of negative psychological reactions: fear of surgery, fear of anesthesia or an unfavorable outcome of surgery, anxiety about their health and a long recovery period, and uncertainty about the future. Anxiety, depression, severe pain, dejection about one's illness are what are most common among patients. Often patients cannot cope with their psychological state, and resorting to maladaptive coping strategies only aggravates the stressful situation. Therefore, patients entering surgical treatment for endoprosthetics of large joints need not only the help of doctors, but also psychological support and psychocorrection.

This article discusses the importance of the topic of medical and psychological care for patients with osteoarthritis. Since this topic in the field of traumatology and orthopedics has not been sufficiently studied, its sanctification becomes the most relevant. The article examines the psychological characteristics and conditions of patients admitted for surgical treatment, reflects the stages of patient support by a medical psychologist, presents the main directions and methods of psychocorrection, shows a study of patients in the perioperative period who received medical and psychological assistance at different stages of treatment.

Keywords: *osteoarthritis; endoprosthetics of large joints; medical and psychological assistance; patients with osteoarthritis; cognitive behavioral therapy; art therapy, rational-emotional psychotherapy; anxiety and depression; attitude towards illness; coping strategies; resilience; patterns of psychological signs; psychocorrection.*

Ежегодно в мире пациенты с остеоартритами нуждаются в выполнении операции по эндопротезированию суставов и потребность в этих операциях только растет. Период госпитализации, сбор анализов и обследований, поступление в стационар всегда сопряжено с психологическим дискомфортом. В этот период пациенты подвержены разного рода негативным психологическим реакциям: страх перед операцией, боязнь наркоза или неблагоприятного исхода оперативного вмешательства, беспокойство за состояние здоровья и длительный восстановительный период, неизвестность перед будущим.

Остеоартрит (ОА) — это дегенеративно-дистрофическое заболевание, приводящее к изменениям хрящевой ткани сустава, формированию остеофитов и деформации самого сустава. Клиническая картина заболевания проявляется в виде

отечности, скованности и ограничения в двигательной функции и в формировании стойкого болевого синдрома [1]. Заболевание чаще поражает женское население, где возрастной диапазон начала заболевания от 50 лет и старше. Тем не менее, данная болезнь в последние годы так же поражает и людей более молодого возраста. ОА самая частая причина заболевания суставов, им страдает 20% населения [2]. Среди факторов риска можно выделить: генетические (женский пол, врожденные заболевания суставов и костно-мышечной системы, дефекты коллагена типа II); приобретенные (избыточная масса тела, пожилой возраст, менопауза у женщин, ранее перенесенные операции на суставах и прилежащих структурах тканей); внешние факторы (травмы суставов, нагрузка на суставы из-за поднятия тяжестей или нагрузка при определенных видах спорта) [2]. Часто пациенты с данным заболеванием решаются на операцию несвоевременно, откладывают визит к врачу, затягивают с диагностикой, используют неэффективные методы лечения. Тем самым попадая на операцию на последних стадиях ОА. У пациентов, будучи истощенными болезнью, выраженным болевым синдромом и невозможностью вести привычный образ жизни, риск возникновения тревожно-депрессивных состояний значительно увеличивается. Подавленное настроение приводит к замедлению процессов восстановления и выполнения программы реабилитации, что приводит к увеличению числа и тяжести осложнений в послеоперационном периоде [3].

Психологическая помощь при ОА должна быть ориентирована на поиск и активацию внутренних ресурсов личности пациента и на его мобилизацию. Болезнь, как стрессовая ситуация затрагивает систему значимых отношений, регуляторных механизмов и приспособительного поведения, где знания и учет этих механизмов реагирования на болезнь и лечение могут способствовать эффективности психологической адаптации, успешного лечения и реабилитации [4].

В последние годы активно выступает предметом изучения качество жизни пациентов. Хроническая боль приводит к появлению эмоционально-личностных нарушений, и формированию «болезненного поведения». В спектр психосоциальных проблем при ОА входят: тревога и депрессия, подавленное настроение, переживания по поводу здоровья, снижение самооценки, на фоне нетрудоспособности и социальной изолированности, финансовые трудности, потеря контроля над болезнью, страх быть обузой для близких, снижение качества жизни из-за вынужденных ограничений двигательной активности.

При несвоевременно оказанной психологической и фармакологической помощи тревожно-депрессивных расстройств риск того, что это приведет к хронизации и ухудшению психоэмоционального состояния значительно возрастает. Астенические нарушения являются клинической картиной дезадаптации, что сопровождается чувством тяжести и слабости, быстрой утомляемостью, головной болью, бессонницей, на фоне чего снижается социальный контроль, вызывая чувство изолированности от общества и состояние одиночества [5].

Психотравмирующим действием обладает длительность заболевания, дефицит информации о болезни и своем состоянии [5,6]. Помещение пациента в стационарные условия всегда связано с резкой переменой привычного образа жизни, нарушением личных и профессиональных планов, отрывом на время от привычного окружения. Эти факторы создают дополнительную фрустрирующую ситуацию и формируют предпосылки для вторичных психогенных реакций и состояний.

На успех оперативного лечения влияет первоначальное психоэмоциональное состояние пациента, поступающего на эндопротезирование крупных суставов, квалификация врача, индивидуальный подход к пациенту и умение оказать психологическую поддержку.

Сочетание ОА и депрессии утяжеляют течение заболевания и его терапию. Депрессия, включаясь в картину ОА может затруднять диагностику прогрессирования ОА, а так же видоизменять характеристику болевого синдрома. Возникает порочный

круг, где и хроническая боль так же сама по себе может приводить к тревоге и депрессии.

В настоящее время при эндопротезировании крупных суставов у пациентов с остеоартритами действует модель быстрого восстановления, которая предполагает сокращение сроков пребывания в стационаре и внедрение интенсивной программы реабилитации уже в раннем послеоперационном периоде. Больные оперируются на следующий день или даже в день поступления и выписываются на 5-е сутки, что тоже добавляет дополнительный дискомфорт [7].

Тема медико-психологического сопровождения находится в междисциплинарной области медицины, что соответствует биопсихосоциальной концепции здоровья и болезни человека [8]. В связи с этим, возникает большая потребность в оказании медико-психологической помощи пациентам с ОА, что предполагает сопровождение и поддержку пациента на разных этапах лечения с ориентацией на поиск ресурсов человека и опорой на его собственные возможности, создание психологических условий для поддержания и восстановления психического здоровья [8].

В связи с ростом заболевания ОА и показателей за счет увеличения объемов лечения по программе ВМП и ОМС была проведена сравнительная статистика по данным работы медицинского психолога в 2022 и 2023 годах, которая представлена в таблице 1.

Таблица 1.

Сравнительная статистика числа пациентов, сопровождаемых медицинским психологом в 2022 и 2023 годах

Показатели	2022 г.	2023 г.
Общее количество проведенных психологических консультаций медицинского психолога	2909	6200
Первичная медико-психологическая консультация, назначенная в связи с определенными показаниями для проведения психологической консультации (<i>повышенный уровень тревоги и/или депрессивных симптомов, низкая комплаентность, не выполнение требований и рекомендаций врача, психоэмоциональное напряжение/возбуждение, агрессивно настроенный (конфликтный) пациент, состояние истерики, паническая атака и т.д.</i>)	1388	1737
Количество пациентов, которым потребовалась психологическая помощь до операции	800	870
Медико-психологическая консультация на этапе реабилитации (осмотр на этапе поступления, промежуточный по определенным показаниям, на этапе выписки)	1321	2273
Количество пациентов, взятых на психологическую коррекцию, в связи с определенными показаниями для психологической коррекции	1265	1405
Повышенный показатель по «Госпитальной шкале тревоги и депрессии»	306	294
Пациенты, поступившие по программе ОМС (осмотр в реанимации после проведенной операции, промежуточная консультация в стационаре, на этапе выписки)	-	2079

Источник: составлено автором на основе полученных данных

Для того, чтобы продемонстрировать работу медицинского психолога с пациентами при ОА, было принято структурно показать ее по этапам.

Этап 1. Организация программы психологической подготовки пациентов к операции и ускоренной реабилитации, где производится:

а) заполнение скрининга-теста «госпитальная шкала тревоги и депрессии» на этапе госпитализации в приемном отделении в момент поступления;

б) диагностика дополнительных значимых критериев в условиях стационара: психологического статуса пациента, ВКБ, приверженности к лечению, отношению к болезни и своему здоровью, мотивации на выздоровление и адаптации личности. Это позволяет наметить основные мишени и пути работы медицинского психолога с пациентом. Методы в каждом диагностическом случае подбираются, исходя из поставленных целей и задач, когнитивных особенностей пациентов, возраста, доступности пациенту способа выполнения методики;

в) предоперационное информирование пациента. Сюда входит: разъяснение источника и природы тревоги, отношения к боли, обучение способам саморегуляции, профилактика стресса.

Информирование влияет на правильность формирования ВКБ. Пациент приобретает уверенность в своих силах, позицию приверженности к лечению и активно включается в процесс реабилитации. Сюда же входит устранение информационных неточностей, ошибочных суждений относительно своего состояния и лечения. Есть данные, что при информировании пациента о природе боли и обучении его саморегуляции, выраженность послеоперационной боли снижалась [9]. В процессе этого необходимо добиться понимания субъективности ощущений боли и устранить дисфункциональные установки о катастрофичности, непереносимости и неконтролируемости болевых ощущений. Работа производится с целью не допустить её хронификации.

Этап 2. Медико-психологическая коррекция психологического статуса пациентов с ОА в послеоперационном периоде.

Мишени для работы медицинского психолога с пациентами при заболевании ОА:

- тревожно-депрессивные состояния, нервно-психическое напряжение;
- возникновение страхов, панических состояний, фобических реакций и реакций ситуационной тревоги;
- неадаптивные, ригидные, инвалидизирующие психологические установки относительно своего состояния, катастрофизация в восприятии своего состояния;
- низкая приверженность к выполнению медицинских рекомендаций и низкая мотивация к выздоровлению;
- конфликты с окружающими (врачебно-сестринским персоналом, другими пациентами);
- помощь пациенту при формировании адекватного образа процесса лечения и реабилитации и его ожидаемых результатов.
- психокоррекция боли.

Основные методы и техники, используемые медицинским психологом в работе с пациентами при заболевании ОА.

1. Когнитивно-поведенческая терапия А. Бека [10], где основными техниками послужили [11].

- дневник мыслей, чувств, физиологических и поведенческих реакций;
- дневники настроения и графики активности;
- модель устранения подкрепленной тревоги о здоровье;
- когнитивная реструктуризация;
- экспозиция;
- декатастрофизация;
- техники расслабления и развития осознанности. Куда входят дыхательно-мышечная релаксация, медитация и аутотренинг. Проводятся как в индивидуальном, так и в групповом формате.

2. Арт-терапия А. Хилл и использование данных техник, направленных на работу с негативными переживаниями, работа с образом боли, страха и т.д.

3. Рационально-эмотивная психотерапия А. Эллиса.

4. Краткосрочная стратегическая терапия Дж. Нардонэ.

На основе рассмотренного теоретического обзора литературы было принято решение о проведении медико-психологического исследования пациентов с ОА, поступающих на плановую операцию по эндопротезированию крупных суставов, где целью стало изучить психологические характеристики пациентов с ОА и показать процесс медико-психологической помощи на разных этапах лечения в периоперационном периоде.

Исследование проводилось в г. Чебоксары, на базе ФГБУ «ФЦТОЭ». В качестве респондентов выступили пациенты, поступающие на эндопротезирование крупных суставов, которые имели диагноз ОА 3-4 стадии. Выборка составила 71 человек, которые были отобраны на основании повышенных показателей «Госпитальной шкалы тревоги и депрессии», которую они заполняли на этапе госпитализации в приемном отделении. Респонденты были обоих полов (57 женщин и 14 мужчин), где возраст составил $61,04 \pm 12$. Исследование проводилось с письменного согласия пациентов на принятия участия в анкетировании и тестировании.

Были использованы: анкетирование, госпитальная шкала тревоги и депрессии [12], симптоматический опросник SCL-90-R [13] тест жизнестойкости [14]; диагностика типов отношения к болезни [15]; исследование копинг-стратегий [16].

С пациентами было проведено анкетирование, на выявление параметров их социальной жизни, трудовой деятельности, а также на наличие сопутствующих заболеваний и пройденных ранее операций.

Анкетные данные показали, что:

- 1) 70,5% человек проживают в городе, 29,5% проживают в сельской местности;
- 2) 95,7% оценивают жилищно-материальные условия как удовлетворительные, 4,3% считают их недостаточно удовлетворительными;
- 3) 63,3% проживают совместно с кем-то (жена/муж, дети), 36,7% живут одни;
- 4) 29,6% не состоят в браке, 16,9% являются вдовой/вдовцом, 53,5% состоят в браке;
- 5) 8,5% продолжают трудовую деятельность, 16,9% временно не работают, 19,7% находятся на инвалидности, 54,9% находятся на пенсии;
- 6) 11,3% не имеют сопутствующих заболеваний, 88,7% имеет одно или несколько сопутствующих заболеваний;
- 7) 32,4% пациентов с ОА страдают заболеванием от 1 до 4 лет, 40,9% от 5 до 9 лет, 26,7% от 10 до 18 лет;
- 8) 43,6% пациентов с ОА готовятся к операции по эндопротезированию коленного сустава, 1,4% плечевого сустава, и 55% тазобедренного сустава;
- 9) 14% пациентов ранее не проходили оперативного лечения, у 45% было одно оперативное вмешательство (ОВ), у 21,1% было два ОВ, у 14% три ОВ, у 5,9% четыре ОВ.

1. По итогам проведенной «госпитальной шкалы тревоги и депрессии», результат по шкале тревоги составил $9,96 \pm 2,98$, и депрессии $8,49 \pm 4,11$.

После в палате травматолого-ортопедического отделения была проведена беседа с пациентами, где были выявлены признаки тревоги, которые выражались в беспокойных мыслях о себе, о своем здоровье, о тяжести заболевания и страхе за неудачный исход оперативного лечения, а также в напряжении и дрожи в теле. Наблюдались признаки депрессии, которые выражались в сниженном фоне настроения более 2-х недель, подавленности, пессимистичности в высказываниях, апатичности, потери интереса к ранее интересующим вещам и т.д.

Были намечены мишени работы и проведены дополнительные психодиагностические методики.

2. Результаты проведенного «симптоматического опросника» SCL-90-R, показали выраженность по шкалам: «соматизация» ($1,05 \pm 0,72$), «депрессия»

(1,02±0,61), «тревожность» (0,97±0,66), межличностная сензитивность (0,91±0,76), фобическая тревожность (0,44±0,40).

3. Результаты проведенной «Методики диагностики жизнестойкости» показывают уровень жизнестойкости 21,51±8,26. Лишь 7,86±3,89 рассматривают жизнь как способ приобретения опыта. 7,14±2,93 испытуемых считают, что в силах влиять на свою жизнь и сход тех или иных событий. Лишь у 6,77±3,32 пациентов существует убежденность, что все то, что с ними случается, способствует личностному развитию. Выраженность этих компонентов и жизнестойкости в целом должна препятствовать возникновению внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях за счет стойкого совладания со стрессами и восприятия их как менее значимых. В данном же случае, наблюдаются низкие показатели, что в противоположность этому, способствует повышению напряженности в стрессовых ситуациях, низкому совладанию со стрессами и восприятие их как угрожающие и глобальные.

4. Чтобы проанализировать модель реагирования пациентов на стрессовую ситуацию, доставляющую дискомфорт и поиск дополнительных ресурсов для устранения проблемы была проведена методика исследование копинг-стратегий Э. Хайма. Результаты показали, что адаптивные копинг-стратегии используют лишь: 35,22% в когнитивной сфере, 32,39% в эмоциональной сфере, 21,14% в поведенческой сфере. У остальных респондентов в данных сферах преобладают относительно продуктивные и непродуктивные копинг-стратегии.

5. С целью изучения типа отношения к болезни, была проведена методика «диагностика типов отношения к болезни (ТОБОЛ)», где наиболее ярко выраженными типами являются: гармоничный (29,57%), тревожный (22,53%), сенситивный (12,67%) и ипохондрический (9,85%).

Следующим этапом было применение психокоррекционных мероприятий, направленных на снижение тревожных симптомов, работу с негативными мыслями и иррациональными убеждениями относительно себя, своего здоровья, болезни и выздоровления. Было проведено 4 индивидуальных занятия в палате пациентов и 1 занятие онлайн с применением телемедицинских технологий.

Все эти методы психокоррекции и самопомощи выдавались пациентам как рекомендации к поддержанию эффекта терапии и работе над собой. Через месяц после госпитализации была проведена беседа с пациентами с помощью телемедицинских технологий, а также проведено повторное психодиагностическое обследование.

По итогам контрольного обследования наблюдалось снижение симптомов тревоги (6,35±7,22) и депрессии (5,76±2,98). Отмечалась положительная динамика уровня жизнестойкости и ее параметров, где уровень жизнестойкости составил 22,87±6,88; вовлеченность 8,59±3,17; контроль 7,69±2,57; принятие риска 7,63±2,99. Можно судить, что те показатели, которые способствовали увеличению стресса и напряжения снизились, повысив большую психическую устойчивость. Результаты показали, что адаптивные копинг-стратегии стали использовать: 40,84% в когнитивной сфере, 45,07% в эмоциональной сфере, 49,29% в поведенческой сфере.

Таким образом, можно сделать вывод, что пациенты с ОА, поступающие на эндопротезирование крупных суставов подвержены проявлению тревожных и депрессивных симптомов, склонны использовать неадаптивные копинг-стратегии, имеют низкий уровень жизнестойкости. Тип отношения к болезни в большинстве случаев остается гармоничным, тем ни менее процент тревожного, ипохондрического и сенситивного типа реагирования так же есть. Это все несет негативное воздействие на психоэмоциональное состояние пациента и процесс его лечения и реабилитации.

Медико-психологическая помощь позволяет выстроить более успешную адаптивную модель поведения, на разных этапах лечения, влияет на внутреннюю картину болезни и способствует снижению негативных проявлений психоэмоционального состояния. Данное исследование показывает действенные техники способные помочь пациенту справляться со своими психологическими

реакциями, неадаптивным поведением и убеждениями, приводя к улучшению психоэмоционального состояния и в целом повышению его качества жизни.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Vina E.R., Kwoh C.K. Epidemiology of osteoarthritis: literature update. *Curr Opin Rheumatol.* 2018;30(2):160-167. DOI:10.1097/BOR.0000000000000479.
2. Алексеева Л.И., Зайцева Е.М. Перспективные направления терапии остеоартроза // Научно-практическая ревматология.- 2014. - N 3. - С. 247-250.
3. Hughes S. The effects of giving patients pre-operative information, *Nurs. Stand.*, 2002 Mar 27-Apr 2; 16(28): 33-7.
4. Ташлыков, В. А. Психологическая защита у больных невротами и психосоматическими расстройствами: пособие для врачей / В. А. Ташлыков. СПб., 1992, С. 167-168.
5. Кабанов, М. М. Методы психологической диагностики и коррекции в клинике / М. М. Кабанов, А. Е. Лично, В. М. Смирнов. - М.: Медицина, 1983. -312 с.16.
6. Маньков Ю. У Экспериментальная оценка адаптивных реакций человека в предоперационном периоде // Физиология человека. - 1989. - № 3. -С. 51-157.
7. Карвасарский Б.Д., Клиническая психология, Питер, 2004.
8. Рассказова, Е. И. Биопсихосоциальный подход к пониманию здоровья и болезни / Е. И. Рассказова, А. Ш. Тхостов / Обзорение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. - 2015. - №. 2. - С. 17-21.
9. Sugai D.Y., Deptula P.L., Parsa A.A., Don Parsa F., The importance of communication in the management of postoperative pain., *Hawaii J Med Public Health.* 2013 Jun; 72(6):180-4.
10. Бек Д.С. Когнитивная терапия: полное руководство: Пер. с англ. / Д. С. Бек - М.: ООО «И.Д. Вильямс», 2006.- 400 с.
11. Мэннинг, Дж., Риджуэй, Н.М. Практика когнитивно-поведенческой терапии. Рабочие листы и раздаточные материалы./Джеймс Мэннинг, Никола Риджуэй; пер. с англ. В.А. Голингера - Киев.: “Диалектика”, 2020. - 178 с.:ил. - Парал. тит. англ. ISBN 978-617-7874-21-7 (укр.) ISBN 978-1-800274-57-0 (англ.).
12. Sharma R., Singh H., Murti M., Chatterjee K., Rakkar J.S. Depression and anxiety in parents of children and adolescents with intellectual disability // *Ind. Psychiatry J.* 2021. Vol.30, N 2. P. 291-298.
13. Derogatis L.R., Savitz K.L. The SCL-90-R and the Brief Symptom Inventory (BSI) in Primary Care / *Handbook of psychological assessment in primary care settings / edit. by M.E. Maruish.* - Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 2000. - P. 297-334.
14. Леонтьев, Д.А. Жизнестойкость и ее диагностика / Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. - М.: Смысл, 2019. - 159 с.
15. Вассерман Л. И., Иовлев Б.В., Карпова Э.Б., Вукс А.Я. Психологическая диагностика отношения к болезни: Пособие для врачей. - СПб.: СПб НИПНИ им. В.М. Бехтерева, 2005. - 32 с.
16. Набиуллина Р.Р, Тухтарова И. В. Механизмы психологической защиты и совладания со стрессом (определение, структура, функции, виды, психотерапевтическая коррекция). Учебное пособие Казань, 2003.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОДИАГНОСТИКА ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

УДК 159.9.072

DOI 10.58551/24136522_2024_11_1_49

СУБЪЕКТИВНАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ КОНТРОЛЯ КАК ПРЕДИКТОР ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ СТУДЕНТОВ

Кондрашихина Оксана Александровна

Кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры «Психология»

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»,

г. Севастополь

E-mail: okskon66@mail.ru

SPIN-код 4348-5460

Медведева Снежанна Анатольевна

Кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры «Психология»

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»,

г. Севастополь

E-mail: snezhanna_med@mail.ru

SPIN-код 4571-0762

Проблема соотношения локализации локус контроля и психоэмоциональных состояний редко освещается в современной психологической литературе. В нашем исследовании традиционный подход о выделении двух типов интернальности: внешний (экстернальный) и внутренний (интернальный) был дополнен выделением как особого вида амбинального локус контроля, включающего в себя средние показатели по методике УСК. Распределение результатов выраженности типа локус контроля в выборке студентов 1-2 курса: амбинальный тип встречается чаще, далее по распространенности – выраженный экстернальный и на последнем месте – выраженный интернальный тип локус контроля. Установлено наличие значимых корреляционных связей между общим уровнем интернальности, интернальности в области достижений, неудач, профессиональной деятельности и здоровья (с одной стороны) и показателями активности, самочувствия и настроения. Интернальность в области семейных отношений имеет положительную корреляцию с активностью и настроением.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что субъективная локализация контроля может являться предиктором психоэмоциональных состояний студентов.

Ключевые слова: локус контроля, интернальность, студент, психоэмоциональные состояния, самочувствие, активность, настроение, личность.

OF PSYCHOEMOTIONAL STATES OF STUDENTS

Kondrashikhina Oksana Aleksandrovna

Associate Professor of the Department of Psychology,
Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Sevastopol State University», Sevastopol

E-mail: okskon66@mail.ru

SPIN-код 4348-5460

Medvedeva Snezhanna Anatolievna

Associate Professor of the Department of Psychology,
Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Sevastopol State University», Sevastopol

E-mail: snezhanna_med@mail.ru

SPIN-код 4571-0762

The problem of the relationship between the localization of locus of control and psycho-emotional states is rarely covered in modern psychological literature. In our study, the traditional approach to identifying two types of internality: external (external) and internal (internal) was supplemented by identifying as a special type of ambinal locus of control, which includes average indicators according to the USC method. Distribution of the results of the severity of the type of locus of control in the sample of 1st-2nd year students: the ambinal type is more common, then in terms of prevalence is the pronounced external type, and in last place is the pronounced internal type of locus of control. The presence of pronounced correlations has been established between the general level of internality, internality in the field of achievements, failures, professional activity and health (on the one hand) and indicators of activity, well-being and mood. Internality in the field of family relationships has a positive correlation with activity and mood.

The results obtained allow us to conclude that subjective localization of control can be a predictor of students' psycho-emotional states.

Keywords: locus of control, internality, student, psycho-emotional states, well-being, activity, mood, personality.

Эмоциональные состояния студентов неоднократно становились предметом научных исследований. Так, изучены эмоциональные состояния студентов в период сессии (В.И.Долгова [1]), в рамках дистанционного обучения (Л. А. Григорович, С. С. Григорович, Е. Б. Качалина [2]), проанализировано влияние пандемии и самоизоляции на эмоциональные состояния студентов (Ю. Н. Гут, Н. С. Ткаченко, Н. Н. Доронина [3]), при построении профессиональной карьеры (С.А. Медведева, О.А. Кондрашихина [4]), описано влияние на психоэмоциональное состояние методов саморегуляции, на, Л.Ф.Исмагилова [5], Г.С. Ежова [6]). Рассмотрена роль эмоциональных состояний студентов в контексте их академической успеваемости (Ю.Е. Шадрина, И.В. Радыш [7]). Причем выше представлены лишь единичные примеры многочисленных исследований по выявленным аспектам проблемы эмоциональных состояния студентов.

Локус контроля в современных исследованиях рассматривается как многомерная характеристика, отражающая степень готовности индивида брать на себя ответственность за происходящее с ним в разных жизненных сферах. Как указывает А.А. Реан субъективная направленность контроля является интегральной характеристикой личности, которая может быть отнесена к одной из самых важных,

характеризующей взаимосвязь отношения к себе и к окружающему миру. Это личностный паттерн, сложно-системная комбинация личности [8]. Анализ многих современных публикаций показывает, что интернальность является существенным фактором успешности личности [9], то есть между локусом контроля и человеческим (личностным) капиталом существует тесная взаимосвязь [10].

Однако соотношение ориентации личности на активную или пассивную жизненную позицию (отношение к окружающему миру как активному началу при пассивном следовании жизненным обстоятельствам, или же стремление принять инициативу и ответственность за значимые события жизни на себя) в плане их адаптационного потенциала несколько более сложное в условиях нестабильной и социально напряженной ситуации, в которой находимся мы в последнее время. Данные исследований А.А. Реана [8], О.В. Суртаевой, М.Б.Максимова [9] показывают, что внешний и внутренний локус контроля должны быть сбалансированы. Другими словами, в обыденных жизненных ситуациях ответственность личности в плане ее влияния на ситуацию должна распределяться пропорционально и адекватно ее возможностям влияния на ситуацию без формирования гипертрофированного чувства вины [8].

Особенности взаимосвязи субъективного контроля, адаптивности [11] и чувствительности к стрессу [12] у студентов вуза являются значимой проблемой психологического сопровождения профессиональной подготовки студентов [13]. Однако на настоящий момент существует определенный дефицит исследований, направленных на оценку роли локуса контроля в специфике психоэмоционального состояния студентов *в условиях нестабильной, чреватой определенными рисками ситуации.*

Цель: определить соотношение психоэмоциональных состояний студентов с различной локализацией контроля. Выборку эмпирического исследования составили студенты, обучающиеся на 1– 2 курсах ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», всего 258 человек, из них 128 девушек, 130 юношей, обучающихся по техническим и гуманитарным специальностям в ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет». Использовались методики: «Самочувствие. Активность. Настроение» (В.А. Доскин и др.) и «Уровень субъективного контроля» Дж. Роттера в адаптации Е.Ф. Бажина, Е. А. Голынкиной, Л. М. Эткинда.

Результаты исследования. При диагностике локуса контроля прежде всего анализировались интегральные показатели интернальности личности студентов. Согласно алгоритму анализа первичных данных по опроснику УСК, результаты преобразовываются в стандартную систему единиц – стенов. Отклонение вправо (> 5,5 стенов) свидетельствует об интернальном типе контроля в соответствующих ситуациях. Отклонение влево от нормы (< 5,5 стенов) свидетельствует об экстернальном типе.

В основном, в обследованной выборке выявлен экстернальный тип локуса контроля. При дифференциации данного типа в случае, если обследуемым набрано от 5,5 стенов и выше, выраженность интернального типа составила:

- по общей шкале – 31%;
- интернальность в области достижений 36,0%;
- в области неудач – 22,9%, в области семейных отношений – 24,0%;
- производственных отношений – 8,9%;
- межличностных отношений – 27,5%;
- в отношении здоровья и болезни – 17,1%.

То есть доля выраженного интернального локуса контроля, как интегрального, так и по компонентам, весьма невысока.

Помимо традиционного анализа в рамках данного исследования была изучена выраженность амбинального локуса контроля. Иными словами, стенов от 1 до 3 были отнесены к выражено экстернальному типу локализации контроля, от 8 до 10 – к выраженно интернальному, а от 4 до 7 – к амбинальному типу.

В соответствии с задачами исследования, была определена доля амбинального, выраженного интернального и экстернального локусов контроля. Большой части студентов (64,0%) более или менее свойственна вариабельность особенностей поведения в зависимости от конкретных ситуаций, они характеризуются амбинальным локусом контроля.

Характеристики уровня субъективного контроля могут изменяться у одного и того же человека в зависимости от того, представляется ему ситуация сложной или простой, приятной или неприятной, выгодной или невыгодной (см. таблица 1).

Четверть опрошенных студентов (25,5%) имеют выраженный экстернальный тип локус контроля, т.е. у них выражена ориентация на пассивную жизненную позицию: отношение к окружающему миру как активному началу при пассивном следовании жизненным обстоятельствам. И лишь незначительная часть студентов (10,5%) ориентируются на позицию с выраженным стремлением принять инициативу и ответственность за значимые события жизни на себя.

Таблица 1

Распределение студентов по выраженности локус контроля в разных сферах жизнедеятельности (в%)

Тип локус контроля	Шкалы опросника (сферы жизнедеятельности)						
	Ид	Ин	Ис	Ипр	Им	Из	Ио
Экстернальный, выраженный	41,9	47,7	10,1	39,9	11,2	21,4	10,5
Амбинальный	43,4	44,2	69,9	53,5	69,4	67,4	64,0
Интернальный, выраженный	14,7	8,1	20,0	6,6	19,4	11,2	25,5

Источник: Составлено авторами на основании проведенного исследования.

Примечание.

Названия шкал:

Ид - интернальность в области достижений,

Ин - в области неудач,

Ис - семейных отношений,

Ипр - производственных отношений,

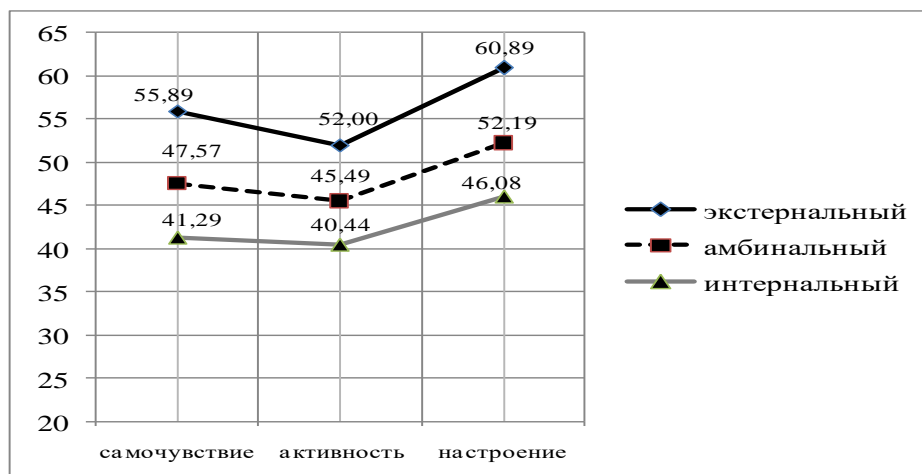
Им - межличностных отношений,

Из - в отношении здоровья, и болезни, Ио - общая интернальность

Результаты диагностики по опроснику САН, усредненные по выборке, свидетельствуют о том, что среднегрупповые показатели активности ($44,604 \pm 10,835$ баллов) и самочувствия ($46,510 \pm 10,581$) находятся у обследованных студентов в области средних значений. Выше всего показатели по настроению ($51,114 \pm 11,011$) – они расположены в области высоких значений.

Авторами опросника подчеркивается, что у отдохнувшего человека оценки активности, настроения и самочувствия обычно примерно равны. Учитывая соотношение по шкалам опросника, можно предположить, что у обследованных студентов имеется нарастание усталости: об этом говорит соотношение между шкалами, которое изменяется за счет относительного снижения самочувствия и активности по сравнению с настроением.

Сравнение высоких, средних и низких уровней характеристик психоэмоционального состояния студентов с различным типом локализации контроля показало повторение тенденций, выявленных на всей выборке. Выше всего у обследованных студентов показатели по настроению (см. рисунок 1), причем это касается студентов со всеми типами локуса контроля.

Источник: Составлено авторами на основании проведенного исследования
Рисунок 1 – Среднегрупповые значения показателей психоэмоционального состояния студентов с различной локализацией контроля

Поскольку анализ среднегрупповых показателей не всегда бывает информативным, он был дополнен расчетами уровней психоэмоционального состояния в подгруппах студентов. Результаты приведены в таблице 2.

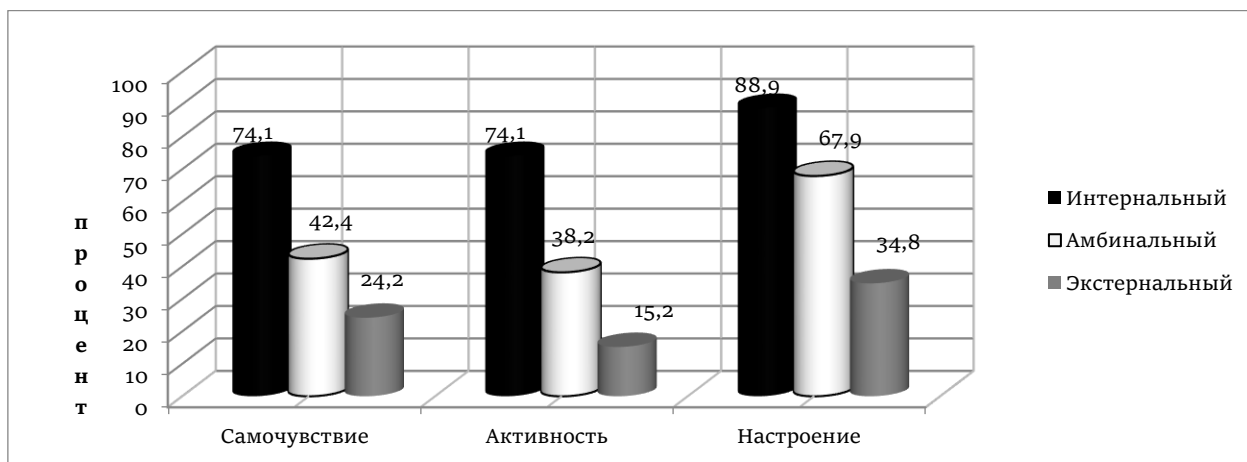
Таблица 2

Процентное распределение уровней самочувствия, активности, настроения по подгруппам студентов с различной локализацией контроля

Локус	Самочувствие			Активность			Настроение		
	В	С	Н	В	С	Н	В	С	Н
Интернальный	74,1	22,2	3,7	74,1	22,2	3,7	88,9	7,4	3,7
Амбинальный	42,4	53,9	3,6	38,2	57,0	4,9	67,9	27,9	3,7
Экстернальный	24,2	66,7	9,1	15,2	78,8	6,0	34,8	62,1	3,1

Источник: Составлено авторами на основании проведенного исследования
 Примечание: В-высокий, С-средний, Н-низкий

Обращает на себя внимание, что доля высоких уровней самочувствия, активности и настроения более выражена у интернальных студентов, по сравнению со студентами других подгрупп (см. рисунок 2).

Источник: Составлено авторами на основании проведенного исследования

Рисунок 2 – Выраженность высоких показателей самочувствия, активности и настроения в подгруппах студентов с различным типом локуса контроля

Применение многофункционального критерия Фишера показало наличие статистически значимых различий между группами студентов с разным локусом контроля по показателям САН (см. таблицу 3).

Таблица 3

Значения критерия Фишера при попарном сравнении показателей студентов с интернальным, амбинальным и экстернальным локусом контроля

Локусы	Самочувствие			Активность			Настроение		
	В	С	Н	В	С	Н	В	С	Н
И – А	3,161**	2,799**	0,024	3,56**	3,516**	0,263	2,529**	2,707**	0,024
И – Э	4,794**	4,890**	0,989	5,572**	5,270**	0,490	5,253**	5,533**	0,022
Э – А	2,671**	1,799*	1,586	3,653**	3,255**	0,391	4,635**	4,820**	0,288

Источник: Составлено авторами на основании проведенного исследования

Примечание: * - $p \leq 0,05$, ** - $p \leq 0,01$, И-интернальный, Э-экстернальный, А-амбинальный, В-высокий, С-средний, Н-низкий

По таблице 3 видно, что различия по высокому уровню самочувствия, активности и настроения между студентами групп с различной локализацией контроля являются статистически значимыми.

Выше всего показатели у интернальных студентов (статистически значимые различия по сравнению со студентами с экстернальным и амбинальным локусом, $p \leq 0,01$), далее следуют студенты с амбинальным локусом контроля, затем – с экстернальным. А доля показателей на уровне средних значений выше у экстернальных студентов по сравнению со студентами с интернальным и сбалансированным типом локализации контроля.

Таким образом, внутренний локус контроля соотносится с более высокими показателями психоэмоционального состояния студентов. Аналогичные данные можно встретить у Т.В. Рейхтман, Л.В. Мошковой [10], И.Р. Надыргулова [13], Г.С.Ежовой [6] и других авторов, которые на разных выборках показали взаимосвязь интернального локуса контроля и позитивных эмоциональных состояний и эмоциональной устойчивости, а также локуса контроля и адаптации и жизнестойкости личности.

Необходимо добавить, что принято считать интернальность личности показателем ее социально-психологической зрелости и фактором просоциального поведения, тогда как экстернальность связана с недостаточной социальной зрелостью и может носить защитный характер [14]. А.А. Реан для сохранения уверенности в себе, активной позиции и контроля за событиями своей жизни без приобретения гипертрофированного чувства вины предлагает различать ответственность за причины неудач и ответственность за преодоление неудач [8].

Корреляционный анализ подтвердил полученные ранее тенденции (см. таблицу 4). Выраженные корреляционные связи выявлены между общим уровнем интернальности, интернальности в области достижений, неудач, профессиональной деятельности и здоровья (с одной стороны) и показателями активности, самочувствия и настроения. Интернальность в области семейных отношений имеет положительную корреляцию с активностью и настроением. Не выявлены корреляционные связи только между показателями межличностных отношений и данными САН. Вероятно, влияние внутренней локализации контроля в межличностных отношениях на психоэмоциональные показатели несколько сложнее и требует дополнительного исследования.

Таблица 4

Значения критерия корреляции Пирсона для анализа взаимосвязи между уровнем интернальности и показателями опросника САН

Шкалы интернальности	Шкалы САН		
	Самочувствие	Активность	Настроение
Ио	0,456***	0,455***	0,401***

Ид	0,434***	0,353***	0,383***
Ин	0,301***	0,283***	0,236***
Ип	0,226***	0,285***	0,197**
Ис	0,111	0,121*	0,260***
Им	0,010	0,016	0,080
Из	0,131*	0,421***	0,440***

Источник: Составлено авторами на основании проведенного исследования

Примечание: критические значения для $p=258$ - $r_{0,05}= 0,12$; $r_{0,01}= 0,16$; $r_{0,001}= 0,21$

Выводы. Анализ полученных результатов проведенного исследования позволяет сформулировать следующие выводы:

Локус контроля является важной интегральной характеристикой личности, показателем взаимосвязи отношения к себе и отношения к окружающему миру. Преобладание амбинального типа локус контроля в студенческой выборке характеризует достаточную сбалансированность ответственности студентов за происходящие события в жизни каждого.

Установлена тесная связь показателей психоэмоционального состояния с интернальностью: внутренний локус контроля соотносится с более высокими показателями психоэмоционального состояния студентов (активность, самочувствие, настроение), т.е. субъективная локализация контроля может являться предиктором психоэмоциональных состояний студентов.

Полученные результаты позволяют прогнозировать, что в современных непростых условиях жизнедеятельности студенты с преобладанием интернального локус контроля (субъекты жизни) способны поддерживать более высокий психоэмоциональный настрой, что, несомненно, положительно влияет на качество жизни.

Для оптимального развития личности студента как субъекта своей жизни следует включать блок занятий по формированию активной жизненной позиции в комплекс мероприятий, способствующих построению профессиональной траектории развития их личности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Долгова В. И. Исследование самооценок эмоциональных состояний студентов с различным уровнем эмоционального интеллекта в период экзаменационной сессии / В. И. Долгова // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. – 2017. – № 3(30). – С. 54-59. – DOI 10.18323/2221-5662-2017-3-54-59. – EDN ZHQYMP.
2. Григорович Л. А., С. С. Григорович, Е. Б. Качалина Особенности эмоциональных состояний студентов колледжа в условиях дистанционного обучения / Л. А. Григорович, С. С. Григорович, Е. Б. Качалина // Новое в психолого-педагогических исследованиях. – 2020. – № 4(60). – С. 49-58. – DOI 10.51944/2072-2516_2020_4_49. – EDN JAZKQI.
3. Динамика влияния самоизоляции на эмоциональное состояние студентов и преподавателей вуза / Ю. Н. Гут, Н. С. Ткаченко, Н. Н. Доронина [и др.] // Перспективы науки и образования. – 2021. – № 2(50). – С. 340-352. – DOI 10.32744/pse.2021.2.23. – EDN PWGBJV.
4. Медведева С. А. Планирование профессиональной карьеры студентами-психологами / С. А. Медведева, О. А. Кондрашихина // Мир педагогики и психологии. – 2021. – № 12(65). – С. 199-207. – EDN CJEIQU. Медведева, С. А. Планирование профессиональной карьеры студентами-психологами / С. А. Медведева, О. А. Кондрашихина // Мир педагогики и психологии. – 2021. – № 12(65). – С. 199-207. – EDN CJEIQU.

5. Исмагилова Л.Ф. Исследование эмоционального состояния студентов, в зависимости от выполняемых физических нагрузок / Л. Ф. Исмагилова // Наука и практика регионов. – 2021. – № 1(22). – С. 56-59.
6. Ежова Г. С. Оценка психоэмоционального состояния студентов специализации общая физическая подготовка / Г. С. Ежова // Актуальные проблемы педагогики и психологии. – 2021. – Т. 2, № 11. – С. 29-33.
7. Шадрина Ю. Е. Эмоциональный интеллект и особенности психологического состояния как факторы академической успеваемости студентов / Ю. Е. Шадрина, И. В. Радыш // Высшее образование сегодня. – 2020. – № 12. – С. 52-57. – DOI 10.25586/RNU.NET.20.12.P.52. – EDN PREZZH.
8. Реан А.А. Проблемы и перспективы развития концепции локуса контроля / А.А. Реан // Психологический журнал. – 1998. – Том 19. – №4. – С. 3-13.
9. Surtaeva O. V. Locus of control as a component of the human capital of the Altai Krai population / O. V. Surtaeva, M. B. Maximov // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. – 2022. – Vol. 1, No. 11. – P. 275-283. – EDN GNKFVX.
10. Рейхтман Т.В. Изучение влияния локус контроля на эмоциональном состоянии производителей аптечных организаций / Т.В.Рейхтман, Л.В.Мошкова // Актуальные проблемы медицины. – 29 (4 (201)). – С. 131-135.
11. Самоотношение и атрибутивные схемы локус-контроля как составляющие личностного потенциала / Е. Л. Бокуть, О. Н. Комарова, А. Л. Рассказова, О. В. Решетникова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. – 2020. – № 4(53). – С. 6-16. – DOI 10.26456/vtspyped/2020.4.006. – EDN FFHIZD.
12. Надыргулов И. Р. Особенности взаимосвязи субъективного контроля, адаптивности и чувствительности к стрессу у студентов вуза / И. Р. Надыргулов // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. – 2020. – № 2. – С. 66-72. – EDN FCHQVI.
13. Надыргулов И. Р. Взаимосвязь стрессоустойчивости и локуса контроля у студента / И. Р. Надыргулов // Проектирование и исследование в образовании: методы, результаты, внедрение в практику : Научное издание. Сборник научных статей. – Челябинск : Типография ООО "Печатный двор", 2020. – С. 146-152. – EDN XONGLN.
14. Семенова Л. Э. Гендерная специфика каузальной атрибуции чувства вины / Л. Э. Семенова, Е. А. Урусова, И. В. Родионова // Мир науки. – 2016. – Т. 4, № 5. – С. 25. – EDN ZIPLKZ.

УДК 37.015.3

DOI 10.58551/24136522_2024_11_1_57

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОДУКТИВНЫХ И РЕПРОДУКТИВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ МЫШЛЕНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Лукьянова Ирина Николаевна

Аспирант Института педагогики и психологии образования,
Московский городской педагогический университет, Москва, Россия учитель
начальных классов, Муниципальное общеобразовательное учреждение
Домодедовская средняя общеобразовательная школа №1, Домодедово
E-mail: ira.luk.2012@mail.ru

Степанов Сергей Юрьевич

Доктор психологических наук, профессор департамента психологи,
заслуженный работник образования Республики Карелия, действительный член
Национальной академии социальных технологий, рыцарь Гуманной педагогики,
профессор департамента психологии Института педагогики и психологии
образования
Московский городской педагогический университет, Москва
E-mail: parusnik1@ya.ru

В статье рассматривается вопрос целесообразности специальной работы учителя по развитию как репродуктивного, так и творческого мышления обучающегося. На основе экспериментального исследования продемонстрирована возможность взаимообусловленного развития параметров репродуктивности и продуктивности мышления младших школьников: первоклассников и четвероклассников. Исследование проводилось на базе общеобразовательной школы, выборку составили 56 первоклассников и 64 четвероклассника. В рамках эксперимента были разработаны предметно-творческие задачи, которые составили авторскую программу для каждой экспериментальной группы. Данные задачи включались систематически в образовательный процесс детей экспериментальных групп. В контрольных группах учебный процесс осуществлялся без использования таких предметно-творческих задач. Полученные результаты демонстрируют выраженную положительную динамику параметров продуктивного и репродуктивного мышления у детей в экспериментальных группах в сравнении с контрольными группами в своей возрастной категории.

Ключевые слова: взаимообусловленность, продуктивное мышление, репродуктивное мышление, первоклассники, четвероклассники, рефлексия, предметно-творческие задачи.

EXPERIMENTAL STUDY OF PRODUCTIVE AND REPRODUCTIVE INDICATORS OF THINKING IN JUNIOR SCHOOL CHILDREN

Lukyanova Irina Nikolaevna

PhD student, primary school teacher,
Institute of Pedagogy and Educational Psychology, Moscow City University, Moscow,
Municipal educational institution Domodedovo secondary school №1, Domodedovo
E-mail: ira.luk.2012@mail.ru

Stepanov Sergey Yuryevich

Doctor of Psychology, Professor of the Department of Psychology, Honored Worker of Education of the Republic of Karelia, Full Member of the National Academy of Social Technologies, Knight of Humane Pedagogy, Institute of Pedagogy and Educational Psychology
E-mail: parusnik1@ya.ru

The article considers the expediency of a teacher's special work on the development of both reproductive and creative thinking of the student. On the basis of an experimental study, the possibility of mutually dependent development of the parameters of reproduction and productivity of thinking of younger schoolchildren: first-graders and fourth-graders is demonstrated. The study was conducted on the basis of a comprehensive school, the sample consisted of 56 first-graders and 64 fourth-graders. As part of the experiment, subject-specific creative tasks were developed, which formed the author's program for each experimental group. These tasks were systematically included in the educational process of children in experimental groups. In the control groups, the educational process was carried out without the use of such subject-related creative tasks. The results obtained demonstrate a pronounced positive dynamic in the parameters of productive and reproductive thinking in children in experimental groups in comparison with control groups in their age category.

Keywords: *interdependence, productive thinking, reproductive thinking, first-graders, fourth-graders, reflection, subject-creative tasks.*

Современная образовательная деятельность осуществляется в условиях цифровизации всех сфер социальной, экономической, производственной, политической и, наконец, личностно-бытовой жизни человека, когда электронно-роботизированные системы, усиленные искусственным интеллектом, выдвигают на первый план проблему развития мыслительных и, в первую очередь, креативных ресурсов обучающихся причем нестандартными методами, поскольку использование привычных репродуктивных методов решения школьных проблем и задач становится бесперспективным, ведь правильное, но шаблонное решение заведомо оказывается принадлежностью цифровых систем и алгоритмов, а значит при разделении функций на рынке труда скорее всего будет выполняться не человеком, а интеллектуальной машиной. Именно поэтому современные стандарты предписывают образованию обеспечивать не только присвоение обучающимся предметных знаний, умений и навыков, но и к развитию метапредметных компетенций и, в первую очередь, творческого мышления. Таким образом подразумевается, что в учебной деятельности должна возобладать креативная стратегия, перейдя на смену репродуктивной, т.е. должны измениться не только смысл и суть ее содержания, но также процесс и методы образования [1]. Последние необходимо преобразовать в духе и методологии педагогики сотворчества.

Вместе с тем на практике данные изменения не всегда соответствуют запросу времени и новым образовательным целям, поскольку учебные задачи и задания в школьных учебника продолжают оставаться практически на 100% типовыми, когда все ответы лежат на поверхности (или в конце учебника или решебника) и поиск их решения не требует сложных мыслительных действий или выхода за пределы заданных условий. Типовые задачи могут быть пригодными в лучшем случае для формирования репродуктивного мышления, но не побуждают обучающихся творчески мыслить. Основное противоречие современных требований к образовательной деятельности и наличного способа ее осуществления заключается в том, что в последнем учебный процесс построена на формальном усвоении и воспроизведении знаний и умений, которые ограничены областью преподаваемого предмета, но не

обеспечивают адекватное действие человека в реальных жизненных ситуациях, которые, как правило, имеют полипредметный, слабоструктурированный, а порой и недоопределенный в своих условиях и требованиях характер содержания и предполагают множественность, а не единственность правильного разрешения, как это присуще монопредметной «школьной» задаче. Из данного противоречия возник замысел нашего исследования: обогащение учебного процесса сотворческими технологиями обучения и наполнение содержания более интеллектуальным и креативным контентом, направленным на развитие не только репродуктивного, но и прежде всего продуктивного мышления. Нельзя сказать, что попытки такого рода не делались ранее. Таковые можно найти и в проектном обучении (Дж. Дьюи, У.Х. Килпатрик), и в проблемном обучении (О. Зельц, М. Вертгаймер, К. Дункер, С.Л. Рубинштейн, А.М. Матюшкин, М.И. Махмутов, В. Оконь и др.), и в развивающем обучении (Л.С. Выготский, К.Д. Ушинский, П.Я. Гальперин, А.Н. Леонтьев, Л.В. Занков, Д.Б. Эльконин, В.В. Давыдов и др.), и в исследовательском обучении (А.И. Савенков, А.Н. Подъяков, А.С. Обухов и др.), и в эвристическом обучении (С.А. Смирнов, В.В. Морозов, М.М. Левина, А.В. Хуторской и др.), и в рефлексивном обучении (Г.П. Щедровицкой, Н.Г. Алексеев, И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов, В.К. Зарецкий, Ю.В. Громько и др.).

В связи с тем, что в психологии творческого мышления в последние десятилетия наиболее значимым его «механизмом» была признана рефлексия, именно последняя все больше приобретает популярность в образовательной практике.

Рефлексия выступает одним из важнейших принципов развертывания деятельности путем самоанализа, критического оценивания, творческого переосмысления и переработки стереотипов своего и чужого опыта [2, 7]. Данные отечественные разработки стали теоретико-экспериментальной и методологической основой для нашего психолого-педагогического исследования динамики развития как творческой, так и репродуктивной мыслительной деятельности при решении младшими школьниками предметно-творческих задач. Эти предметно-творческие задачи были целенаправленно разработаны нами для уроков по окружающему миру и математике. Особенность данных заданий заключалась во включении контента, стимулирующего не только развитие и актуализацию репродуктивных, но и креативных механизмов мыслительной деятельности учащихся, в отличие от традиционных заданий, применяемых в учебном процессе узконаправленно для проверки и закрепления усвоения знаний, умений, навыков, прописанных во ФГОСах [5]. С помощью предметно-творческих задач стало возможным не только изучение взаимообусловленности развития продуктивного и репродуктивного мышления, но стимулирование этого развития, что первоначально было подтверждено на учащихся четвертых классов, далее – первых классов [5].

Целью данной статьи является описание, анализ, обобщение и сопоставление результатов проводившегося в течение 2021-2022 и 2022-2023 учебных годов исследования развития основных параметров репродуктивного и продуктивного мышления первоклассников и четвероклассников на материале предметно-творческих задач с использованием при решении рефлексивных технологий [8].

Гипотеза исследования состояла в том, что включение в образовательный процесс младших школьников серий предметно-творческих задач с использованием рефлексивных механизмов на этапе критического оценивания собственных идей и мыслительных действий имеет взаимообусловленный характер и приведет к развитию как репродуктивного, так и продуктивного мышления обучающихся, а также способствует повышению их учебной успеваемости по предметам.

Этапы и методы исследования.

Исследование проводилось на базе одной из московских общеобразовательных школ и включало две ступени:

1 ступень: на протяжении 2021-2022 учебного года проводился эксперимент с обучающимися 4-го класса. В нем приняли участие 64 ученика из двух классов: по 32 ученика в каждой группе, экспериментальной и контрольной.

2 ступень: в течение 2022-2023 учебного года проводился эксперимент с первоклассниками. На данной ступени приняли участие 56 учеников из двух 1-ых классов. 27 учеников представляли контрольную группу и 29 – экспериментальную. Каждая ступень эксперимента включала: «входной», «развивающий» и «итоговой» этапы.

На «входном» этапе осуществлялось измерение начального уровня развития репродуктивного и творческого мышления у экспериментальной и контрольной групп на материале авторских предметно-творческих задач для каждой возрастной группы и модифицированных батарей тестов Дж. Гилфлорда и Е. Торренса, адаптированных Е.Е. Туник [9]. Полученные значения по 7 субтестам и результатам решения предметно-творческой задачи были оценены при помощи U-критерия Манна-Уитни. При статистической значимости 0,05 были получены несущественные отличия у контрольной и экспериментальной групп в обеих возрастных категориях. Данный результат послужил основанием для сравнения результатов этих групп на заключительном этапе исследования. Сравнение результатов, полученных у учеников 1-го и 4-го класса, имеет интерес с точки зрения динамики возрастных изменений характеристик продуктивного и репродуктивного мышления. Данный интерес встроен в замысел нашего исследования.

На протяжении учебного года длился «развивающий» этап. В образовательный процесс экспериментальной группы включались предметно-творческие задачи на регулярной основе (у учащихся 4-го класса на протяжении 2021-2022 учебного года, у обучающихся 1-го класса на протяжении 2022-2023 учебного года). Задачи для экспериментального исследования были подготовлены нами непосредственно для включения в эксперимент. Для каждой возрастной группы был составлен свой сборник задач и соответствующие рекомендации, которые составили учебно-методическое пособие [5]. Протокол проведения эксперимента осуществлялся по единым стандартам в каждой возрастной группе. Отличались задачи и форма презентации решения, т.к. это подразумевают возрастные особенности соответствующей категории учащихся (освоение навыка письма, чтения, счета и т.д.). Предметно-творческие задачи вводились в образовательный процесс только для экспериментальной группы. Учащиеся 4-го класса на протяжении учебного года прорешали 43, а учащиеся 1-го класса – 20 предметно-творческих задач. Структура данных задач предполагала описание жизненной ситуации в рамках предметной области: математики или окружающего мира. Для решения задачи в границах предметной области предполагался единый верный ответ, известный экспериментатору. Данный ответ оценивался по следующей балльной системе:

0 баллов, если ребенок не приступил к решению.

1 балл, если ребенок дал неверный ответ.

2 балла, если ребенок дал частично-верный ответ, предусмотренный в критериях учебно-методического пособия.

3 балла, если ребенок дал верный ответ.

На данном этапе решения предметно-творческой задачи учащийся осуществлял репродуктивно-мыслительные действия. Данный этап оценивался показателем репродуктивности (R). Далее ребенок переходил к этапу выхода из сложной проблемной ситуации, описанной в той же задаче, который подразумевал выдвижение нескольких идей и их критическое оценивание. «Жизненная ситуация» описывалась в рамках предмета математика или окружающий мир. Первая и вторая часть одной и той же предметно-творческой задачи взаимосвязаны. Выполнялись творческие мыслительные усилия по выдвижению идей и их критическому оцениванию, т.е. наряду с креативными действиями подразумевалось и самооценивание, и переосмысление собственной деятельности при выдвижении идей. Данный этап

оценивался показателями продуктивности: дивергентность (D), критичность (C), адекватность (A), оригинальность (O), общая продуктивность (TM) [6].

На «итоговом» этапе проводилось контрольное измерение параметров продуктивного и репродуктивного мышления, а также сопоставление результатов входного этапа с результатами итогового. Показатели продуктивности при решении предметно-творческой задачи соотносились с соответствующими параметрами творческого мышления (беглость, гибкость, оригинальность), измеряемыми с помощью тестов на вербальную и образную креативность Дж. Гилфлорда и Е. Торренса, адаптированных Е.Е. Туник.

Для установления уровня освоения предметов, вошедших в эксперимент, были сопоставлены экспериментальные данные с результатами, которые были получены при проведении внутришкольного контроля на конец года. Учитывались лишь результаты внутришкольного контроля по математике, т.к. для курса по окружающему миру для первого класса итоговый контроль не предусмотрен.

Результаты и их обсуждение

Полученные данные при сравнительном анализе показателей мышления первоклассников и четвероклассников на входном и итоговом этапе их измерения представим по нескольким направлениям. Отдельно рассмотрим результаты измерения вербальной и образной креативности у экспериментальной и у контрольной группы на входном и итоговом этапах (см. рисунок 1), сравним результаты всех групп по отдельным параметрам беглости, гибкости, оригинальности на базе модифицированных батарей тестов Дж. Гилфлорда и Е. Торренса (см. рисунок 2). По схожему принципу проанализируем результаты показателей решения предметно-творческой задачи (см. рисунки 3). Представим динамику решения предметно-творческих задач в течение учебного года экспериментальной группой 1-го класса (см. рисунок 4) и коэффициент ранговой корреляции Спирмена по отдельным показателям обучающихся 1-го класса экспериментальной группы (см. рисунок 5), т.к. схожий анализ группы 4-го класса был проанализирован ранее [4]. В завершении будет сделан обзор соотношения результатов контрольных и экспериментальных групп в плане их успеваемости по учебным дисциплинами, в рамках преподавания которых использовались предметно-творческие задачи (см. рисунки 6 и 7).

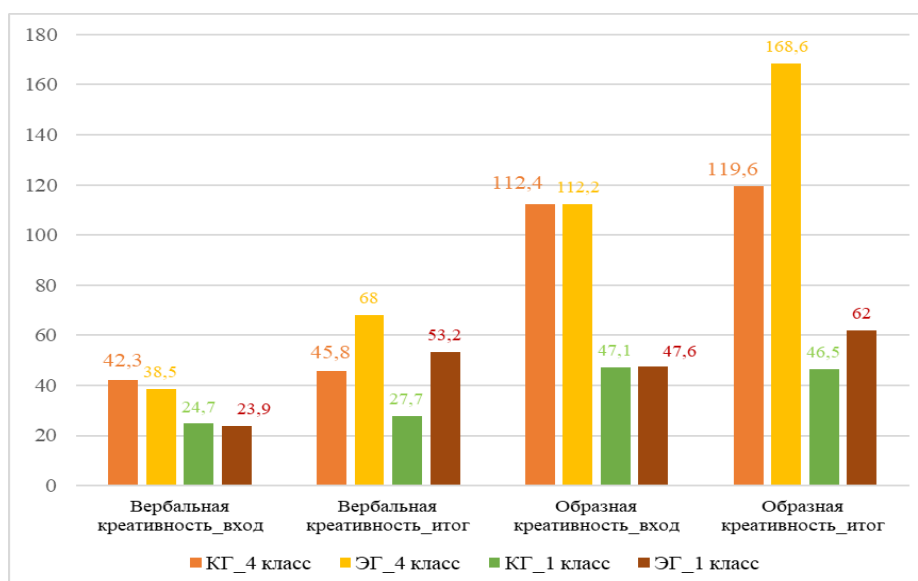

Рисунок 1 – Динамика данных контрольной (КГ) и экспериментальной группы (ЭГ) обучающихся 1-го и 4-го класса по модифицированным батареям тестов Дж. Гилфлорда и Е. Торренса, адаптированных Е.Е. Туник на входном и итоговом этапах в средних сырых баллах

Из приведенной выше диаграммы 1 видно, что в результате применения в образовательном процессе предметно-творческих задач в течение учебного года показатели вербальной креативности стали выше у экспериментальных групп, чем у контрольных: на 48% у 4-го класса (рост на 76,6%) и на 92% у 1-го класса (рост на 122,6%). Образная креативность тоже демонстрирует рост показателей: у экспериментальной группы 4-го класса выше, чем у контрольной на 41% (рост на 50,3%). У экспериментальной группы 1-го класса выше, чем у контрольной на 33,3% (рост на 30,3%). Необходимо отметить значительный рост вербальной креативности у обеих экспериментальных групп, особенно у обучающихся 1-ых класса. Контрольные группы демонстрируют незначительный рост, а контрольная группа 1-го класса показала даже снижение образной креативности на 1,3% (см. рисунок 1). Полученные данные наглядно демонстрируют различие данных 1-го и 4-го класса на обоих этапах исследования. На входном и итоговом этапах показатели 4-го класса выше, чем показатели 1-го класса, однако показатель вербальной креативности экспериментального 1-го класса выше, чем показатель контрольного 4-го класса на итоговом этапе на 16%.

Интересные нюансы выявились при анализе полученных значений креативности по отдельным параметрам субтестов: беглости, гибкости, оригинальности (см. рисунок 2).

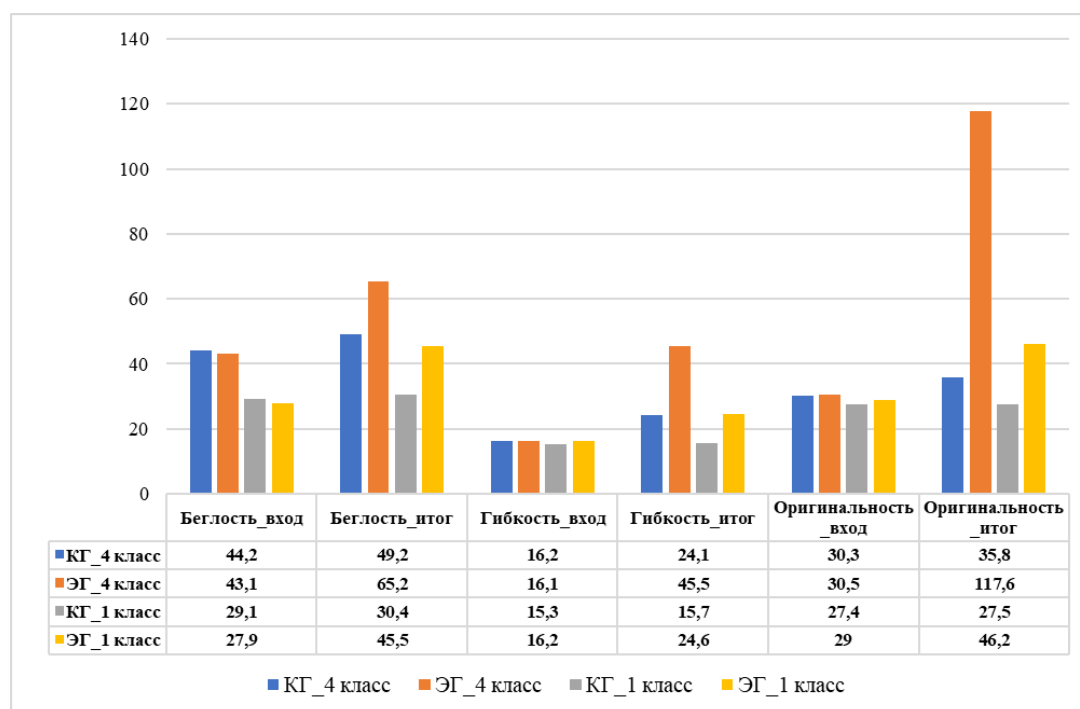

Рисунок 2 – Динамика данных контрольной (КГ) и экспериментальной группы (ЭГ) обучающихся 1-го и 4-го класса по модифицированным батареям тестов Дж. Гилфлорда и Е. Торренса, адаптированных Е.Е. Туник на входном и итоговом этапах в средних сырых баллах по отдельным параметрам

На данной диаграмме видно, что по отдельным параметрам экспериментальные группы тоже демонстрируют показатели выше, чем контрольные группы. У 4-го класса беглость выше на 32,5% (рост на 51,3%), у 1-го – на 49,7% (рост на 63,1%). Гибкость у 4-го класса выше на 88,8% (рост на 182,6%), у 1-го класса – на 56,7% (рост на 51,9%). У экспериментального 4-го класса оригинальность выше на 228,5% (рост на 285,6%), у 1-го класса – на 68% (рост на 59,3%). У контрольных групп рост значительно меньше, а у 1-го контрольного класса показатель оригинальности снизился на 0,4%. Представляет интерес входной результат гибкости и оригинальности: у всех групп значение близкое, не смотря на возрастные различия.

Далее обратимся к результатам решения предметно-творческой задачи учащимися 1 и 4 классов в начале и конце учебного года (см. рисунок 3).

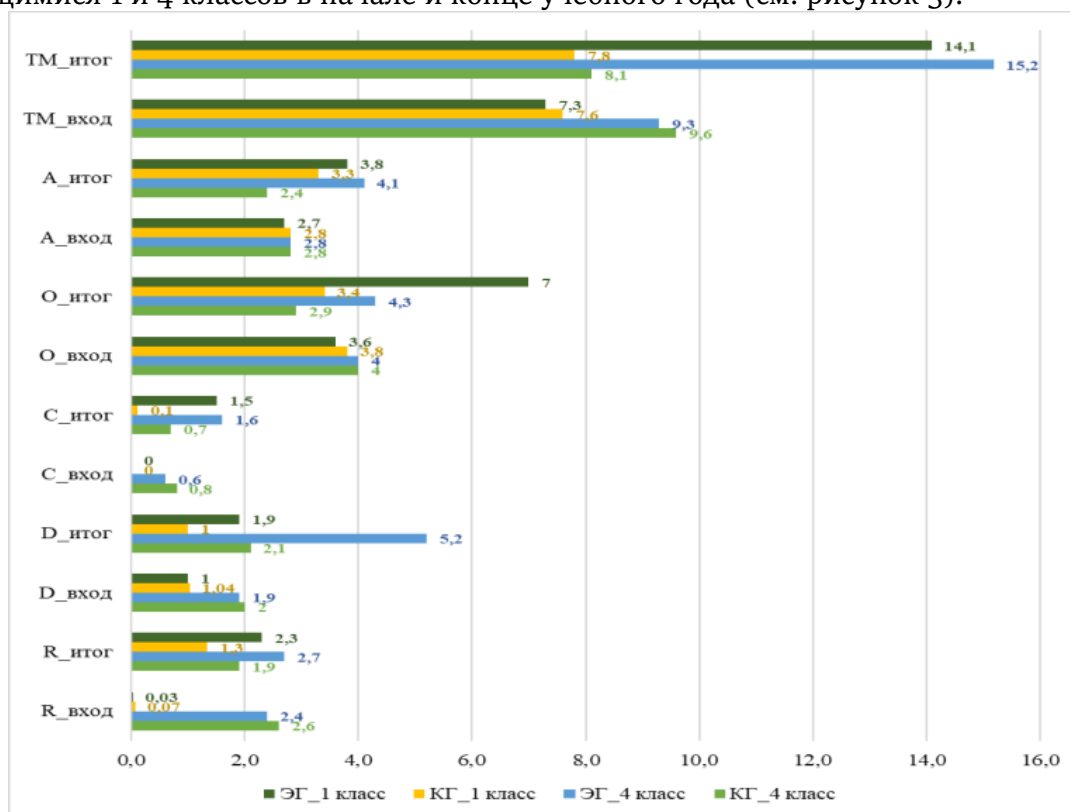

Рисунок 3 – Динамика данных контрольной группы (КГ) и экспериментальной группы (ЭГ) обучающихся 1-го и 4-го класса по показателям репродуктивности (R) и продуктивности: дивергентность (D), критичность (C), адекватность (A), оригинальность (O), интегральной продуктивности (TM) на входном и итоговом этапах в средних сырых баллах при решении предметно-творческой задачи

При сопоставлении данных, представленных на рисунке 3, заметно, что полученные значения показателей мышления всех групп иллюстрируют значительное превышение результатов у экспериментальных классов по всем параметрам относительно контрольных классов. Интегральная продуктивность на итоговом этапе у 4-го экспериментального класса превышает значение результата контрольного класса на 87,7% (рост на 63,4%), у 1-го класса – на 80,8% (рост на 93,2%). Показатель репродуктивности выше у экспериментального 4-го класса на 42,1% (рост на 12,5), у 1-го класса – на 76,9% (рост многократный, т.к. на входном срезе значение было близкое к 0). У экспериментального 1-го класса значительно выше показатель оригинальности на итоговом этапе, выше, чем у контрольного на 105,9% (рост на 366,7%) и выше, чем у экспериментального 4-го на 62,8% несмотря на то, что у 4-го экспериментально класса показатель дивергентности выше, чем у 1-го экспериментального на 173,7%.

Далее осуществим соотношение данных решения предметно-творческой задачи по отдельным показателям у 1-го экспериментального класса (см. рисунок 4). Ранее единичный анализ у 4-го класса дал «волнообразные» результаты со слабыми связями отдельных параметров, подтвержденных коэффициентом ранговой корреляции Спирмена [4].

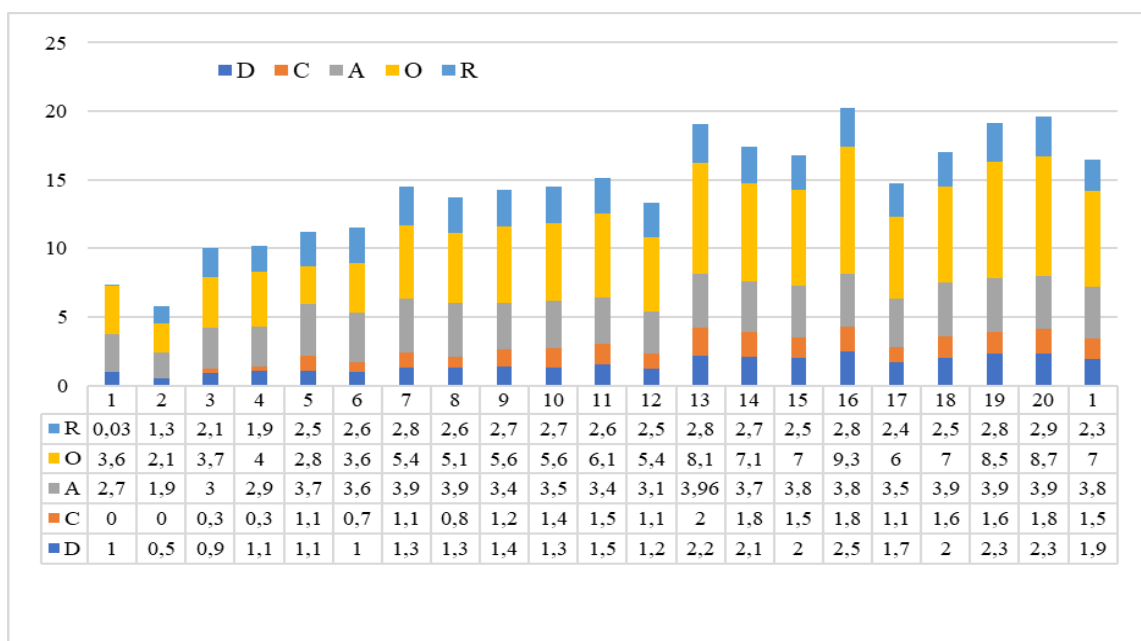

Рисунок 4 – Динамика данных экспериментальной группы 1-го класса по отдельным параметрам продуктивности и репродуктивности мышления в средних сырых баллах при решении предметно-творческой задачи

Таблица, приведенная на рисунке 4 была использована для расчета взаимосвязи между отдельными параметрами мышления обучающихся с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена (см. таблицу 1), т. к. наглядное изучение таблицы позволяет сделать вывод только о волнообразном изменении значений, как и у 4-го экспериментального класса.

Таблица 1

Коэффициенты ранговой корреляции Спирмена по отдельным показателям обучающихся 1-го класса экспериментальной группы

	Дивергентность и репродуктивность	Адекватность и репродуктивность	Оригинальность и репродуктивность	Критичность и репродуктивность	Дивергентность и оригинальность	Дивергентность и критичность	Дивергентность и адекватность
Результат	0,677	0,696	0,654	0,757	0,977	0,944	0,72
Вывод	Умеренная прямая связь между показателями			Сильная прямая связь между показателями			

Полученные результаты демонстрируют, что показатель дивергентности обладает сильной прямой связью с оригинальностью, критичностью и адекватностью. Показатель репродуктивности обладает умеренной прямой связью с дивергентностью. Важно отметить, что у 4-го класса при схожем анализе была выявлена лишь слабая прямая связь.

Для предметного анализа были проанализированы отметки, которые получили дети из обоих первых классов (см. рисунок 5) и соотношение результатов 1-ых и 4-ых классов (см. рисунок 6) на конец учебного года. Так как система оценивания отличается в 1-ом и 4-ом классе, в первом классе безотметочная система, то приведем уровневый анализ: высокий уровень (отлично), оптимальный уровень (хорошо), допустимый уровень (удовлетворительно), низкий уровень (неудовлетворительно), уровень обученности (без неудовлетворительных результатов), а также продемонстрируем качество знаний по результатам контрольных работ (без неудовлетворительных и неудовлетворительных результатов), который наиболее наглядно демонстрирует прочность усвоения знаний.

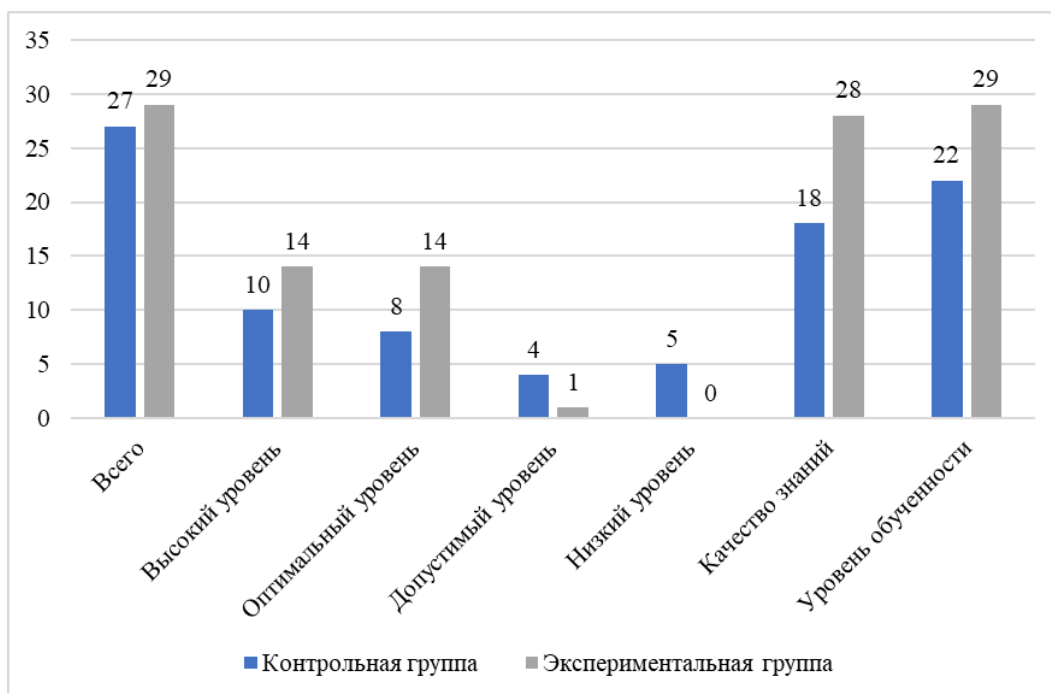

Рисунок 5 – Динамика данных контрольной и экспериментальной группы 1-го класса на итоговом контроле по математике (количество обучающихся)

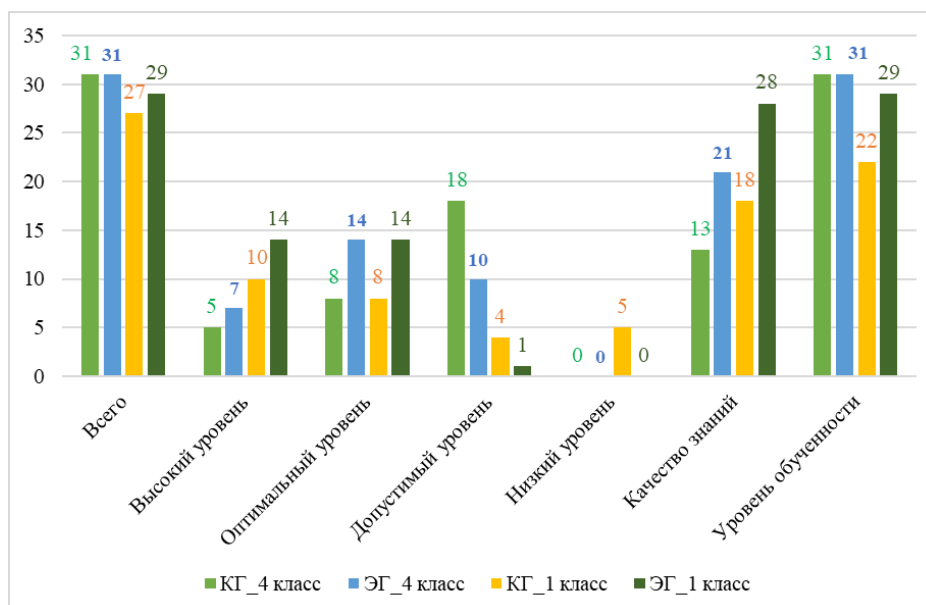

Рисунок 6 – Динамика данных контрольной (КГ) и экспериментальной группы (ЭГ) 1-го и 4-го классов на итоговом контроле по математике (количество обучающихся)

Из диаграммы видим, что качество знаний у экспериментальной группы 4-го класса выше, чем у контрольной группы на 61,5%, а у 1-го – на 55,6%. У контрольной группы 18,5% составляют низкие результаты, т.е. уровень обученности у 4-ых классов и у 1-го экспериментального класса составляет 100%, а у 1-го контрольного класса 81,5% уже в первый год обучения.

Заключение

Полученные результаты в ходе эксперимента подтверждают правомерность выдвинутой гипотезы о том, что систематическое включение в образовательный процесс младших школьников серии предметно-творческих задач с задействованием рефлексивных функций мышления на этапе критического оценивания собственных идей и мыслительных действий имеет взаимообусловленный характер и приведет к развитию как репродуктивного, так и продуктивного мышления обучающихся, что положительно сказывается и на успеваемости по учебным дисциплинам, в рамках которых использовались предметно-творческие задачи. Данная гипотеза получила свое подтверждение и на этапе общешкольного предметного контроля.

Интересные находки ждали нас и на этапе возрастного сравнения, результаты получились неоднозначные и требуют дополнительного исследования, однако необходимо отметить предварительные данные. Показатели вербальной и образной креативности демонстрируют различие данных 1-го и 4-го класса на обоих этапах исследования. На входном и итоговом этапах показатели 4-го класса выше, чем показатели 1-го класса, однако показатель вербальной креативности экспериментального 1-го класса выше, чем показатель контрольного 4-го класса на итоговом этапе на 16%, что может говорить о более интенсивной динамике этого показателя у возрастной категории первого класса, однако у контрольной группы 1-го класса показатель оригинальности снизился на 0,4%, чего не наблюдалось у контрольной группы 4-го класса (была незначительная положительная динамика). Анализ показателей при решении предметно-творческой задачи продемонстрировал, что у экспериментального 1-го класса показатель оригинальности на итоговом этапе выше, чем у экспериментального 4-го класса несмотря на то, что у 4-го экспериментального класса показатель дивергентности выше, чем у 1-го экспериментального класса, т.е. четвероклассники выдвигали больше идей, а первоклассники выдвигали более оригинальные идеи по заданной шкале оценивания. При анализе результатов решения предметно-творческих задач на протяжении всего учебного года мы получили различные результаты у экспериментальных классов – 1-го и 4-го. Показатель дивергентности обладает сильной прямой связью с оригинальностью, критичностью и адекватностью у 1-го класса, а показатель репродуктивности обладает умеренной прямой связью с дивергентностью. Данное исследование показало у 4-го класса слабую прямую связь по тем же показателям. Не менее значительные результаты мы получили на этапе рассмотрения результатов на стадии предметного контроля, т.к. в отличие от остальных классов, у 1-го контрольного класса уровень обученности составляет 81,5%, т.е. 18,5% не справились с итоговой контрольной работой по математике, т.е. можно выдвинуть предположение, что в 1-ом классе креативные действия оказывают большее влияние на предметное усвоение, чем в 4-ом классе, в котором они также оказывают позитивное влияние, однако менее выраженное.

Таким образом «опредмеченное» творчество, подкрепленное рефлексией на этапе критического оценивания мыслительных действий и идей, одновременно положительно влияет на развитие, как репродуктивного, так и продуктивного мышления. При решении таких задач у обучающихся появляется необходимость репрезентировать не только ранее полученные предметные, но и метапредметные компетенции, позволяющие им осуществлять движение мысли за рамки учебных шаблонов и правил. Педагог выступает в роли посредника и организатора интеллектуальных усилий по намеченному «маршруту», а не авторитарного наставника. Освоение предметной составляющей общеобразовательной программы

является только частью учебных задач, перед педагогом стоят более важные развивающие задачи, направленные на получение обучающимися осмысленных ответов и допущение «хороших ошибок», которые приближают к правильному результату, а в сложных задачах к нетривиальному решению. Наше исследование показывает, что включение предметно-творческих задач в учебный процесс младших школьников делает серьезный шаг навстречу удовлетворения современного запроса по развитию как «мягких», так и «твердых» навыков, а сегодня ученые выделяют еще третью группу навыков – self-skills (Я-компетенции) [10, 11, 12], направленные на познание самого себя, рефлексия, самодиагностику, саморегуляцию, которую не менее важно развивать. И этому будет посвящено наше следующее исследование.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воропаев М.В. и др. Виртуальный кластер: монография // М.В. Воропаев, А.Н. Ганичева, А.П. Каитов, А.С. Львова, О.А. Любченко, Э.К. Никитина, О.А. Полежаева, Ю.А. Серебренникова, С.Ю. Степанов. – Москва: Известия ИППО, 2019. – 247 с.
2. Исследование проблем психологии творчества: колл. монография / Отв. ред. Я. А. Пономарев. – М.: Наука, 1983. – 336 с.
3. Качура Н. Е. Модульное обучение как педагогическая технология: Дис. канд. пед. наук: 13.00.01: Тула, 2002. – 204 с.
4. Лукьянова И. Н., Степанов С. Ю. Взаимосвязь показателей продуктивного и репродуктивного мышления четвероклассников при решении предметно-творческих задач. Вестник МГПУ. Серия «Педагогика и психология», 17(3), 2023. – С. 162-188.
5. Лукьянова И. Н. Эмпирическое исследование продуктивного и репродуктивного мышления первоклассников / И. Н. Лукьянова, С. Ю. Степанов // Живая психология. – 2023. – Т. 10, № 6(46). – С. 101-110.
6. Оржековский П.А. Цифровизация динамики развития мышления школьников в учебной деятельности. / Оржековский П.А., Степанов С.Ю., Боровских Т.А., Викторова Н.В., Лавров А.П., Лукьянова И.Н., Мишина И.Б., Титов Н.А., Чернышева Л.А., Шойтова В.С., Фещенко И.А. монография. М.: МПГУ, 2023. – 240 с.
7. Семенов И. Н. Опыт изучения рефлексивности творческого мышления методом содержательно-смыслового анализа / И. Н. Семенов // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования, 2014. – № 5. – С. 10-57.
8. Степанов С. Ю. Исторические горизонты рефлексивно-гуманистической психологии и педагогики сотворчества // Наука. Управление. Образование. РФ. – 2021. – № 3(3). – С. 25-49.
9. Туник Е. Е. Лучшие тесты на креативность. Диагностика творческого мышления. – СПб.: Питер, 2013. – 320 с.
10. Adnan T., Cigdem D. The mediating role of critical thinking dispositions between secondary school student's self-efficacy and problem-solving skills, Thinking Skills and Creativity, 2023. № 50. <https://doi.org/10.1016/j.tsc.2023.101400>.
11. Broadbent J., Poon W.L., Self-regulated learning strategies & academic achievement in online higher education learning environments: A systematic review, The Internet and Higher Education, Volume, 2015. № 27. Pages 1-13, <https://doi.org/10.1016/j.iheduc.2015.04.007>.
12. Flavia A. H. A comparison between problem-based conventional learning and creative problem-based learning on self-regulation skills: Experimental study, Heliyon, 2023. № 9 (9). <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e19512>.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

УДК 159.9

DOI 10.58551/24136522_2024_11_1_68

ФЕНОМЕН КОГНИТИВНЫХ ИСКАЖЕНИЙ: ОБОБЩЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ОСНОВАНИИ ШИРОКОЙ НЕКЛИНИЧЕСКОЙ ВЫБОРКИ

Малкина Светлана Александровна

Соискатель,

Институт Психологии Российской Академии Наук, Москва

E-mail: hatiha@bk.ru

Научный руководитель: **Артемцева Наталия Георгиевна**,

Кандидат психологических наук, доцент,

старший научный сотрудник Института Психологии РАН,

Москва

E-mail: artyomtseva@gmail.com

Статья посвящена изучению феномена когнитивных искажений. Рассматривается определение данного конструкта, приводятся некоторые примеры и направления исследований когнитивных искажений, имеющиеся на данный момент. Описаны результаты исследования когнитивных искажений на широкой неклинической выборке (участниками стали 861 человек - 392 мужчины и 469 женщин). Получены данные об отсутствии различий в наличии когнитивных искажений у мужчин и женщин. Однако, выявлены значимые различия в степени выраженности некоторых когнитивных искажений, присущих и мужчинам и женщинам: Катастрофизация, Персонализация, Максимализм, Преувеличение опасности и Морализация. У женщин показатели по когнитивным искажениям оказались значимо выше. Делается вывод, что ошибочному мышлению подвержены как мужчины, так и женщины. Но имеющиеся когнитивные искажения у женщин выражены сильнее и проявляются намного ярче, чем у мужчин. Предложены направления для дальнейших исследований.

Ключевые слова: когнитивные искажения, когнитивные ошибки, катастрофизация, чтение мыслей, выученная беспомощность, гипернормативность, ошибочное мышление, когнитивно-поведенческая терапия, персонализация, максимализм, морализация.

PHENOMENON OF COGNITIVE DISTORTIONS: A SUMMARY OF RESEARCH BASED ON A WIDE NON-CLINICAL SAMPLE

Svetlana A Malkina

The applicant,

Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: hatiha@bk.ru

The article is devoted to the study of the phenomenon of cognitive distortions. The definition of this construct is considered, some examples and research directions of cognitive distortions available at the moment are given. The results of a study of cognitive distortions

in a wide non-clinical sample are described (861 people - 392 men and 469 women). The data on the absence of differences in the presence of cognitive distortions in men and women were obtained. However, significant differences were found in the severity of cognitive distortions inherent in both men and women: Catastrophization, Personalization, Maximalism, Danger Pre-increase and Moralization. In women, the indicators of cognitive distortion were significantly higher. It is concluded that both men and women are prone to erroneous thinking. But the existing cognitive distortions in women are more pronounced and manifest themselves much more vividly than in men. Directions for further research are proposed.

Keywords: *cognitive distortions, cognitive errors, catastrophization, mind reading, learned helplessness, erroneous thinking, cognitive behavioral therapy, personalization, maximalism, moralization.*

Открытие Аароном Беком когнитивных искажений (КИ) положило начало многочисленным исследованиям в этом направлении. Когнитивно-поведенческая терапия рассматривает когнитивные искажения как важнейший фактор, влияющий на эмоциональные состояния и на поведение. Важность исследования когнитивных искажений обусловлена необходимостью разработки эффективных методов терапии, помогающих справляться с негативными эмоциональными состояниями, с эмоциональными и поведенческими расстройствами, а также для улучшения адаптации и повышения качества жизни людей.

Исследование когнитивных искажений началось в 60-х годах XX века. А. Бек, изучая пациентов с депрессией, пришел к выводу, что негативные предубеждения (или искажения) являются общим фактором когнитивных процессов пациентов с депрессией [1]. Он писал, что пациентам с депрессией свойственен негативный взгляд на себя, на мир и на других людей [2], [3].

Когнитивная теория Бека основана на предположении, что субъективная оценка человеком своего жизненного опыта отражает и поддерживает фундаментальные убеждения о себе, мире, других людях и будущем [2], [1]. Согласно теории А. Бека, фундаментальные верования служат для организации предшествующего опыта, направляют восприятие нового опыта и формируют ожидания от будущего [2], [4].

Когниция по А. Беку – «мысль или образное представление», которые остаются незамеченными, если специально на них не сконцентрироваться. А. Бек также называет когниции «автоматическими мыслями», которые определяют трактовку человеком окружающей действительности. Многие из когниций заведомо дисфункциональны. Они влияют на эмоции и предопределяют поведение, не позволяя человеку углубиться в понимание ситуации. Все это происходит бессознательно. Сознательное же, логическое объяснение следует уже как рационализация, подстраивается под имеющуюся эмоцию и оправдывает поведение. Дисфункциональные когниции или автоматические мысли, неверно интерпретирующие реальность, А. Бек назвал когнитивными искажениями.

Сейчас когнитивные искажения широко изучаются не только в психологии, но и в других направлениях науки, например, в экономической теории, в судебной практике. Подтверждены данные о взаимосвязи между наличием когнитивных искажений и депрессией [5], [6], [7], поведенческими расстройствами [8], пограничной организацией личности [9], [10], уровнем удовлетворенности браком [11], [12]. Есть исследования, посвященные изучению когнитивных искажений у различных категорий граждан: у студентов [13], [14], [15], [16], [17], у зависимых [18] и созависимых [19], [20], у лиц, имеющих пищевые расстройства [13], [21] или соматические заболевания [22].

Различия в наличии и степени выраженности когнитивных искажений у мужчин и женщин на данный момент изучены недостаточно. В одном из наших

исследований [20] мы сравнивали КИ у созависимых мужчин и женщин. Мы получили значимые различия по когнитивным искажениям Катастрофизация и Выученная беспомощность: у женщин показатели оказались выше. Исследование было ограничено небольшой выборкой (93 человека), в нем принимали участие только созависимые мужчины и женщины.

Цель настоящего исследования – сравнить наличие и выраженность определенных когнитивных искажений у мужчин и женщин. Мы предположили, что могут быть КИ, свойственные только женщинам или только мужчинам, а также могут быть различия в степени проявленности определенных когнитивных искажений у мужчин и женщин.

Настоящее исследование вносит вклад в изучение различий в наличии и степени выраженности когнитивных искажений у мужчин и женщин. Это позволит в дальнейшем подобрать наиболее эффективные стратегии коррекции искаженного мышления для мужской и женской аудитории клиентов, обратившихся за помощью или терапией.

Характеристика выборки и методы исследования.

Участники исследования – 861 чел. (392 мужчины и 469 женщин), возраст 28-45 лет, члены психологического онлайн-клуба (лица, увлекающиеся психологией).

Для исследования наличия когнитивных искажений мы использовали «Опросник когнитивных искажений» А. Фримена [23] в адаптации А.Е. Боброва и Е.В. Файзрахмановой [24]. Опросник позволяет определить наличие когнитивного искажения (если набрано минимальное количество баллов по шкале), а также степень его выраженности (чем больше баллов получено по каждому КИ, тем в большем количестве ситуаций оно проявляется, тем сильнее оно выражено).

Список когнитивных искажений из опросника «ОКО» в адаптации А.Е. Боброва:

Преувеличение опасности. Это негативное мышление, направленное в будущее. При Преувеличении опасности прогнозируется негативный исход событий или преувеличивается значимость возможных проблем. Это когнитивное искажение заставляет человека оставаться в зоне комфорта, отказываться от риска, новых действия, блокирует активность, сказывается на эффективности и достижениях.

Катастрофизация. Когнитивное искажение, похожее на Преувеличение опасности, но направленное в прошлое. Катастрофизация заставляет человека драматизировать произошедшее, расстраиваться по незначительным поводам и причинам, придавать большую важность даже незначительным событиям. Как следствие, человек часто находится охваченным негативными эмоциями или плохим настроением, а также оказывается уязвимым перед внешними событиями и другими людьми в те моменты, когда что-то пошло не по плану.

Гипернормативность. Другими словами это когнитивное искажение можно было бы назвать «Долженствование». Это постоянная опора на чувство долга, требование от себя выполнения установленных норм и правил, не критический подход к адекватности установленных правил, следование шаблонам долженствований. Через призму Гипернормативности происходит оценка не только своих действий, но и действий других людей, от которых также ожидается неукоснительное выполнение правил или требований. Человек, имеющий КИ Гипернормативность, может расстраиваться, злиться или испытывать чувство вины, если он по каким-либо причинам не может в определенный момент следовать каким-либо правилам или нормам. Также такой человек обречен на постоянную злость и разочарование от того, что окружающие не живут по установленным им правилам, нормам и шаблонам.

Морализация. Это тоже приверженность правилам, нормам и стандартам, только основанных на моральных принципах. Человек, обладающий данным когнитивным искажением склонен к «чтению моралей», разъяснениям, как следует себя вести по отношению к другим людям (близким и к обществу в целом). Морализирующий человек, как правило, опирается на моральные принципы,

принятые им, считая их единственно правильными, и не учитывает, что у других людей могут быть другие взгляды, нормы и моральные правила. Морализация часто является привычной манипуляцией с целью вызвать чувство вины и через него получить желаемое (заботу, принятие, благодарность и т.д.)

Максимализм. Также как и два предыдущих когнитивных искажения, Максимализм в своей основе имеет стремление ориентироваться на стандарты и идеалы. Эти стандарты касаются всего внешнего, что принадлежит человеку – это его работа, внешность, дети, недвижимое имущество, все, что находится в зоне его ответственности. При Максимализме есть желание иметь то, что в обществе считается «лучшим», «первоклассным». Например, дети должны ходить в лучшую школу, одеваться нужно только у популярных дизайнеров и т.д. Также Максимализм выражается, как стремление делать свою работу идеально, не ошибаться, ничего не забывать и не упускать. С одной стороны – это положительное качество, но в избыточном его проявлении человек лишает себя права на ошибку и обрекает на постоянную неудовлетворенность. Человек, имеющий КИ Максимализм может недооценивать свои достижения, не умеет довольствоваться тем, что уже есть, постоянно ставя себе все новые и новые задачи или «планки», за которыми не остается времени на отдых, общение с близкими и даже на заботу о своем здоровье.

Чтение мыслей. Данное когнитивное искажение характеризуется, как привычка додумывать за других людей, приписывать им мысли и чувства, которые кажутся уместными в данной ситуации или характерными для конкретного человека. Люди, использующие Чтение мыслей, настаивают на том, что они знают другого человека (например, супруга или ребенка) лучше, чем он сам. Человек, подверженный данному КИ ждет, что окружающие догадаются о его мыслях, чувствах и желаниях. Считают, что ничего не нужно обсуждать, потому что «все и так понятно». Он часто испытывает разочарование из-за непонимания того, что он не выражает.

Персонализация. Происходит от слова «персона» и подразумевает привычку воспринимать слова или действия других людей в непосредственной связи со своей личностью. Человек, имеющий КИ Персонализация уверен, что все «вращается» вокруг него, своя «персона» видится причиной мыслей и действий других людей. Персонализация может проявляться, как склонность считать себя виноватым или ответственным за чувства, действия или ошибки других людей.

Упрямство. Проявляется как привычка спорить, не соглашаться, даже в тех вопросах, которые не имеют значения для спорящего. Люди с КИ Упрямство могут спорить просто ради спора, из принципа, без оснований и причин. Возможно, Упрямство – это некий способ соревнования, в котором есть возможность почувствовать себя победителем. А возможно, это отыгрывание – способ выразить свой протест или несогласие, которое касается других, более важных вещей, обсуждать которые нет готовности или способности.

Выученная беспомощность. Человек, имеющий данное когнитивное искажение не верит в свои силы, способности и умения. Может избегать новых начинаний или какой-либо деятельности, будучи уверенным, что «все равно ничего не получится». Выученная беспомощность является оправданием своей пассивности, а также способом манипуляции с целью заставить других людей оказывать помощь. Выученная беспомощность является прикрытием, спасающим от того, чтобы брать на себя ответственность за свою жизнь и за все, что в ней происходит.

Результаты исследования и их обсуждение.

Автором было исследовано количество мужчин и женщин, имеющих какие-либо когнитивные искажения. Так как группы разные по количеству, результаты сравнения представлены в процентах (см. рисунок 1)

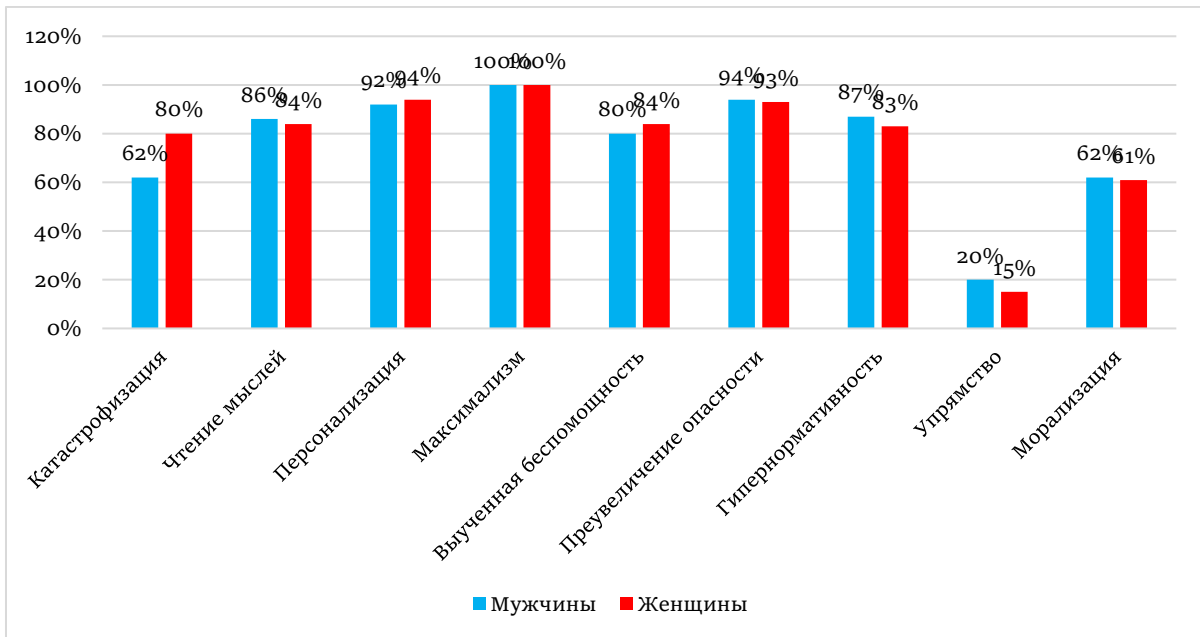

Рисунок 1 – Количество мужчин и женщин, имеющих когнитивные искажения

Количество мужчин и женщин, имеющих те или иные когнитивные искажения, оказалось примерно одинаковым. Незначительное отличие наблюдается по КИ Катастрофизация – количество мужчин, имеющих данное КИ немного меньше, чем женщин. Это означает, что женщины более склонны придавать негативную эмоциональную окраску произошедшим событиям, а также склонны относиться критично, переживать, преувеличивать значимость происходящего.

Нужно отметить, что КИ Максимализм присутствует у всех мужчин и женщин выборки. Возможно, стремление следовать идеальным стандартам, обесценивание и критичность к своим достижениям свойственна гражданам нашей страны на коллективном уровне. В недалеком прошлом нашей страны, во времена Советского Союза, было принято воспитывать ребенка, сравнивая его с другими, ориентировать его не на свои возможности, а на успехи и достижения других. Та же модель поведения осталась и у взрослого – делать все идеально, чтобы «быть не хуже других».

Когнитивное искажение Упрямство присуще небольшому количеству как мужчин, так и женщин. Возможно, склонность спорить, не соглашаться, стремление быть правым, отражает не столько ошибочное или искаженное мышление, сколько другие психологические факторы, например, внутренний протест, подавленную агрессию, которая таким образом находит косвенный выход, или низкую самооценку, которая компенсируется за счет своей правоты.

Далее мы сравнили степень выраженности каждого когнитивного искажения, которая измеряется количеством баллов, полученных по каждому КИ. Чем выше балл, тем ярче выражено когнитивное искажение. Результаты подсчета суммы баллов по каждому когнитивному искажению у мужчин и у женщин представлены на рисунке 2.

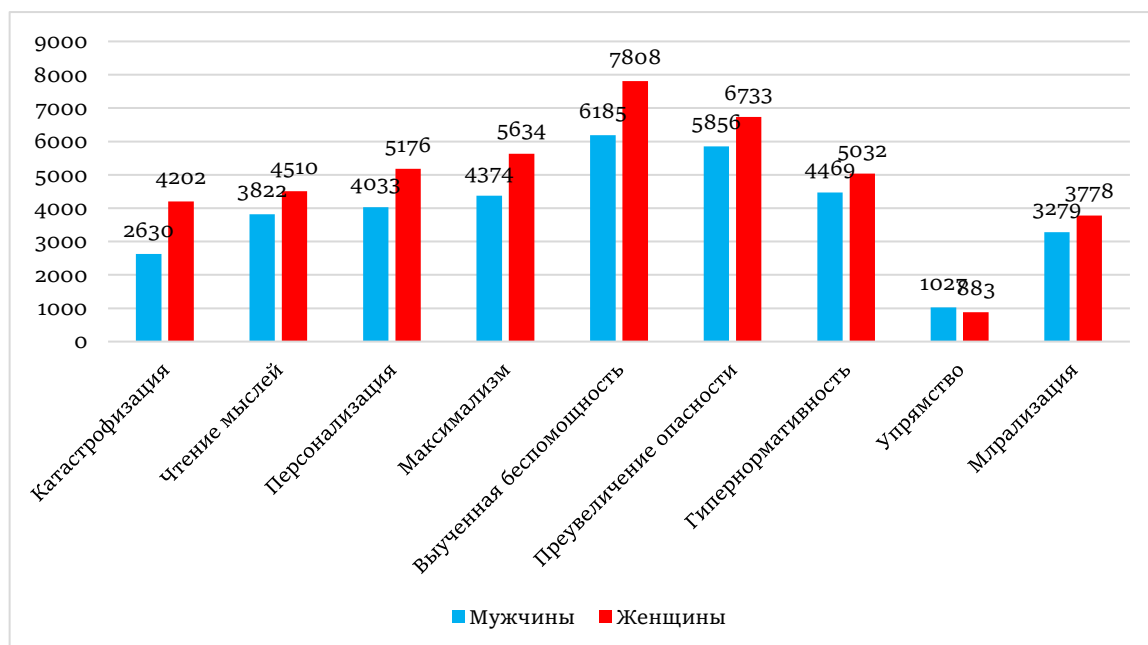

Рисунок 2 – Общее количество баллов по каждому когнитивному искажению у мужчин и женщин

Был получен следующий результат: в количестве мужчин и женщин, имеющих то или иное когнитивное искажение различий практически нет, но в степени выраженности имеющихся когнитивных искажений мы видим наличие значимых различий. По всем КИ, кроме Упрямства, женщины набрали больше баллов, то есть когнитивные искажения у них выражены сильнее чем у мужчин. КИ Упрямство стало исключением, возможно, по той причине, что женщины более эмоциональны и могут при необходимости свободно выразить свой протест, а мужчины - более сдержанны на эмоции и вынуждены выражать свои негативные чувства не прямо, а косвенно, в том числе через упрямство.

Далее мы сравнили средние значения общего количества баллов по каждому когнитивному искажению у мужчин и у женщин. Так как распределение по всем шкалам когнитивных искажений было отличным от нормального (по показателям критерия Колмогорова-Смирнова), мы использовали непараметрический критерий Манна-Уитни. Значимые различия приведены в таблице 1.

Таблица 1

Значимые различия в сравнении средних значений по когнитивным искажениям у мужчин и женщин

	Катастрофизация	Персонализация	Максимализм	Преувеличение опасности	Морализация
Статистика U-критерия Манна-Уитни	U=40194	U=72319	U=76470,5	U=73601	U=30850,5
Значимость	p=0,012	p=0,029	p≤0,001	p=0,040	p=0,016

У женщин выраженность проявлений по определенным когнитивным искажениям оказалась значимо выше, чем у мужчин. Самое большое различие мы получили по КИ Максимализм. Это означает, что у женщин выше склонность к перфекционизму, неукоснительному следованию стандартам, стремление к идеальным показателям в разных сферах жизни и проявлениях (выполнение работы, внешность, поведение и т.д.).

Еще два когнитивных искажения, по которым у мужчин и женщин оказались значимые различия – это Катастрофизация и Преувеличение опасности. Это говорит о

том, что женщины более склонны опасаться будущих событий и переживать о случившемся, чем мужчины.

Также значимые различия обнаружены по когнитивному искажению Персонализация. Это означает, что женщины склонны относить происходящее на свой счет, женщины более уязвимы к замечаниям в свой адрес, могут более остро воспринимать критику или сообщения о своих ошибках или недочетах. Женщинам, вероятно, сложнее переносить чужое негативное мнение о себе.

И последнее когнитивное искажение, по которому обнаружили значимые различия – Морализация. Женщины в своем поведении более склонны опираться на моральные суждения, а также требовать такого поведения (с опорой на моральные ценности и стандарты) от других людей. Отсюда женщины могут больше оглядываться на то, что подумают о них другие, могут чаще оказываться в ситуациях морального выбора между своим желанием и тем, как надо и или как принято в той или иной социальной группе.

Можно сделать вывод о том, что когнитивным искажениям одинаково подвержены и мужчины, и женщины. Но степень их выраженности у женщин значимо выше, чем у мужчин. Это значит, что женщины чаще чем мужчины пользуются искаженным мышлением в бытовых ситуациях. Женщины больше подвержены доверять мыслительным шаблонам и критическое мышление у них выражено слабее, чем у мужчин.

Дальнейшие исследования когнитивных искажений могут быть направлены на выявление различий у разных возрастных групп мужчин и женщин, состоящих или не состоящих в браке, имеющих разный уровень образования. Так же представляется интересным изучить взаимосвязь наличия (или отсутствия) когнитивных искажений с определенным психологическим типом личности (используя, например, типологию Юнга, индикатор типа МБТИ или другую классификацию).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Beck A.T. Cognitive therapy and the emotional disorders. Oxford: International Universities Press, 1976.
2. Beck A.T. Depression: Clinical, experimental, and theoretical aspects. New York: Harper & Row, 1967.
3. Beck J.S., Beck A.T. Cognitive behavior therapy: Basics and beyond. New York: The Guilford Press, 2011.
4. Beck A.T. et al. Factor analysis of the dysfunctional attitude scale in a clinical population // Psychological Assessment: A Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1991. № 3. P. 478.
5. Abela J.R., D'Alessandro D.U. Beck's cognitive theory of depression: A test of the diathesis-stress and causal mediation components // The British Journal of Clinical Psychology. 2002. № 41 (2). P. 111-128.
6. Alatiq Y. et al. Dysfunctional beliefs in bipolar disorder: hypomanic vs. depressive attitudes // Journal of Affective Disorders. 2010. № 122 (3). P. 294-300.
7. Ingram R.E. et al. Comparative data on child and adolescent cognitive measures associated with depression // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 2007. № 75 (3). P. 390-403.
8. Демидова Л.Ю. Роль когнитивных искажений в поддержании паттерна сексуального насилия // Современная зарубежная психология. 2023. Т. 12, № 1. С. 89-99.
9. Коломыцев Д.Ю., Дроздовский Ю.В. Особенности когнитивных искажений при пограничных психических расстройствах у подростков, совершивших суицидальную попытку // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2012. № 5 (74). С. 39-43.

10. Колганова К.А. Методы работы с когнитивными искажениями для людей, имеющих пограничное расстройство личности // *Аллея науки*. 2017. Т. 2, № 16. С. 449–453.
11. Aydın G., Özdiñç K.N., Aksu M. The relationship between cognitive distortions and forgiveness in romantic relationships // *International Journal of Human Sciences*. 2015. Vol. 12, № 1. P. 1338–1349.
12. Hamamcı Z. Dysfunctional relationship beliefs in marital conflict // *Journal of RationalEmotive & Cognitive-Behaviour Therapy*. 2005. № 23. P. 245–261.
13. Кутянова И.П., Сарапина О.Е. Изучение когнитивных искажений, смысложизненных ориентаций и рисков развития пищевых аддикций у девушек-подростков 14-18 лет // *Ученые записки российского государственного социального университета*. 2017. Т. 16, № 3 (142). С. 69–78.
14. Башкатов С.А., Шахов А.А., Прудников В.Б. Личностные особенности студентов, склонных к совершению ошибок, обусловленных иррациональными установками и когнитивными искажениями // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2022. № 12 (104). С. 107–115.
15. Кондрашихина О.А. Метакогниции и когнитивные искажения у студентов-психологов // *Мир науки. Педагогика и психология (электронный журнал)*. 2023. Т. 11, № 1. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/10PSMN123.pdf> (дата обращения: 15.02.2024).
16. Глух К.Ю., Пономарев А.С. Феномен когнитивных искажений и их влияние на студентов высших образовательных учреждений // *Вестник науки*. 2023. Т. 1, № 6 (63). С. 714–725.
17. Валуйская Т.Л., Радиви́ло Е.А. Взаимосвязь перфекционизма и когнитивных искажений у студентов гуманитарных специальностей // *Вестник минского государственного лингвистического университета*. 2023. № 1 (43). С. 40–49.
18. Семеняк И.В., Новаков А.В., Корж Е.М. Когнитивные искажения и их коррекция при зависимом поведении // *Мир Психологии*. 2022. № 2 (109). С. 25–33.
19. Малкина С.А. Когнитивные ошибки у созависимых, состоящих и не состоящих в браке // *Проектирование. Опыт. Результат*. 2021. № 3. С. 24–27.
20. Артемцева Н.Г., Малкина С.А. Когнитивные ошибки созависимых как способ защиты от неопределенности // *Вестник Самарского Государственного Технического Университета*. Серия: Психолого-педагогические науки. 2022. Т. 19, № 1. С. 153–166.
21. Малкина С.А. Когнитивные ошибки у женщин, имеющих нарушения пищевого поведения // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Серия: Познание. 2022. № 3. С. 74–78.
22. Легостаева Е.С. Когнитивные ошибки у лиц, страдающих тяжелыми соматическими заболеваниями: 5 // *Современные проблемы науки и образования (научный журнал)*. 2018. № 5. С. 94–101.
23. Freeman A., DeWolf R. *The 10 dumbest mistakes smart people make and how avoid them*. NY, USA: William Morrow and company, 1993. 320 p.
24. Бобров А.Е., Файзрахманова Е.В. Опросник когнитивных ошибок как инструмент оценки компонентов патологической тревоги // *Неврология. Психиатрия*. 2017. № 8 (137). С. 59–65.

УДК 159.9.072

DOI 10.58551/24136522_2024_11_1_76

СУБЪЕКТИВНОЕ ЧУВСТВО ОДИНОЧЕСТВА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ АЛКОГОЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

Стародубец Ольга Дмитриевна

Доцент, кандидат психологических наук,

ГАУ ДПО «Амурский областной институт развития образования»,

Благовещенск

E-mail: Olstar73@mail.ru

SPIN-код 6139-4700

Кора Наталия Алексеевна

, Доцент, кандидат психологических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Амурский государственный университет», Благовещенск

E-mail: Nkora1@yandex.ru

SPIN-код 8671-2694

Бадалян Юлия Валерьевна

,

ФГБОУ ВО «Амурский государственный университет», Благовещенск

E-mail: Sfinkc1978@mail.ru

SPIN-код 3500-8284

Проблема одиночества является предметом исследований в различных областях науки о человеке – социальной психологии, психологии личности и пр. Выявленные различия между видами состояния одиночества индивида требуют особого внимания и тщательного анализа, в том числе к отдельным сторонам проявления этого состояния, так как в основе большинства химических и нехимических форм зависимостей (игровой, алкогольной, наркотической) усматривается именно психологический аспект. Исходя из этого следует оценивать не столько физиологический аспект возникновения аддиктивного поведения, сколько психологический. В данной статье представлены результаты определения значимости фактора субъективного чувства одиночества в процессе формирования алкогольной зависимости. В ходе эмпирического исследования авторами было установлено, что для лиц с алкогольной зависимостью характерны высокие показатели субъективного одиночества, которые существенно отличаются от тех же показателей лиц, не страдающих алкогольной зависимостью. Наиболее выраженными для лиц с алкогольной зависимостью являются диффузный и диссоциированный виды одиночества, а также зависимость от общения. Незначимыми являются различия в оценках таких видов одиночества, отчуждающее и позитивное. Существует прямая положительная взаимосвязь алкогольной зависимости с субъективным ощущением одиночества. Наиболее опасными с точки зрения формирования алкогольной зависимости, как представляется, выступают диффузное и диссоциированное состояния одиночества.

Ключевые слова: одиночество, субъективное ощущение, общение, отчуждение, изолированность, алкогольная зависимость, аддиктивное поведение, психотерапия.

SUBJECTIVE FEELING OF LONELY AS A FACTOR OF FORMATION OF ALCOHOL DEPENDENCE

Starodubets Olga

Associate Professor, Candidate of Psychological Sciences
Institute for Educational Development, Blagoveshchensk

E-mail: Olstar73@mail.ru

SPIN-код 6139-4700

Kora Natalia

Associate Professor, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Institution of Higher Education «Amur State University», Blagoveshchensk

E-mail: Nkora1@yandex.ru

SPIN-код 8671-2694

Badalyan Yulia

Associate Professor, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Institution of Higher Education «Amur State University», Blagoveshchensk

E-mail: Sfinkc1978@mail.ru

SPIN-код 3500-8284

The problem of loneliness is the subject of diverse scientific research in many human sciences. The existing differences between types of loneliness require special attention and careful analysis of any variety of its manifestations, because most physical addictions (alcohol, drugs) have a psychological basis. Based on this, we should consider not so much the physiological aspect of the emergence of addictive behavior as the psychological one. The article presents the results of determining the role of the subjective feeling of loneliness in the formation of alcohol dependence. In the course of an empirical study, it was found that people with alcohol dependence are characterized by high rates of subjective loneliness, which significantly differ from those of people without alcohol dependence. The most pronounced for persons with alcohol dependence are «diffuse» and «dissociated» loneliness and dependence on communication. Differences in the meanings of «alienating» and «positive» loneliness are insignificant. There is a direct positive relationship between alcohol dependence and subjective feelings of loneliness. The most dangerous from the point of view of the formation of alcohol dependence are diffuse and dissociated states.

Key words: *loneliness, subjective feeling, communication, alienation, isolation, alcohol addiction, addictive behavior, psychotherapy.*

В последнее десятилетие научное сообщество проявляет повышенный интерес к проблеме одиночества, что может означать переход этой проблемы в разряд актуальных. Это связано с характером нынешней ситуации в обществе – ситуации, которой свойственны нестабильность и неопределенность. Существуют различные уровни понимания одиночества как социопсихологической категории. Так, если признать, что одинокий человек – это субъект, который испытывает трудности в межличностном взаимодействии, то можно утверждать, что одиночество является для него глубоким эмоциональным переживанием, способным исказить восприятие реальности, времени и характера социальных действий [1].

Недостаток времени для общения даже между близкими людьми в наши дни компенсируется контактами в виртуальном пространстве, в котором люди не представлены физически, а эмоциональные реакции на действия (слова) собеседника и отношение к его проблемам можно отследить только при помощи знаков и символов, что не всегда способно в полной мере дать понять одному собеседнику меру сопереживания и сочувствия со стороны другого, а значит, возникают известные

трудности в плане содействия нуждающимся в помощи лицам в преодолении (переживании) сложных жизненных обстоятельств [2]. Дистантное общение, очевидно, способствует распространению атмосферы обособленности и одиночества личности в социуме.

Проблема природы чувства одиночества рассматривалась в трудах Платона, Аристотеля, Фомы Аквинского, Св. Василия Великого, И. Канта, Ф. Ницше, Ж.-П. Сартра, Ф. Шеллинга, Б. Паскаля, Д. Тора и др. мыслителей. Они исследовали одиночество с точки зрения его онтологического, феноменологического, экзистенциального содержания. Впрочем, к изучению проблемы одиночества обращались не только философы, но и социологи, психологи, а также представители других областей гуманитарных наук.

В XX веке осмысление категории одиночества перестало рассматриваться лишь как рациональный процесс, то есть процесс изучения социальной системы взаимодействия, в рамках которой одиночество выступало одним из многих элементов. В этот период философы обосновывали социальную подоплеку данного явления, указывали на феноменальный характер одиночества в качестве образа, который может носить социальный и личностный, негативный и позитивный характер [3]. В рамках психологии одиночество рассматривается в контексте взаимосвязи между негативным эмоциональным состоянием и его предполагаемой причиной. Полученные результаты исследований демонстрируют неоднородность, многогранность понятия одиночества.

Состояние одиночества у психически здорового человека – это особая форма самовосприятия, глубокое самосознание [4]. Выделяют различные виды и степени одиночества. Некоторые состояния могут стимулировать развитие одиночества и усугублять его, в иных же ярко выражен, прежде всего, разрушительный и истощающий эффект этого явления. Проведение различия между видами одиночества требует особого отношения к проявлениям этого состояния и внимания к специфике его манифестации, так как в основе большинства форм зависимостей (игровая, алкогольная, наркотическая) определяется именно психологическая основа [5].

Как мы указывали выше, во многих науках, изучающих человека и его социальное поведение, присутствует свой вариант трактовки феномена одиночества – в философии, педагогике, психологии, медицине и пр. – и имеется свой взгляд на данное состояние, специфические подходы к его пониманию.

Алкоголизм как оральная фрустрация, возникающая в раннем детстве, а затем проявляющаяся в юности, представляет собой своеобразную форму защиты от депрессии. В этом случае алкоголь выполняет функцию примирения больного с неизбежностью этих фрустраций [6]. Данный тезис подтверждается тем, что алкоголизму, как правило, предшествует эмоциональная неадекватность, невротичность. Ряд авторов рассматривают одиночество как один из важнейших факторов, влияющих на формирование алкогольной зависимости. Так, Х. Тьебо, характеризуя больных алкоголизмом, полагал, что у них бессознательная потребность в доминировании сочетается с чувством глубокого одиночества и изоляции [7]. С точки зрения Ш. Х. Зимберга, алкоголь является одним из средств общения и коммуникации. В основе этого типа мотивации лежат неудовлетворенные потребности в общении, в выходе из одиночества. Зачастую эти больные чрезвычайно замкнуты, тревожны, конформны, зависимы, чувствуют себя в обществе неуверенно [8]. Согласно Э. Фромму чувство полного одиночества ведет к психическому разрушению, так же как физический голод – к смерти. Эта связанность с другими не идентична физическому контакту. Индивид может быть физически одинок, но при этом связан с социальной общностью какими-то идеями, воспоминаниями, моральными ценностями или хотя бы поведенческими стереотипами. Это дает ему чувство включенности в социум. Вместе с тем, по мысли Э. Фромма, индивид может жить среди людей, но при этом испытывать чувство полной изолированности. Если такая изолированность достигает определенного уровня, то у индивида развивается

умственное расстройство шизофренического толка. Отсутствие связанности с какими-либо ценностями, символами, устоями можно назвать моральным одиночеством [9]. Т. А. Немчиным и С. В. Цыцаревым были выделены мотивы, ведущие к злоупотреблению алкоголем, среди которых значимую роль занимают общение и коммуникация, то есть потребность избавиться от чувства одиночества [10].

Исследование субъективного чувства одиночества как фактора формирования алкогольной зависимости в рамках описываемого авторами этой статьи эксперимента проводилось на базе ГАУЗ АО «Амурский областной наркологический диспансер» г. Благовещенска.

Тип исследования – сравнительно-корреляционный.

Метод формирования репрезентативной выборки – метод стратификации.

В исследовании приняли участие 50 мужчин, страдающих алкогольной зависимостью, в возрасте 25-45 лет и 50 мужчин, не страдающих алкогольной зависимостью, в возрасте 25-45 лет.

В выборке участвовали только мужчины, поскольку женский и мужской алкоголизм могут иметь разный генезис и формы проявления. Для сравнения групп респондентов, страдающих алкогольной зависимостью, и лиц, свободных от алкогольной зависимости, применялся статистический критерий U-критерий Манна-Уитни.

Цель исследования – определить роль субъективного чувства одиночества в формировании алкогольной зависимости.

Гипотеза исследования предполагает, что субъективное чувство одиночества является фактором формирования алкогольной зависимости.

Анализ и интерпретация результатов исследования.

С помощью методики Д. Рассела и М. Фергюсона, которые трактуют состояние одиночества как самоотделение индивида от других, себе подобных – т.н. «жизнь без близких», авторами было выполнено исследование. Результаты исследования позволили составить картину общего уровня субъективного ощущения одиночества в двух группах респондентов. Анализ полученных данных показал, что высокий уровень субъективного ощущения одиночества был выявлен у 64% участников эксперимента с алкогольной зависимостью и у 8% респондентов, не имеющих такой зависимости. Такие итоги указывают на склонность лиц с алкогольной зависимостью искусственно создавать проблемы в отношениях с другими людьми, при контактах с окружающим миром в принципе. Человек может испытывать беспокойство относительно своего будущего, последствий совершенных поступков, возможных неудач и жизненных трудностей; он может переживать по поводу реальных или воображаемых проблем; он также может сдерживать себя в выражении эмоций. У таких людей, как правило, снижен эмоциональный тонус, для них характерна перманентная усталость, инертность, у них ограничен ресурс сил. Отношениям, устанавливаемым такими людьми с внешним миром, присущи скромность (возможно, сомнение в способности вызывать уважение у окружающих), застенчивость, скептицизм, потребность в доверии и признании.

Такие результаты проведенного эксперимента могут, кроме того, свидетельствовать о выраженном эмоциональном дискомфорте. У лиц с подобными оценками склонности к одиночеству может развиваться личностный комплекс неполноценности. Они часто бывают не удовлетворены собой и своим положением в обществе, не испытывают доверия к окружающим, у них отсутствует надежда на «лучшее будущее».

Внутренняя конфликтность и сопровождающие ее эмоции у таких людей связаны с непониманием ими источника такого состояния. Одной из причин, кроме дисгармонии, неудовлетворенности межличностными отношениями, нередко выступает переоценка своего «я» по ряду критериев (духовности, богатства внутреннего мира, способности вызывать у других глубокие чувства).

Низкий уровень субъективного ощущения одиночества был обнаружен у 8% испытуемых с алкогольной зависимостью и у 60% без такой зависимости. Это качество личности характерно для людей с «открытым» отношением к себе (самокритичностью и внутренней честностью). Таким людям свойственна уверенность, высокая самооценка, ощущение мощи своего «я». У подобных индивидов нет тяги к чрезмерной рефлексии, им свойственна эмоциональная зрелость, оптимизм, тенденция к экстравертности, общительности. Во взаимодействии с людьми у таких лиц преобладают сближающие чувства, в отношениях с другими они проявляют уверенность в себе, организаторские способности (черты руководителя), которые сочетаются со стремлением к сотрудничеству, дружелюбию и развитым чувством ответственности. Такой человек достаточно уверен в себе, активен, успешно взаимодействует с окружающими, адекватно управляет своим поведением. Низкие оценки могут говорить о гиперсоциальности, чрезмерной выраженности сближающих чувств, болезненном стремлении к коммуникации. Средние оценки (умеренно выраженное одиночество) характерны для людей с умеренным субъективным благополучием; серьезные проблемы в личностном плане у них отсутствуют, но и о полном эмоциональном комфорте говорить тоже нельзя; возможно, это связано саморефлексией на тему своей индивидуальности или отношений с другими людьми. Такие люди обычно стремятся к совместной деятельности, они весьма дружелюбны, а невозможность реализовать стремление к общению приводит к возникновению у них чувства одиночества.

В ходе исследования, с помощью «Опросника для определения вида одиночества» С. Г. Корчагиной были определены общее состояние одиночества и его разновидности у респондентов. Так, состояние одиночества, по данным анкетирования, выражено у 68% респондентов с алкогольной зависимостью и у 24% без такой зависимости (эти выводы, в целом, соотносятся с результатами, полученными при использовании методики Д. Рассела и М. Фергюсона).

Что касается выявленных у участников исследования разновидностей состояния одиночества, то **диффузная** его форма определялась в 20% случаев у испытуемых с алкогольной зависимостью. Людей, склонных к такому виду одиночества, отличает подозрительность в межличностных отношениях и сочетание противоречивых личностных и поведенческих характеристик: сопротивление и приспособление в конфликтах; наличие всех уровней эмпатии; возбудимость, тревожность и эмотивность характера; высокая коммуникативная готовность. Во многом такая контрадикторность объясняется самоидентификацией человека с разными типами характеров, обладающих, разумеется, разными психологическими свойствами. При этом важно понимать, что в состоянии острого переживания диффузного одиночества человек стремится к другим людям, надеясь найти в общении с ними подтверждение собственного бытия, своей значимости. Однако это зачастую не удается, потому что человек не общается в прямом смысле этого слова – не делится своим опытом и переживаниями, а лишь «примеряет» на себя личину другого, то есть отождествляет себя с ним, становясь как бы «живым зеркалом». Такие люди очень остро реагируют на стресс, выбирая стратегию поиска сочувствия и поддержки. Не находя поддержки, они могут искать утешения в алкогольной и других видах химических зависимостей.

Интуитивно предчувствуя свое истинное, экзистенциальное одиночество, человек испытывает безотчетный страх, пытается «убежать» от преследующего и пугающего его чувства к людям, выбирая ту стратегию взаимодействия с ними, которая, по его мнению, обеспечит хотя бы временное его принятие социумом – идентификацию. Он демонстрирует абсолютное согласие с мнениями, принципами, моралью, интересами тех, с кем коммуницирует. По сути, человек начинает жить психическими ресурсами объекта идентификации, то есть существовать за счет другого. Стремясь к открытому человеческому общению, он действует так, что, на самом деле, не оставляет себе не малейшего шанса осуществить данное стремление. Следствием этого, конечно, является жесточайшее переживание одиночества, наполненное страхом, разочарованием и ощущением бессмысленности своего существования [11]. При

успешной терапии данного состояния личностные черты пациентов становятся более гармонизированными и согласованными.

В группе респондентов без алкогольной зависимости состояния диффузного одиночества не были зафиксированы.

Другой вид одиночества – **отчуждающее одиночество** – было выявлено у 24% испытуемых с алкогольной зависимостью и 8% испытуемых без алкогольной зависимости. Специфика данного состояния проявляется в форме возбудимости, тревожности, циклотимности характера, низкой эмпатии, противоборстве в конфликтах, выраженной неспособностью к сотрудничеству, подозрительности и зависимости в межличностных отношениях.

В группах испытуемых также было выявлено **диссоциированное одиночество**, природа которого определяется ярко выраженными процессами идентификации и отчуждения, а также резкой их сменой даже по отношению к одним и тем же людям. Этот вид одиночества оказался характерен для 44% респондентов с алкогольной зависимостью и 8% респондентов без такой зависимости. Диссоциированное одиночество – это наиболее сложное состояние, как в плане переживаний, так и по своему генезису и проявлениям. Сначала человек отождествляет себя с другим, принимая его образ жизни и следуя ему – он безгранично доверяет ему «как самому себе». Именно этот принцип – доверие, «как самому себе», – и составляет основу психологического содержания данного состояния. После полной идентификации, как правило, следует резкое отчуждение от того же объекта, что отражает истинное отношение человека к самому себе.

Также в обеих группах респондентов был выделен **субъективно позитивный вид одиночества**: у 12% в группе зависимых от алкоголя респондентов и у 28 % испытуемых, независимых от алкоголя. Это состояние представляет собой управляемое одиночество, или уединенность и трактуется как вариант переживания психологической «отдельности» или собственной индивидуальности. Такое состояние обусловлено определенным соотношением результатов процессов идентификации и обособления. Это состояние т.н. динамического равновесия по С. Г. Корчагиной, которая рассматривает его как одно из проявлений психологической устойчивости личности относительно воздействий на него социума [12].

Статистическая обработка результатов исследования, выполненного по описанным выше методикам, была произведена с помощью U-критерия Манна-Уитни и показала наличие расхождений в показателях нескольких шкал (см. табл. 1).

Таблица 1

Значения критерия U-критерия Манна-Уитни

Показатели	Rank Sum Group 1	Rank Sum Group 2	Valid N Group 1	Valid N Group 2	U	p-level
Субъективное ощущение одиночества	602,0000	673,0000	50	50	177,0000	0,003949
Состояние одиночества	690,0000	585,0000	50	50	160,0000	0,003370
Диффузное одиночество	685,5000	589,5000	50	50	164,5000	0,000680
Отчуждающее одиночество	655,0000	620,0000	50	50	295,0000	0,734196
Диссоциированное одиночество	869,0000	406,0000	50	50	81,0000	0,000007
Субъективно-позитивное одиночество	600,5000	674,5000	50	50	275,5000	0,472816

Источник: Составлено авторами на основании проведенного исследования.

Из данных таблицы 1 видно, что показатели субъективного ощущения одиночества, а также диффузного и диссоциированного видов одиночества значительно отличаются в группах испытуемых с алкогольной зависимостью и без алкогольной зависимости. В группе с алкогольной зависимостью показатели по данным шкалам существенно превышают показатели группы без алкогольной зависимости, что косвенно служит аргументом в пользу того, что состояние одиночества является провоцирующим фактором в процессе формирования алкогольной зависимости.

Далее с помощью опросника Е. Н. Осина и Д. А. Леонтьева были определены оценочные показатели состояния одиночества в среде испытуемых. Показатели общего одиночества в группах респондентов с алкогольной зависимостью и без алкогольной зависимости составили соответственно 60% и 12%, что связано, на наш взгляд, с актуализацией переживания изоляции; нехваткой эмоциональной близости или контактов с людьми; осознанием себя как одинокого, изолированного от общества человека. Полученные результаты, по сути, подтверждают данные итоговых оценок предыдущих методик.

Низкие баллы по шкале общего одиночества у респондентов свидетельствуют о том, что они не испытывают болезненного переживания одиночества, связанного с нехваткой близости или общения, и не считают себя одинокими людьми.

По шкале «зависимость от общения», отражающей неприятие одиночества, неспособность оставаться одному, высокие показатели демонстрировали 48% респондентов с алкогольной зависимостью и 24% респондентов без алкогольной зависимости, что свидетельствует о негативном представлении лиц с алкогольной зависимостью об одиночестве и их склонности искать общение любой ценой с целью избежать ситуаций замыкания в себе, уединения, которые связаны с неприятными для них или болезненными переживаниями.

Низкие показатели по шкале «зависимость от общения», напротив, отражают спокойное, толерантное отношение к переживанию одиночества, ситуациям уединения.

По шкале «позитивное одиночество», измеряющей способность человека находить в уединении источник восполнения жизненных сил, умение творчески использовать его для самопознания и саморазвития, высокие показатели были выявлены у 24% респондентов с алкогольной зависимостью и у 32% испытуемых без алкогольной зависимости. Это свидетельствует о том, что респонденты испытывают положительные эмоции в ситуациях уединения, умеют ценить эти жизненные моменты и стремятся продуктивно использовать время, когда они находятся наедине с самими собой.

Низкие баллы по шкале позитивного одиночества показывают неспособность респондента использовать ситуации уединения конструктивно и указывают на отсутствие положительных эмоций при попадании в такие ситуации. По данным исследований Е. Н. Осина и Д. А. Леонтьева [13], показатель позитивного одиночества коррелирует с творческой активностью.

Сравнение результатов исследования в группах респондентов с алкогольной зависимостью и без алкогольной зависимости по данной методике с помощью U-критерия Манна-Уитни обнаруживает различия в показателях нескольких шкал (см. табл. 2).

Таблица 2

Значения критерия U-критерия Манна-Уитни

Показатель	Rank Sum Group 1	Rank Sum Group 2	Valid N Group 1	Valid N Group 2	U	p-level
Общее одиночество	710,5000	564,5000	50	50	109,5000	0,000657

Зависимость от общения	673,0000	602,0000	50	50	91,0000	0,009094
Позитивное одиночество	664,0000	611,0000	50	50	286,0000	0,607130

Источник: Составлено авторами на основании проведенного исследования

Данные таблицы 2 наглядно иллюстрируют значимые отличия в группах испытуемых с алкогольной зависимостью и без алкогольной зависимости при оценке показателей «общее одиночество» и «зависимость от общения». В группе с алкогольной зависимостью показатели по данным шкалам существенно превышают показатели группы без алкогольной зависимости, что можно рассматривать как аргумент в пользу понимания состояния одиночества как фактора формирования алкогольной зависимости.

Для выявления взаимосвязи между показателями одиночества и алкогольной зависимостью был использован коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Результаты корреляционного анализа представлены в табл. 3.

Таблица 3

Показатели коэффициента корреляции Спирмена ($r=0,01$)

Одиночество	Алкогольная зависимость
Субъективное ощущение одиночества	$r_s=0,367$
Состояние одиночества	$r_s=0,273$
Диффузное одиночество	$r_s=0,421$
Отчуждающее одиночество	$r_s=0,221$
Диссоциированное одиночество	$r_s=0,436$
Субъективно-позитивное одиночество	$r_s=0,214$
Общее одиночество	$r_s=0,295$
Зависимость от общения	$r_s=0,189$
Позитивное одиночество	$r_s=0,154$

Источник: Составлено авторами на основании проведенного исследования

В результате выполненного корреляционного анализа была обнаружена прямая взаимосвязь между отдельными показателями одиночества и алкогольной зависимостью – повышение одного из показателей сопровождалось повышением другого.

Приведенные в табл. 3 оценки подтверждают прямую зависимость между субъективным ощущением одиночества и алкогольной аддикцией, которая может означать потребность подавлять возникшее чувство одиночества алкоголем. В целом, согласно результатам корреляционного анализа, с усилением чувства одиночества растет и вероятность формирования алкогольной зависимости у человека.

Тесная прямая взаимосвязь была зарегистрирована также между диффузным одиночеством, при котором человек совмещает в себе противоречивые личностные и поведенческие характеристики с подозрительностью в межличностных отношениях и алкогольной зависимостью. В связи с этим можно предположить, что люди, пребывающие в состоянии диффузного одиночества, могут быть подвержены алкогольной зависимости.

В процессе острого переживания диффузного одиночества человек стремится к другим людям, надеясь найти в общении с ними подтверждение своей значимости, однако это часто ему не удается, потому что человек не общается в привычном понимании, а лишь пытается «отождествляться» с собеседниками. Такие люди очень сильно реагируют на кризисные моменты, испытывая острое чувство одиночества.

Значимая взаимосвязь была в ходе исследования выявлена между диссоциированным одиночеством – наиболее сложным с точки зрения переживаний

состоянием, которое определяется ярко выраженными процессами идентификации и отчуждения, а также резкой их сменой по отношению, в том числе, к одним и тем же людям, – и алкогольной зависимостью.

Исходя из результатов выполненного корреляционного анализа можно предположить, что люди с диссоциированным одиночеством могут быть подвержены опасности формирования у них алкогольной зависимости.

Таким образом, наиболее тесные взаимосвязи выявлены между алкогольной зависимостью и диффузным, а также диссоциированным состояниями одиночества, а, следовательно, эти виды одиночества можно считать (по итогам исследования) наиболее опасными с точки зрения их роли как фактора формирования алкогольной зависимости.

Обобщая полученную в ходе проведения эксперимента статистическую информацию, можно сделать следующие выводы:

1. Для лиц с алкогольной зависимостью характерны высокие показатели субъективного одиночества, которые значимо отличаются от показателей лиц без алкогольной зависимости.

2. Наиболее выраженными для лиц с алкогольной зависимостью являются диффузный и диссоциированный виды одиночества, а также зависимость от общения.

3. Незначимыми являются различия в значениях отчуждающего и позитивного видов одиночества.

4. Существует прямая положительная взаимосвязь алкогольной зависимости с субъективным ощущением одиночества.

5. Наиболее опасными с точки зрения формирования алкогольной зависимости являются диффузный и диссоциированный виды одиночества.

Гипотеза о том, что субъективное чувство одиночества выступает одним из факторов формирования алкогольной зависимости, в ходе исследования подтвердилась. В этой связи отметим: процесс коррекции переживания одиночества, по мнению многих психологов и психотерапевтов, должен состоять из комплекса тренинговых (индивидуальных и групповых) занятий и обучающей поведенческой терапии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Малашенко, Е. Е. Психология одиночества / Е. Е. Малашенко, Е. С. Азарова, И.М. Петрова // Смоленский медицинский альманах. – 2021. – № 4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologiya-odinochestva> (дата обращения: 11.02.2024).
2. Лучинкина, А. И. Особенности одиночества в сети / А. И. Лучинкина, И. С. Лучинкина // Гуманитарные науки. – 2023. – № 1 (61). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-odinochestva-v-seti> (дата обращения: 15.01.2024).
3. Младенов, В. И. Образ одиночества в философских концепциях одиночества / В.И. Младенов // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. – 2019. – № 6. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-odinochestva-v-filosofskih-kontseptsiyah-odinochestva> (дата обращения: 11.01.2024).
4. Муртазина, И. Р. Представления об одиночестве и особенности его переживания в разные периоды взрослости / И.Р. Муртазина // Мир науки. Педагогика и психология. – 2021. – № 3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/predstavleniya-ob-odinochestve-i-osobennosti-ego-perezivaniya-v-raznye-periody-vzroslosti> (дата обращения: 11.01.2024).
5. Цапенко, А. В. Скрытые влечения женщин с алкогольной зависимостью / А.В. Цапенко // Инновационная наука: Психология, Педагогика, Дефектология. –

2021. – № 6. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/skrytye-vlecheniya-zhenschin-s-alkogolnoy-zavisimostyu> (дата обращения: 18.01.2024).
6. Дереча, В. А. О видах и механизмах личностной зависимости / В.А. Дереча. – Оренбург, 2001. – 120 с.
 7. Моисеева, Т. А. Субъективное ощущение одиночества как фактор формирования алкогольной зависимости / Т. А. Моисеева // Молодой ученый. – 2019. – № 46 (284).
 8. Айвазова, А. Е. Психологические аспекты зависимости / А. Е. Айвазова. – Санкт-Петербург, 2003. – 215 с.
 9. Фромм, Э. Человек одинок / Э. Фромм. – Режим доступа: https://scepsis.net/library/id_898.html. (дата обращения: 12.12.2023).
 10. Немчин, Т. А. Личность и алкоголизм / Т. А. Немчин, С. В. Цыцарев. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1989. – 191 с.
 11. Малашенко, Е. Е. Психология одиночества / Е. Е. Малашенко, Е. С. Азарова, И. М. Петрова // Смоленский медицинский альманах. – 2021. – № 4. – С. 200–203.
 12. Корчагина, С. Г. Генезис виды и проявления одиночества / С. Г. Корчагина. – Москва: Московский психолого-социальный институт, 2005. – 196 с.
 13. Осин, Е. Н. Дифференциальный опросник переживания одиночества / Е. Н. Осин, Д. А. Леонтьев. – Москва: Смысл, 2019.

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

УДК 159.9

DOI 10.58551/24136522_2024_11_1_86

УПРАВЛЕНИЕ ВРЕМЕННЫМИ РЕСУРСАМИ КАК ФАКТОР СНИЖЕНИЯ ЛИЧНОСТНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ

Фокина Елена Сергеевна

кандидат социологических наук, доцент Высшей школы социальных и политических наук Тихоокеанского Госкдарсвенного государственного университета (ТОГУ)

Данная работа отражает специфику процесса управления временными ресурсами в контексте организации трудовой деятельности. Автор изучает особенности процесса планирования и проектирования управления организацией трудовой деятельности с учетом ее потенциальной эффективности.

В данном случае акцент делается на процесс управления как способность руководителя, специалиста определять стратегии результативного поведения, ставить цели, задачи и конкретизировать пути их достижения. Говоря об использовании различных ресурсов, необходимо понимать, что они ориентированы на оптимальную организацию рабочего процесса, который имеет производственные цели. При этом основными участниками трудовой деятельности являются специалисты, которые наделены определенными свойствами и качествами, иногда препятствующими реализации профессиональных функций. К числу таких качеств возможно отнести тревожность, отражающую личностное отношение специалиста к рабочему процессу, выполнению своих обязанностей. Здесь необходимо отметить, что тревожность может являться следствием неэффективной организации рабочего процесса и как результат, в свою очередь, зачастую мешает выполнению непосредственных функций специалиста.

Исходя из этого, нами определена цель работы- изучить процесс управления временными ресурсами, который характеризуется как фактор снижения тревожности.

В качестве объекта возможно выделить управленческий процесс в трудовой деятельности, предметом необходимо назвать проявления личностной тревожности в работе.

Ключевые слова: личностные качества, тревожность, управленческий процесс, трудовая деятельность, ресурсный потенциал, управление ресурсами, личность специалиста, мотивация, управление временными ресурсами, факторы тревожности.

TIME MANAGEMENT AS A FACTOR IN REDUCING PERSONAL ANXIETY

Fokina Elena Sergeevna

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Higher School of Social and Political Sciences of the Pacific State University (TOGU)

This work reflects the specifics of the process of managing temporary resources in the context of the organization of labor activity. The author studies the peculiarities of the planning and design process of managing the organization of labor activity, taking into account its potential effectiveness.

At the same time, the emphasis is on the management process as the ability of a manager, a specialist to determine strategies for effective behavior, set goals, tasks and specify ways to achieve them. Speaking about the use of various resources, it is necessary to understand that they are focused on the optimal organization of the workflow, which has production goals. At the same time, the main participants in labor activity are specialists who are endowed with certain properties and qualities that sometimes hinder the implementation of professional functions. Among such qualities, it is possible to include anxiety, reflecting the personal attitude of a specialist to the work process and the performance of his duties. In this case, it should be noted that anxiety can be a consequence of inefficient organization of the workflow and as a result, in turn, often interferes with the performance of the direct functions of a specialist.

Based on this, we have determined the purpose of the work - to study the process of managing time resources, which is characterized as a factor in reducing anxiety.

As an object, it is possible to single out the managerial process in work; the subject should be called manifestations of personal anxiety at work.

Keywords: *personal qualities, anxiety, management process, work activity, resource potential, resource management, specialist personality, motivation, time resource management, anxiety factors.*

Актуальность темы исследования подчеркивается необходимостью изучения организации эффективного рабочего процесса в контексте современной психологической науки и практики. Трудовая деятельность в содержании данного исследования рассматривается с точки зрения понимая ее структуры, важнейших элементов, а также характеристики основных участников (членов рабочего коллектива, руководителей, социальных партнеров). При этом нас интересуют те свойства и качества, которые оказывают существенное влияние на построение рабочего процесса, эффективность трудовой деятельности.

В контексте этого, интересно рассмотреть специалистов с точки зрения изучения личностных свойств и характеристик, которые могут способствовать повышению эффективности рабочего процесса, а могут препятствовать осуществлению трудовых функций.

Причем данные особенности могут быть вызваны нерациональной организацией и неправильным планированием работы, использования личностных, технических и организационных ресурсов. В этом случае мы можем говорить о раздражимости, агрессии, тревожности сотрудников, что, безусловно, негативно сказывается на производительности труда.

Исходя из этого важно понимать, какие психологические механизмы управления ресурсами, в том числе, временными, задействованы в снятии тревожности и напряженности у сотрудников. Тревожность рассматривается нами с одной стороны, как фактор, снижающий производительность трудовой деятельности, с другой- как результат нерационального планирования рабочего процесса. Именно поэтому необходимо глубоко изучить данную психологическую категорию с точки зрения причин возникновения, личностных и поведенческих проявлений, а также способов их коррекции. В работе раскрываются различные подходы к изучению тревожности, а также содержание трудовой деятельности в контексте ресурсозатратности и активизации комплекса личностных свойств и качеств.

Для полноценного проведения исследования нами определена цель работы-изучить процесс управления временными ресурсами, который характеризуется как фактор снижения тревожности.

В качестве объекта возможно выделить управленческий процесс в трудовой деятельности, предметом необходимо назвать проявления личностной тревожности в работе.

Исследовательские задачи призваны конкретизировать изучения различных аспектов данной проблематики:

Выявление значения психологических ресурсов в эффективной организации трудовой деятельности;

Изучение тревожности как фактора, препятствующего реализации трудовых функций;

Конкретизация методов управления временными ресурсами как фактора снижения личностной тревожности.

Реализация данных задач способствует не только раскрытию данной темы, но также определению дальнейших перспектив исследования и разработке рекомендаций по управлению различными ресурсами, в том числе, временными в целях снижения уровня тревожности у сотрудников.

Методы и методология

Основными методами в нашей работе являются: теоретико- методологический, сравнительный и исторический анализ источников по проблеме исследования.

Публикации современных авторов отражают изучение вопросов эффективного управления временными ресурсами (Киров А.Ю., Кирова И.В., Попова Т.Л.о, специфику различных подходов к использованию и распределению данных ресурсов (Куликов Г. Г., Суворова В. А., Шилина М. А.,). Особое внимание уделяется анализу проблем, возникающих в ходе неправильного планирования времени для организации работы (Болотова А. К., Захарова А. К. и др.), в особенности- тревожности как личностному качеству специалиста (Защиринская О. В., Огарева Е. И., Никифоров А. А.).

Результаты и их обсуждение

Значение психологических ресурсов в эффективной организации трудовой деятельности

В различных отраслях психологии (управления, труда, социальной) достаточно часто используется понятие ресурса- того психологического потенциала, который необходим для осуществления различной, в том числе, личностно и социально значимой, деятельности. Безусловно, значение психологических ресурсов достаточно велико, т.к. они содействуют формированию рабочей мотивации, активизируют выполнение трудовых функций.

Некоторые отечественные авторы [5], изучая феномен ресурса, говорят о роли среды, которая функционирует вокруг человека на микро- мезо- и макроуровнях. По отношению к обучающимся наиболее актуален микроуровень, то пространство, которое призвано обеспечить комфорт и безопасность, где созданы условия развития и совершенствования. Как отмечает ряд авторов [6;7] значение ресурсов заключается не только в их использовании для достижения определенных целей, а в стимулировании способности личности к рефлексии условий внутренней и внешней среды, включения их потенциала в сферу личностного развития.

Психологические ресурсы представляют собой нематериальные свойства, качества, явления и действия, которые повышают эффективность деятельности человека. Исследуя психологические ресурсы специалиста в процессе осуществления трудовой деятельности, можно выделить несколько их групп:

- личностные. Представляют собой комплекс свойств, качеств, ориентиров и установок, которые позволяют планировать и реализовывать трудовые функции (ответственность, целеустремленность, упорство);

- социальные отражают положительную оценку со стороны различных сообществ социума (референтных групп) - одобрение, поощрение, приведение в пример, демонстрация. Это является довольно мощным стимулом формирования профессиональной мотивации, мотивации достижения, а также повышения результативности рабочего процесса;

- организационные ресурсы отражают те процессы и условия, в которых осуществляется трудовая деятельность (распределение нагрузки, управление рабочим временем и пр.). Данный вид ресурсов отражает интеграцию двух предыдущих, т.к.

управление данными ресурсами являет собой активизацию личностных свойств и качеств в рабочем процессе.

Говоря об управлении временными ресурсами, важно подчеркнуть, что данный ресурс является невозобновляемым и с точки зрения психологии тесно связан с проявлением личностных свойств, коммуникативных качеств и организационных способностей [5].

Управление временными ресурсами в отечественной и зарубежной литературе рассматривается в контексте подготовки кадров и повышения эффективности деятельности отдельного специалиста как личности. На это указывают А.Ю. Киров, И.В. Кирова, Т.Л. Попова [3]. Они отмечают значимость научной школы профессора Н. И. Савина, который определил важность формирования у работников умений создания и распределения психологических и организационных ресурсов в контексте методов научной организации труда.

Основой данной школы является обучение специалистов различных категорий и профессий для повышения личной эффективности отдельного человека [3]. Однако, для того, чтобы эффективно управлять временем, распределять его для выполнения определенных функций, работники должны обладать определенным набором личностных свойств и качеств, которые важны для производственной деятельности (ответственность, целеустремленность, инициативность). При этом необходимо минимизировать те личностные характеристики, которые мешают работе.

Тревожность как фактор, препятствующий реализации трудовых функций

Профессиональная деятельность- это сложный многокомпонентный процесс, который зачастую включает высокий уровень стресса, проблемность и конфликтность. Поэтому зачастую он сопровождается проявлением таких нежелательных личностных качеств как вспыльчивость, раздражительность, тревожность.

Данные психологические характеристики, безусловно, негативно сказываются на коммуникации в процессе работы, способности планировать и реализовывать профессиональную деятельность, а также снижают ее результативность.

Говоря о тревожности, мы будем рассматривать ее с двух сторон:

- как личностное качество специалиста, проявление которого снижает эффективность работы;

- как результат неправильного распределения и управления ресурсами, в том числе, временными.

Личностная тревожность в профессиональной деятельности значима не только для самого специалиста, но также отражается на коллегах, подчиненных и партнерах.

Опираясь на эмпирические исследования М. К. Семеновой [9], мы можем подчеркнуть, что самый высокий уровень тревожности у людей, которые выполняют один вид деятельности, не успевая сочетать его с другими и не успевают отдыхать, неправильно управляя временем. Тревожность при этом проявляется в повседневной, рекреационной, профессиональной деятельности, невозможности спланировать рабочее и личное время, построить эффективную коммуникацию из-за страха что- то не успеть, неправильно и не вовремя сделать.

Личностная тревожность, как отмечает К. Р. Сидоров [10], должна быть дифференцирована в контексте тревожных проявлений страха с одной стороны и тревоги и депрессии- с другой. Н.Д. Левитов, указанный работе К. Р. Сидорова, отмечает, что беспокойство, тревожность, внутренняя неуверенность в современной науке интерпретируются как эмоциональное состояние, которое близко к эмоциям страха (или, по мнению Е.П. Ильина, является разновидностью страха). Безусловно, при осуществлении любых трудовых функций все эти проявления нежелательны и негативно влияют на эффективность. Поэтому необходимо максимально использовать различные ресурсы для того, чтобы тревожность была снята. В данных целях необходимо проводить диагностику тревожности сотрудников на различных этапах производственной деятельности. Для этого могут использоваться такие методики как

эффективный опросник Цукермана, шкала реактивной личностной тревожности, опросник Ч. Спилбергера и пр.

Подобная диагностика позволит дифференцировать сотрудников на различные группы в целях проведения занятий с элементами тренинга, обучения управлению временными ресурсами, а также снятию тревожности и напряжения.

Как показали исследования отечественных ученых [9], рациональное использование различных ресурсов, в том числе, временных, снижает уровень тревожности у работников, позволяет спланировать рабочее и личное время.

Тревожность при этом, как результат неправильного управления временем, носит ситуативный характер и не влияет на эффективность рабочего процесса, если специалист учится ее контролировать как любую другую эмоцию и логически отвергает ее наличие вследствие сформированности способности управлять временем.

Методы управления временными ресурсами как фактор снижения личностной тревожности

В отечественных исследованиях управление временными ресурсами затрагивает более широкий спектр направлений и действий, нежели в западном тайм-менеджменте [3;5;7].

Данное направление охватывает формирование тех личностных свойств и качеств, которые позволяют специалистам управлять временными ресурсами для достижения производственных целей, а также осуществлять личностный рост и совершенствование.

Для достижения личностно и социально значимых целей необходимо сформировать систему субъективных ценностей, определить кратко- и долгосрочные перспективы деятельности. Это обуславливает необходимость расстановки приоритетов, ранжирования задач и распределения временных ресурсов для их выполнения. Данные действия включают выделение критериев значимости ключевых задач, реализацию техник фильтрации, поиска, хранения и использования информации. Управление временем предполагает не только распределение временных отрезков, но и удержание их под контролем в контексте умения дифференцировать и сопоставлять объем необходимой работы и временной интервал, который для этого отводится. Поэтому управление временными ресурсами отражает развитие когнитивных способностей специалистов (мышление, воображение, память), прогностических и проективных умений (распределение времени в соответствии с поставленными задачами, расчет необходимых временных затрат для выполнения определенных функций и операций), личностных качеств, которые помогают руководить как своей деятельностью, так и производственным процессом в целом.

Отечественная научная школа управления временем [10] большое внимание уделяет организации отдыха, умению делать перерывы и переключаться на различные виды деятельности, отличные от профессиональной. Это повышает работоспособность и снижает тревожность, которая также может являться последствием эмоциональной и физической перегрузки.

Для того, чтобы понимать значение эффективного управления временными ресурсами для снижения уровня тревожности, необходимо дифференцировать страх и тревогу. Данные различия введены в психиатрию К. Ясперсом. В контексте этого ситуативная тревога ощущается вне связи с каким-нибудь стимулом («свободно плавающая»), а тревога, основанная на страхе, соотносится с определенными стимулом и объектом [10]. Именно поэтому управление временем актуально рассматривать как психофизиологическое стимулирование работника, позволяющее дифференцировать время на отдых, выполнение дел, профессиональную деятельность и в связи с этим планировать потенциальные личностные, эмоциональные, интеллектуальные затраты.

Снижение тревожности является фактором, очень важным для повышения эффективности производственной деятельности, она предполагает рефлексию и личностное осмысление причин ее появления. В связи с этим ряд авторов

(О. В. Соловьева, Д. М. Иконникова) вводит понятие временной компетентности, как профессионально важного качества, обладающей многофункциональностью и оказывающей значительное влияние на формирование других личностно и социально значимых компетентностей.

В контексте данной теории временная компетентность рассматривается как системное личностно-профессиональное качество индивида. Данная компетентность – это не только умение управлять временем, но и система качеств, которые формируются на основе интеграции временных предикторов (сбалансированная временная перспектива, опыт успешного планирования и использования времени) и индивидуально-психологических особенностей личности (осмысленность жизни, локус-Я, мотивация достижения, когнитивные и рефлексивные способности).

Таким образом, говоря об управлении временем, большинство психологов утверждают о необходимости построения системы тренинговых занятий, направленных на совершенствование личностных, коммуникативных и профессиональных свойств и качеств.

Управление временными ресурсами как результат функционирования временной компетентности – это деятельность, имеющая определенные цели и структуру. И от того, какие цели являются приоритетными, зависит содержательное наполнение управления как процесса регуляции эмоций, поведения, построения коммуникации.

Дезорганизация рабочего и личного времени является достаточно серьезной проблемой, которая заключается не в недостатке ресурса, а в неумении им управлять. Временной ресурс, который неправильно организован, может казаться недостаточным для определенного объема работы, от этого специалист торопится выполнить необходимые функции, что идет в ущерб качеству работы и безусловно, негативно влияет на эмоциональную стабильность, психологическое состояние в целом. Это подтверждает тот факт, что управление временем тесно связано с личностной саморегуляцией и обуславливает необходимость научения данному виду деятельности, актуализируя развитие личностного потенциала.

Время является тем ресурсом, который невозможно восполнить, однако его ограниченность – это не самая большая проблема, которая способствует неудовлетворенности специалистов собой, своей работой. В данном случае необходимо говорить о формировании управленческих способностей и проявлении их в профессиональной деятельности.

Таким образом, нами выявлена взаимосвязь между тревожностью и неумением личности управлять временем. Эта связь негативно влияет на все сферы деятельности – личностную, профессиональную и поэтому необходимо со специалистами, имеющими повышенный уровень тревожности, проводить комплекс тренинговых, обучающих занятий, которые направлены на формирование умения управлять временем.

Однако, управленческий аспект предполагает также формирование способности принятия решений, ответственности за их исполнение, а также совершенствование личностных свойств и качеств, необходимых для руководства. При этом мы говорим не обязательно о формальных должностях, а о специалисте, как личности, управляющей своими ресурсами и возможностями.

Рациональное распределение временных ресурсов позволяет минимизировать личностные, эмоциональные затраты, эффективно организовывать коммуникацию и реализовывать рабочий процесс.

Кроме того, как мы уже отметили, временная компетентность является частью общей профессиональной и поэтому необходима к формированию и совершенствованию у специалистов любого уровня и профессии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болотова А. К., Захарова А. К. Временные перспективы и феномен прокрастинации в профессиональной деятельности // CCS&ES. 2022. №3. С.90-97.
2. Защирина О. В., Огарева Е. И., Никифоров А. А. Тревожность и коммуникативные свойства личности // Педагогический ИМИДЖ. 2023. №2 (59). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trevozhnost-i-kommunikativnyesvoystva-lichnosti> (дата обращения: 21.02.2024).
3. Киров А.Ю., Кирова И.В., Попова Т.Л. История становления тайм-менеджмента в России // Экономика и социум. 2015. №3-3 (16). С.220-225.
4. Кузяшев А. Н., Талипова А. Р. Стратегическое планирование и тайм-менеджмент // Эпоха науки. 2020. №22. С.130-133.
5. Куликов Г. Г., Суворова В. А., Шилина М. А., Хисаметдинова А. К. Системный подход к информационному моделированию интеллектуального управления временными ресурсами в предметно-ориентированной области (на примере управления расписанием занятий университета) // Вестник ЮУрГУ. Серия: Компьютерные технологии, управление, радиоэлектроника. 2020. №3 С. 146-156.
6. Леонтьев С.М. Эффективное планирование и распределение ресурсов в проектах // Вестник магистратуры. 2023. №8 (143). С. 56-57.
7. Мамед-Заде Г.А.О., Забайкин Ю.В., Назарова З.М. Повышение результативности командной работы при преодолении стресса в проектном подходе // Управление образованием: теория и практика. 2022. №8 (54). С. 39-58.
8. Мохов Владимир А., Бабушкина Светлана Л. Роль экзистенциального опыта в переживании ситуации неопределенности // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2022. №2. С. 26-46.
9. Семенова М. К. Взаимосвязь уровня тревожности с выраженностью черт характера // Human Progress. 2018. №6. С. 1-10.
10. Сидоров К. Р. Тревожность как психологический феномен // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2013. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trevozhnost-kak-psiologicheskiy-fenomen> (дата обращения: 22.02.2024).
11. Соловьева О. В., Иконникова Д. М. Временная компетентность как психологический феномен и предмет научной рефлексии // Проблемы современного педагогического образования. 2022. №75-2. С. 397-399.
12. Толочек В. А. Феномен "ресурсы": Топос и Хронос в актуализации условий внешней среды как ресурсов // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2018. №3. С. 250-260.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 37.032

DOI 10.58551/24136522_2024_11_1_94

ЗНАЧИМОСТЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК СВЯЗУЮЩЕГО ФАКТОРА В РАЗВИТИИ АВТОРИТЕТА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Колесов Владимир Иванович

Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор, доктор педагогических наук, кандидат экономических наук, магистр образования, профессор межфакультетской кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Заслуженный деятель науки и образования РАЕ, академик РАЕ, Лужский институт (филиал) Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург

E-mail: vi_kolesov@mail.ru

SPIN-код: 7102-0080

Архиповская Елена Петровна

Заместитель декана факультета психологии по воспитательной работе, старший преподаватель кафедры педагогики и педагогических технологий Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Ленинградской области «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина», прикрепленное лицо ФГБНУ «Института стратегии развития образования»

E-mail: elkaarhipka@mail.ru

SPIN-код: 9077-0445

В статье рассматривается актуальная проблема эмоционального интеллекта в современном мире. В настоящее время в системе образования активно пересматривается отношение к обучению специалистов управленческого звена, особое внимание отводится освоению вновь открытых технологий, влияющих на процесс коммуникации между людьми. В свете последних аналитических исследований факторов, оказывающих действие на уровень успешности компаний, оказалось, что эмоциональная составляющая переговорного процесса внутри коллектива, либо на внешнем периметрии взаимодействия представителей организации, обладает большим ресурсом воздействия при умелом обращении и постоянной практики сотрудников в межличностном общении.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, деловые коммуникации, когнитивные способности, способности человека, компетенции специалиста.

THE IMPORTANCE OF EMOTIONAL INTELLIGENCE AS A CONNECTING FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF TEACHER AUTHORITY IN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS

Kolesov Vladimir Ivanovich

Professor of the Interfacult Faculty of Humanities and Natural Sciences, Leningrad State University named after A. S. Pushkin, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Economic Sciences, Professor.

E-mail: vi_kolesov@mail.ru

Arkhipovskaya Elena Petrovna

Deputy Dean of the Faculty of Psychology for Educational Work of the Pushkin Leningrad State University, Attached person of Institute for Strategy of Education Development of the Russian Academy of Education

E-mail: elkaarhipka@mail.ru

The article deals with the actual problem of emotional intelligence in the modern world. Currently, the education system is actively reviewing the attitude to the training of management specialists, special attention is paid to the development of newly discovered technologies that affect the process of communication between people. In the light of recent analytical studies of factors affecting the level of success of companies, it turned out that the emotional component of the negotiation process within the team, or on the external perimeter of the interaction of representatives of the organization, has a great resource of influence with skillful handling and constant practice of employees in interpersonal communication.

Keywords: *emotional intelligence, business communications, cognitive abilities, human abilities, specialist competencies.*

В настоящее время специалисты по развитию кадрового персонала относят данный ресурс к практике изучения эмоционального интеллекта человека. Люди плачут и страдают, испытывают восторг и удовлетворение, зависть и ревность, другие всевозможные эмоции. В деловой ситуации они вряд ли откровенно будут откровенно обсуждать наличие заявленных чувств к своим сослуживцам, признаются проблеме в области коммуникации. Между тем проработка эмоциональных реакций в условиях деловой игры очень полезна с точки зрения контроля поведения человека или хотя бы сдерживания импульсивных, нерациональных поступков.

Основная часть. Психолог, основоположник теории эмоционального интеллекта Д. Гоулман поясняет, что эмоциональный интеллект, в контексте восприятия человеком окружающей действительности, включает определенные способности. Эмоциональный интеллект позволяет нам генерировать собственную мотивацию и настойчиво стремиться к достижению целей, несмотря на неудачи. Он помогает нам контролировать наши импульсы и откладывать получение удовлетворения, а также управлять нашими эмоциями, чтобы они не мешали нашей способности когнитивно мыслить, проявлять сострадание и сохранять надежду. [5, С.61.]

Правильное использование особенностей эмоционального интеллекта помогает задействовать ресурсы памяти в максимальном объеме, что в свете изменений здоровья сотрудников после ковидного периода, имеет стратегическое значение для работоспособности коллектива. Как отмечают исследователи когнитивных способностей человека, например, миндалевидное тело, как важная часть нашего мозга, прилежно выполняет роль вместилища эмоциональной памяти, сканирует переживаемое, сравнивая ситуацию с предыдущим опытом, используя ассоциативный метод сравнения. Поэтому человек реагирует в настоящем, пользуясь теми впечатлениями, мыслями, эмоциями и реакциями, которые отпечатались в нас в далеком прошлом в похожей ситуации [5, С.41].

Система проведения управленческих деловых игр может включать аналитическую часть по изучению эмоциональных реакций человека в предполагаемой ситуации без акцентирования внимания на личности сотрудника. Участник играет роль индивида, наделенного определенными эмоциональными особенностями, чертами характера, которых, по мнению ведущего игры, наблюдающего психолога, ему не достает в реальной жизни.

При завершении игры данный участник может описать чувства, эмоции, испытанные им в условиях роли, оценить преимущества и недостатки предлагаемого поведения. Эту стратегию можно использовать в обратной ситуации. Когда сотрудник

обладает качествами, мешающими общению. В рамках игры ведет себя в рамках своего темперамента. При обсуждении роли другие члены команды могут высказать свои замечания в рамках обсуждения роли. В данном случае корректирование поведения происходит в наиболее щадящей для самолюбия человека форме. Благодаря такой форме обучения коммуникации формируется взаимоуважение участников игры, происходит обмен опытом, в результате анализа ситуации возникает процесс сотрудничества и взаимовлияния.

Современные условия конкурентной борьбы между специалистами, достигшими высокого уровня в своем профессиональном сегменте рынка, накладывают обязательства не только по поддержанию определенного качества предоставления услуг, но и требуют постоянного повышения уровня компетенций специалиста. Проведения деловых игр позволяет в доступной форме разобрать нововведения законодательства, документооборота и другие профессиональные источники информации, необходимые для исполнения задач, глобальных целей, миссии организации.

Материалы монографического исследования, реализуемые в форме деловых игр, должны сформировать необходимую базу для практических тренингов, подготовить участников занятий по повышению уровня компетенций к неординарным либо психологически неожиданным ситуациям, в которых потребуются использовать умения и навыки, приобретенные и проанализированные в ходе деловых игр. В научном исследовании рассматривается значение эмоционального интеллекта, влияние на уровень авторитета преподавателя в студенческой группе. Представлены формы развития различных видов интеллекта, не связанных с логическим мышлением: тренинговые занятия по развитию эмоционального интеллекта, деловая игра «Шесть шляп», теория решения юмористических задач.

Эмоциональный интеллект является важнейшим катализатором развития авторитета преподавателя. Авторитет отмечает наличие способностей увлечь студентов, долго удерживать внимание на предложенной теме, получить обратную связь, организовать взаимодействие обучающихся в группе. Лидерский авторитет, как правило, является неотъемлемой частью влиятельной личности в цифровой среде. Развитие технологий цифрового пространства не всегда происходило гладко, на заре развития интернета главным катализатором служил авторитет в группе разработчиков, поскольку общественное мнение не то, чтобы не поддерживало разработку и внедрение в социальную среду компьютерных программ, а плохо представляла развитие данной индустрии.

Понятие «эмоциональный интеллект» было открыто американскими психологами Джоном Д. Майером Питером Саловеем, в 90-х годах XX века, в ходе обсуждения и изучения связи эмоционального интеллекта с умственными способностями. Эмоциональный интеллект - это умственные способности, которые помогают воспринимать свои собственные чувства и чувства других людей.

Ученные выяснили, что 80% успеха в социальной и личной сферах жизни определяется уровнем развития эмоционального интеллекта, и только 20% составляет всем известный IQ - интеллект коэффициент [13].

Умственные способности, характеризующие эмоциональный интеллект (Майер Дж.Д.): идентификация и выражение эмоций, данные способности создают двустороннюю направленность на себя и окружающих; регуляция эмоций, предполагает двустороннюю направленность; эмоциональная информация в мышлении и деятельности [13].

Согласно теории «множественного интеллекта» Гарднера, успех зависит не только от разума, но и от различных форм интеллекта. Теория Гарднера предполагает существование различных видов интеллекта, таких как лингвистический, математический, музыкальный, визуально-пространственный, физический, межличностный, внутренний и др. Каждый человек может обладать своей уникальной

комбинацией этих видов интеллекта, и успех может быть достигнут через развитие и использование этих разнообразных способностей [4].

В подтверждении этой теории отметим закономерность, что преподаватель, который обладает авторитетом у студентов, часто отличается высоким уровнем вербального интеллекта. Ученый, специализирующийся в области управления и паблик рилейшнз, И.В. Алешина, объясняет, что для умения убеждать и говорить без подготовки требуется иметь высокий уровень профессионального вербального интеллекта и волевых характеристик [1].

В современном мире к авторитету преподавателя со стороны студентов предъявляются высокие требования. Цифровая среда, до восьмидесяти процентов которой составляет развлекательный контент, является серьезным конкурентом традиционному вербальному общению.

Получая обратную связь, во время учебного диалога, который включает работу с информацией и обмен эмоциями, педагогу необходимо быть способным адекватно воспринимать и интерпретировать эмоции детей. Для этого требуется иметь приемлемый уровень эмоционального интеллекта. Эмоциональный интеллект является одним из ключевых компонентов профессиональной культуры педагога, он помогает взаимодействовать и понимать эмоциональные проявления учеников [12, С.121].

Следует отметить, что умелый педагог, при полном доверии и создании легкого психологического климата в группе обучающихся, остается в роли «ведущего» к цели занятия, определяющего время движения и включения «сигналов светофора» для остановки у границ личного пространства не только студентов, но и прежде всего личной эмоциональной территории.

Российский психолог М.Ю. Кондратьев определяет понятие "авторитет" как внутреннее признание, которое окружающие люди дарят тому, кого считают способным принимать ответственные решения во время совместной деятельности [9]. В академической среде авторитетная личность играет важную роль в процессе обучения. Она обладает определенным опытом, властью и влиянием, что делает ее привлекательной для подражания. Для индивидуумов в группе, подражательный момент к значимой фигуре основан на оценке ее опыта и способности выживать в агрессивной социальной среде.

Следует отметить, что авторитетная личность в социальной группе (академической среде) обладает определенными психологическими особенностями. Они имеют способность оказывать внушающее воздействие на других людей и направлять их мысли, чувства, поступки и действия, не прибегая к принуждению, насилию или манипуляции. Они внушают доверие и уважение, что делает их влияние эффективным и убедительным [10].

Тренировочные занятия по развитию эмоционального интеллекта, других видов интеллекта, направленных не на развитие логических способностей, а на нешаблонное мышление, востребованных при создании идей могут проводиться в различных формах.

С.П. Деревянко, российский исследователь, занимается проведением тренингов, направленных на развитие эмоционального интеллекта. В ходе тренинговых занятий осуществляется стимуляция и углубление способностей к восприятию и пониманию эмоций, а также обучение эффективным методам и приемам управления эмоциональными состояниями. Полученные знания применяются на практике [7, С.82.].

Понимание личного эмоционального состояния помогает обучающимся оценить влияние, оказываемое страхом, волнением, радостью, апатией, удивлением, злостью и другими формами эмоциональных реакций, на поведение индивида.

Другая форма – деловая игра, как педагогический помощник развития коммуникативных качеств курсантов, студентов, активно используется педагогами в образовательных программах [17]. Деловая игра часто направлена на безболезненное

преодоление возрастного барьера между преподавателем и студентами, поскольку подразумевает некоторый отход от привычного ритуала общения, перевоплощение, в том числе психо-эмоциональное, исполнение роли «ребенка». Эффективно тренирует навыки освоения нестандартного мышления деловая игра «Шесть шляп», основанная на методике «Латеральное мышление», авторство которой принадлежит британскому ученому Эдварду де Боне. 1970 год опубликования книги «Lateral Thinking: Creativity Step by Step» [18].

Техника игры подразумевает изучение исходных условий с различных, порой противоположных, точек зрения, подвергая сомнению первое впечатление от задачи. Латеральное мышление, от английского выражения *lateral thinking*, означающего «направленный в сторону». Нестандартное, нешаблонное мышление, довольно часто игнорируемое человеческим мозгом, требует усилий для воспроизведения, аккумуляции идей. Поскольку наш мозг предпочитает мыслить логически, вертикально, выбирая обычные и предсказуемые решения, последовательные, обоснованные шаги, от нашего осознания «укрываются» метафорические, пространственные решения [18].

По условиям деловой игры «Шесть шляп» каждый участник в процессе надевает одну шляпу, то есть рассматривает идею с точки зрения, ограниченной заданными условиями, но по движению игры должен перемерить все шляпы поочередно. Белая шляпа символизирует аналитическое мышление, апеллирует только фактами. Красная шляпа выражает эмоциональное мышление, человек распознает чувства, интуитивные догадки, предчувствия, эмоции. Черная шляпа символизирует критическое мышление, объект или задача рассматривается с позиции возможных ошибок, наличия слабых мест, недостатков, проблем и способов их решения. Желтая шляпа реализует оптимистическое мышление, позитивный взгляд, обращает внимание на преимущества, перспективы проекта.

Зеленая шляпа воссоздает творческое мышление, генерацию, модификацию идей. Синяя шляпа транслирует мышление в большой перспективе, предназначена для организации и управления процессом мышления. Надевая каждую из шляп человек «входит» в метафорическую ситуацию использования только одного способа мышления [2, С.33.].

На первый взгляд идея деловой игры достаточно проста, однако при прохождении этапов требует от участников большого количества усилий, так как человеческий мозг, в принятии решений чаще склоняется к логическому мышлению. Российский ученый, профессор кафедры психологии МГТУ им. Г.И. Носова М.В. Мусийчук, бразильский ученый, педагог, профессор Федерального университета Уберландии Р.В. Пуэнтес, Российский философ, доцент МГТУ С.В. Мусийчук разработали теорию решения юмористических задач. Они предполагают, что развитие эмоционального интеллекта эффективно происходит в процессе решения юмористических задач, восприятие юмористического текста играет важную роль, поскольку в нём порождается новый, имплицитный смысл на основе компоновки текста с высокой степенью контраста, двусмысленности или многозначности [14].

Виды юмористических задач представлены М.В. Мусийчук в учебном пособии к спецкурсу «Развитие творческого воображения или «Дюжина приемов остроумия и кое-что в придачу» [15]. Положительной компонентой юмора является получение удовольствия от процесса, что становится мощной мотивацией деятельности, увеличивает продуктивность мозговой активности, снижает утомляемость индивида, а потому влияет на процессы реактивного торможения процесса запоминания. Приведем пример, студентам представлено задание: завершить несколько незаконченных предложений в юмористической форме опираясь на тематику учебного занятия. Осуществление задания разряжает обстановку и ставит эмоциональные «якоря» для улучшения запоминания.

Юмор оказывает положительное влияние на эмоциональное состояние человека. Он способствует эмоциональному отстранению и повышению

объективности восприятия. Гносеологическая природа юмора заключается в использовании остроумных приемов, таких как парадоксы, абсурд, метафоры, каламбуры и другие, для выражения содержания и развития способов познания [14].

Применение юмористических задач способствует разрушению стереотипов, что, в свою очередь, формирует новый взгляд на возможности решения проблемы, создает платформу для применения видов интеллекта, не связанных с логическим мышлением. Юмористическая форма помогает преодолеть порог нормы, транслируемый установками сознания, сформированными на основании уже имеющегося жизненного опыта.

Проигрывание ситуации на юмористических моделях позволяет спланировать эмоциональную реакцию на возможные результаты поражения, принятие ситуаций, связанных с нереалистичными ожиданиями, без ущерба для потребности в самоуважении личности. Для достижения этих целей в группе заранее проговариваются критерии юмористической составляющей, значимым условием процесса определяется отсутствие агрессивных компонентов беседы, именуемых иронией.

Если вопрос обсуждения является слишком личным, деликатным, затрагивает вопросы здоровья, решение юмористических задач эффективнее проводить с применением условных либо реальных «масок». При использовании метода в цифровой среде возможно воссоздание «альтернативной реальности» применяя компьютерную графику, либо наложение масок в виде компьютерных компонентов, создаваемых специальным программным обеспечением.

В условиях современного социума возникают новые задачи, требования, предъявляемые к преподавателю, его профессиональному мастерству, авторитету, освоению новых компетенций, развитию эмоционального и других видов интеллекта, не связанных с логическим мышлением. Общество желает видеть идеализированного профессионала, не знающего усталости, не испытывающего отрицательных эмоций, обладающего абсолютными знаниями. Реальные условия профессиональной жизни человека вносят свои коррективы в компетенции преподавателя, обладающего авторитетом среди обучающихся и коллег.

Освоение методик, развивающих эмоциональный интеллект, помогает справиться не только с задачами профессиональной деятельности, но и снизить психологическую нагрузку, возникающую при работе со студентами, имеющими различные представления о выражении эмоций, поведении в общественных местах, границах требований, предъявляемых к педагогу. В представленном материале рассматривается вопрос тактики продвижения личной деловой репутации в цифровой среде. Рассмотрены конкурентные отличия в работе сотрудник с высоким потенциалом от результативного сотрудника. Отмечена особенность, что презентации в цифровой среде с применением технических новинок могут быть эффективным инструментом для выделения контента и привлечения внимания в ситуации, где большое количество новичков.

Наиболее эффективными методами распространения личного делового имиджа в цифровой среде являются тактики маркетингового продвижения личного бренда, базирующиеся на конкретных действиях. Представленный коллегам образ отличается профессиональными характеристиками. Манера поведения, лингвистические навыки, достоверность предоставляемой информации и возрастная идентификация говорят о принадлежности к определенной социальной группе. Предположим, мы можем представить преподавателя как человека с грамотной речью, способного вести длительные беседы, предпочитающего скромную одежду в нейтральных тонах и соблюдающего рамки приличия.

Стоит отметить, что на рынке цифровых услуг особенно востребованы специалисты, способные предлагать нестандартные решения и объединяющие креативные идеи с рациональными свойствами. Примерами таких продуктов могут быть компьютерные игры, образовательные технологии, графический и рекламный

дизайн, основанный на погружении и подсознательном воздействии. Особое признание получает мышление, которое использует интуитивные предчувствия и нестандартные подходы мышления.

По мнению В.А. Спивака, достижение непривычных результатов связано с понятием "талант". В любой области предпочтение отдаётся людям, которые вносят предложения, разрабатывают новые концепции и принимают решения, являющиеся проявлением таланта в социально одобряемом смысле этого понятия [16, С.39.].

Для успешного продвижения личной деловой репутации в цифровой среде важно развивать навыки креативного мышления. Интеллектуальные способности, высокий уровень восприятия знаний и стремление к обучению имеют ключевое значение для достижения успеха. Современные успешные компании делают акцент на работе с высокопотенциальными и талантливыми сотрудниками, что отражается в использовании международного сокращения HiPo (High Potential) в профессиональной литературе [20].

Специалисты по менеджменту персоналом на рынке труда отмечают, что сотрудники, обладающие высоким потенциалом, эффективно выполняют профессиональные обязанности в своей области. Они способны достигать трудовых целей с высоким качеством и показывать отличные результаты на более высоких ролевых позициях в карьерном росте.

Специалисты, которые обладают ресурсами для личностно-профессионального развития, проявляют определенные личные качества и показывают последовательность в своих действиях. Их любознательный характер проявляется в стремлении узнавать новое, изменять приоритеты и конструктивно воспринимать критику. Интеллектуально развитые люди обладают проницательностью и умением анализировать и осмысливать информацию в контексте появляющихся перспектив. Люди с выдающимися способностями способны представить свои идеи в группе, проявлять лидерские качества и стремиться к достижению цели, несмотря на возможные неудачи. Эта глубокая уверенность в сохранении "направления движения" основана на правильной мотивации.

В исследовании Л.И. Кузнецова «Личная деловая репутация в цифровой среде как критерий профессионального роста студента» отмечается, что люди с выдающимися способностями обладают честолюбием и стремятся оставить свой след в истории. Однако, они также привлекаются широкими общими целями и отличаются скромностью, а также стремятся к постоянному совершенствованию в своей области. Стратегия развития личной деловой репутации в цифровой среде включает показ высокого потенциала, достижение результатов и непрерывного профессионального роста, однако новое поколение, такие как инфлюенсеры, подвергают сомнению необходимость получения высшего образования в достижении высокого уровня карьеры и заработка в онлайн-среде [11,20].

Исследование статистических данных показывает, что за последние десять лет доля родителей, ожидающих, что их дети-выпускники будут продолжать обучение в высших учебных заведениях, сократилась примерно в два раза. Такие данные получены из опроса, проведенного сервисом Superjob в 2021 году и использованных РБК для анализа [8]. Некоторые родители при формировании своего мнения учитывают тот факт, что получение технической профессии является более предпочтительным в ближайшее время, поскольку оно может обеспечить более ясные и стабильные перспективы в сравнении с неопределенностью после окончания высшего учебного заведения.

Бывшие школьники часто видят свой путь к реализации карьерных амбиций в цифровой среде в качестве блогеров и инфлюенсеров. Тем не менее, следует понимать, что классическое образование имеет практическую значимость, поскольку помогает систематизировать полученные знания и создает фундамент для дальнейшего профессионального роста. Через изучение научной дисциплины, можно выделить

интересующую область, которая станет основой для развития специалиста с научной и индивидуальной точки зрения, учитывая взаимосвязь с другими параметрами.

Цифровая среда может быть полезно-вспомогательным инструментом для продвижения уникальных характеристик профессионально-личностной деловой репутации. На рынке услуг существуют компании, которые помогают разработать стратегии управления персоналом и выявлять сильные стороны каждого сотрудника с учетом требований рынка труда.

Международная сеть "Делойт" акцентирует свою экспертизу и аналитические возможности в области управления персоналом на своем веб-сайте. Где они предлагают анализировать и изучать международные тенденции в этой сфере [6]. Цифровая платформа Startexam предлагает свою услугу оценки по методу 360 градусов, где возможно выявление сильных сторон роста сотрудников. Они также предоставляют возможность разработки индивидуальных планов развития для каждого сотрудника [19].

Упомянутые в примере цифровые платформы, которые действуют в рамках программы поиска сотрудников с высоким потенциалом, помогают выявить подобных кандидатов. Однако стоит отметить, что не все результативные сотрудники обладают необходимыми характеристиками, которые гарантируют успешное продвижение по карьерной лестнице без потери качества работы, способности глубже воспринимать новую информацию и осваивать большие объемы знаний. Просто быть результативным не всегда гарантирует, что сотрудник оправдает ожидания руководителя при переводе на более ответственную должность.

Действия руководства, направленные на перемещение сотрудников внутри компании в соответствии со способностями их профессиональной ценности, являются наиболее эффективными. Однако, помимо разработки тактики продвижения своего блога, необходимо также уделять внимание контенту и его качеству. Пользователи цифровой среды требовательны к интересному и полезному контенту, поэтому важно создавать оригинальный и уникальный контент, который будет привлекать внимание и вызывать интерес у аудитории.

Также, важно активно взаимодействовать с аудиторией, комментировать и отвечать на вопросы, проводить опросы и опросы мнения. Это поможет укрепить личную деловую репутацию, создать лояльность аудитории и привлечь новых подписчиков.

Не стоит забывать о постоянном мониторинге своей репутации в цифровой среде. Важно отслеживать упоминания о себе и своем блоге, как положительные, так и отрицательные, и реагировать на них соответствующим образом. Негативные отзывы или комментарии можно использовать для улучшения своего контента и работы над своими недостатками.

Кроме того, стоит изучать конкурентов и анализировать их стратегии продвижения. Это поможет определить сильные и слабые стороны своего блога и внести соответствующие коррективы в свою тактику.

Наконец, необходимо быть активным участником профессиональных сообществ и событий, связанных с вашей тематикой. Принимать участие в конференциях, вебинарах и других мероприятиях позволит вам установить контакты с единомышленниками, получить новые знания и опыт, а также расширить аудиторию своего блога.

В целом, разработка и реализация тактики продвижения личной деловой репутации в цифровой среде требует постоянного развития, общения с аудиторией и изучения рынка услуг. Только так вы сможете выделиться среди конкурентов и привлечь большую аудиторию к своему блогу.

Пример Павла Иванова и его интерактивной 3D-инсталляции "Виртуальный промоутер" является отличным примером успешного использования новых технологий в цифровой среде. Интерактивные инсталляции становятся все более

популярными и востребованными в сфере маркетинга и рекламы, так как они позволяют привлекать внимание аудитории и создавать запоминающийся опыт.

Использование модели голограммы, которая отображается на прозрачной панели, делает инсталляцию уникальной и привлекательной для зрителей. Возможность распознавания речи и ответа на вопросы усиливает эффект взаимодействия и делает инсталляцию еще более привлекательной для компаний.

Такие технологии особенно популярны среди компаний, которые стремятся продвигаться на цифровом рынке, так как они позволяют создавать уникальные и запоминающиеся моменты взаимодействия с аудиторией. Компании, такие как "Газпром", Сбербанк, Apple, Mobil, Pfizer, RalfRinger, используют интерактивные инсталляции для привлечения внимания к своим продуктам и услугам.

Важно отметить, что использование новых технологий также находит применение в государственных программах, направленных на реновацию музеев и создание интерактивных выставок. Такие инсталляции помогают сделать музейные экспозиции более интересными и доступными для посетителей, а также позволяют удивлять и впечатлять аудиторию.

Пример Павла Иванова и его успешной компании показывает, как новые технологии могут быть применены для продвижения и привлечения внимания к бренду или продукту. Использование интерактивных инсталляций позволяет создавать неповторимые и запоминающиеся эффекты, которые помогают компаниям выделиться среди конкурентов и привлечь внимание аудитории [3].

Заключение. Процесс подготовки сотрудников в организации с высокими приоритетами и миссией, направленной на освоение высоких рубежей современной бизнес-индустрии, планируемой тенденцией развития на мировых рынках, является постоянным. Организации, нацеленные на успех, не жалеют времени и финансовых вложений, затраченных на подбор персонала и повышение квалификации сотрудников.

Научные исследования, направленные на развитие персонала, подтверждают недостаточное освоение молодыми специалистами коммуникативных компетенций. Этот факт во многом связан с цифровизацией досуга детей и подростков, когда для социализации не требуется живое общение, искусственный интеллект все больше замещает общение со сверстниками компьютерными собеседниками с программой разговора, подстраиваемой под интересы пользователя.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алешина, И.В. Паблик Рилейшнз для менеджеров = Public Relations for managers : Курс лекций / И. В. Алешина. - Москва : ЭКМОС, 2002. - 478 с.
2. Боно, Эдвард де. Искусство думать [Текст] : латеральное мышление как способ решения сложных задач : перевод с английского : [12+] / Эдвард де Боно. - Москва : Альпина Паблишер, 2015. - 171 с.
3. Голограммы в России [Электронный ресурс] // РБК / главная/ URL: https://www.rbc.ru/own_business/30/08/2017/59a54e7d9a7947b6a4fb2f27 (дата обращения: 10.02.2024).
4. Гоулман, Д. Эмоциональное лидерство. Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта. /Д. Гоулман. пер. с англ. А. Лисицына. - ООО «Альпина Паблишер», 2014. - 384 с.
5. Гоулман, Д., Эмоциональный интеллект / Дэниел Гоулман; пер. с англ. А.П. Исаевой. - М.: АСТ: АСТ МОСКВА; Владимир: ВКТ, 2009. - 478с.
6. Делойт. Международное исследование тенденций в сфере управления персоналом [Электронный ресурс] //URL <https://e-queo.com/blog/expertnie-stati/mezhdunarodnye-tendentsii-2020/> (дата обращения: 10.02.2024).
7. Деревянко, С.П. Развитие эмоционального интеллекта в тренинговых группах // Психологический журнал. - 2008. №2. - С. 79 - 84.

8. Доля желающих отдать детей в вузы россиян упала в два раза за десять лет [Электронный ресурс] // rbc.ru / новости / URL:<https://www.rbc.ru/society/19/03/2021/6053a3e19a7947985bc38137>(дата обращения: 10.02.2024).]
9. Кондратьев, М.Ю., Ильин В.А. Азбука социального психолога-практика: справочно-энциклопедическое издание / М. Ю. Кондратьев, В. А. Ильин. - Москва : Per Se, 2007. - 463 с.
10. Князев, Е.Б. Взаимосвязь социально-психологических характеристик личности и подчиняемости авторитету у субъектов межличностного взаимодействия: дис. ... канд. психол. наук. Саратов, 2018. 264 с.
11. Кузнецов, М. И. Личная деловая репутация в цифровой среде как критерий профессионального роста студента / М. И. Кузнецов // Педагогическая деятельность как творческий процесс: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), Грозный, 29 октября 2022 года. - Махачкала: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство АЛЕФ", 2022. - С. 324-329 .
12. Ларина, А. Т. Роль эмоционального интеллекта в предотвращении эмоционального выгорания педагогов / А. Т. Ларина // Международный научно-исследовательский журнал. - 2016. - № 10-4(52). - С. 121-123. - DOI 10.18454/IRJ.2016.52.135.
13. Майер Дж.Д., Саловой П., Карузо Д.Л. и Ситарениос Г. (2001). Эмоциональный интеллект как стандартный интеллект. Эмоция, 1. - С. 232-242.
14. Мусийчук, М.В., Роберто Валдес Пуэнтес, Мусийчук С.В. Юмористические задачи как средство развития эмоционального интеллекта // Научный результат. Педагогика и психология образования. - 2016. Том 2 №3. - С. 56 - 61.
15. Мусийчук, М.В. Учебное пособие к спецкурсу "Развитие творческого воображения" или "Дюжина приемов и кое-что в придачу" / М. В. Мусийчук ; М-во образования Рос. Федерации. Магнитогор. гос. ун-т. - Магнитогорск: Изд-во Магнитогор. гос. ун-та, 2003. - 194 с.
16. Спивак, В. А. Значение и тенденции в управлении талантами в организациях / В. А. Спивак // Актуальные проблемы современного общества. Социология. Управление. Политика: Межвузовский сборник научных трудов / Под редакцией Э.Б. Аваковой. - Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2019. - С. 38-47.
17. Трихина, Н. Н. Деловая игра как педагогический помощник развития коммуникативных качеств курсантов, студентов образовательных организаций ФСИН России / Н. Н. Трихина // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия : Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции, Пермь, 06-08 апреля 2022 года / Сост. А.И. Согрина. Том 1. - Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. - С. 169-171.
18. Edward de Bono. Lateral Thinking: Creativity Step by Step. - Harper & Row, 1970. — 300 с.
19. StartExam. Наши клиенты - международные топ-компании [Электронный ресурс] // startexam / главная/ URL:<https://360.startexam.ru/> (дата обращения: 10.02.2024).
20. StartExam. Кто такие HiPo-сотрудники, что их отличает от рядовых работников. [Электронный ресурс] // startexam / главная URL: <https://www.startexam.ru/journal/likbez/kto-takie-hipo-sotrudniki-chto-ikh-otlichaet-ot-ryadovykh-rabotnikov/> (дата обращения: 10.02.2024).]

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Статья, направляемая в журнал «ЖИВАЯ ПСИХОЛОГИЯ», предоставляется в электронном виде в текстовом редакторе Microsoft Word по e-mail: VAK-info@yandex.ru

Файл с текстом статьи должен иметь расширение *.doc или *.docx. Разметка страницы: поля со всех сторон 2 см, ориентация книжная, формат А4. Текст набирается шрифтом Times New Roman, размер (кегель) 14, абзацный отступ 1,25 см, межстрочный интервал полуторный с использованием автоматической расстановки переносов. Аннотация (от 100 до 150 слов); ключевые слова на русском языке (от 8 до 15 слов). Название статьи, аннотация, ключевые слова, сведения об авторах должны быть переведены на английский язык.

Исключить громоздкие цифровые и формульные таблицы, а также рисунки, более, чем на 0,5 страницы. Все таблицы и рисунки должны быть в тексте, подписаны, ссылки на них по тексту обязательны.

Список использованной литературы составляется по алфавиту в конце статьи в соответствии с ГОСТ. Источников литературы не менее 10, не более 15 источников. Ссылки на литературу в тексте отмечаются арабскими цифрами в квадратных скобках.

В статье должны быть указаны следующие сведения о каждом авторе: фамилия, имя, отчество (полностью); место работы и должность; ученая степень; домашний адрес (если необходимо почтовый экземпляр); контактный телефон; адрес электронной почты. Название ВУЗов полностью, без сокращений.

Пример оформления статьи:

<http://nauka-vak.ru/wp-content/uploads/2022/07/Пример-оформления-статьи.doc>

ВАЖНО!!!

Все статьи проверяются на ПЛАГИАТ. Процент авторского текста должен составлять не менее 75%. Цитирования не более 25%.

Все поступающие в редакцию материалы должны быть проверены на наличие заимствований из открытых источников (попросту – плагиат), проверка выполняется с помощью системы AntiPlagiat.ru.

Редакция предупреждает авторов, незаконно заимствующих объекты интеллектуальной собственности, об ответственности, предусмотренной в Статье 146 УК РФ «Нарушение авторских и смежных прав». Процент авторского текста должен составлять не менее 75%.

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия ПИ № ФС77-83669 от 05 августа 2022г.

Международный стандартный сериальный номер (ISSN)
в печатной версии: 2413-6522,

Каталог периодики «Урал-Пресс», Подписной индекс: 014722

Учредитель и издатель журнала: Общество с ограниченной
ответственностью «Издательство «Манускрипт» (ОГРН 1226100004679),
344114, РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ, Г.О. ГОРОД РОСТОВ-НА-ДОНУ, Г.
РОСТОВ-НА-ДОНУ, УЛ БОРЯНА, Д. 20, 24

Адрес редакции и издателя: 344114, РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ,
Г.О. ГОРОД РОСТОВ-НА-ДОНУ, Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ, УЛ БОРЯНА, Д. 20, 24

Сайт издательства: <https://naukavak.ru/>

Подписано в печать 15.02.2024г., дата выхода номера в свет
20.02.2024г., Форм 60 x 90 1/8, печ. л. 7,12

Периодичность: 8 раз в год, тираж 500 экз., заказ №0220-24/2

Отпечатано в типографии Общество с ограниченной ответственностью «Издательство
«Манускрипт» (ОГРН 1226100004679),

Адрес типографии: 344114, РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ, Г.О. ГОРОД
РОСТОВ-НА-ДОНУ, Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ, УЛ БОРЯНА, Д. 20, 24

Цена договорная.